

WARHA

Альманах "Варха" #5 (осень 2018 г. | 18+)

Традиция | Философия
Трибуна | Поэзия

Альманах WARHA

Распространяется свободно от SVARTE PUBLISHING

Оказать финансовую поддержку альманаху можно:

ЮМани: 410011860956006

Сбербанк 4276440012927676

PayPal: svartepublish@gmail.com

Контакты

www.askrsvarte.org

[instagram.com/svartearske](https://www.instagram.com/svartearske)

vk.com/askrsvarte

#svartearske | #askrsvarte

WARHA

Альманах

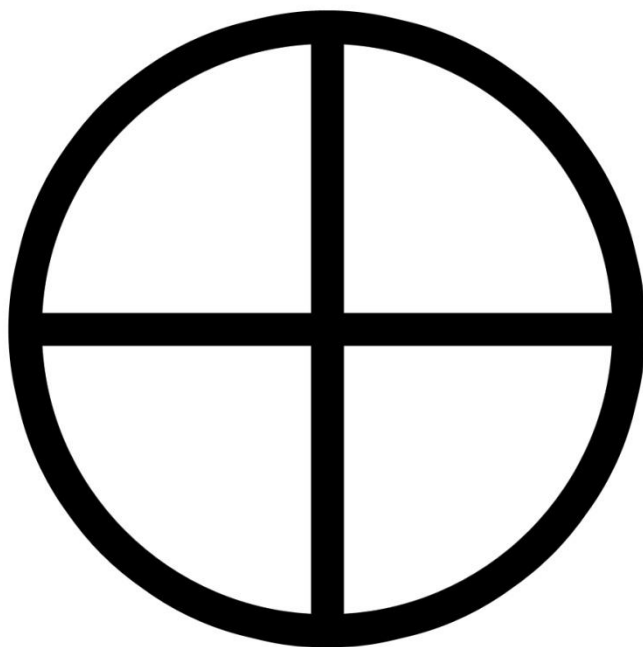
Традиционализм и Традиция

Философия и метафизика

Трибуна

Поэзия и книги

Выпуск #5

2018 era vulgaris

Warha – также известна как руна R/y в исландском футорке или k в англо-саксонском футорке – в языческом традиционализме означает смерть либо конец, в том числе время Конца Мира.

Альманах Warha #5. Традиция. Философия. Трибуна. Поэзия.
Материалы использованы с разрешения авторов и переводчиков.
Обложка: Полина Гаевская | @p.gajewsky
Подготовка к печати: Askr Svarte

(Разрешается использование и цитирование текста и фрагментов при сохранении целостности и неизменности и с указанием автора и ссылкой на издание)

Альманах издается сообществом Svarte Aske – Тёмный Ясень
г. Новосибирск, 2018 г. е.в.

www.AskrSvarte.org | www.Polemos.ru

Содержание выпуска

Вместо слова редактора.....	5
-----------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ И МЕТАФИЗИКА

Askr Svarte: Заметки на полях Ойгена Финка	15
Коллин Клири: Бытие-в-роду	18
Заметки Готфрида Бенна об истории психологии	29

ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Askr Svarte: Действие в последние времена	45
Askr Svarte: Идентичность язычника в XXI веке.....	65
Askr Svarte: Традиционализм и место экономики	76
Askr Svarte: Полемика язычества и христианства: вопрос боговоплощения	81
Евгений Головин: Великий Пан	91
Яцек Добровольский: Попытка возрождения польского Диониса	95
Юлиус Эвола: Мореплавание как героический символ.....	120
Андрей Игнатьев: Азбука Тантры.....	124
V.L.S.L.V.: Наша сияющая подлинность.....	130
V.L.S.L.V.: Радение о Чёрном Пламени на Мару Зимнюю	131
V.L.S.L.V.: Учение Великой Нави: Язычество и Хао-Гностическая Революция	132
V.L.S.L.V.: Божественный Андрогин: Встреча с Анимой.....	136
V.L.S.L.V.: Времени нет!.. (Мистерия Четвёртого Лика Богини).....	138
V.L.S.L.V.: Символика жертвоприношения в Учении Великой Нави	140
V.L.S.L.V.: Гностицизм и психология: Демииург как олицетворение <i>ego</i> ..	143
V.L.S.L.V.: Последнее Пророчество	146
V.L.S.L.V.: Радение на Кургане.....	147
V.L.S.L.V.: О лярвах и эгрегорах.....	148
V.L.S.L.V.: Классификация Духовно-религиозных учений в свете концепции Эонов.....	150
V.L.S.L.V.: О Сословном Знании	155
Askr Svarte: Skálar blot	158

Valdr: Вира Вафтруднира	161
Креслав Томский: К встрече с Тёмной Матерью... ..	165
Чеслав Вятч: Мы рождаемся, чтобы умирать	174
Чеслав Вятч: Жертва и жертвенность. Традиция и современность	176
Чеслав Вятч: Реконструкция или возрождение?	180
Кирилл Евсеев: Уход в лес	182

ТРИБУНА

Влассис Рассаиас: Восстанавливая подлинную европейскую идентичность.....	187
Интервью с Андерсом Нильссоном, главой AFA-Scandinavia.....	190
Интервью с Даниилом Свартовым.....	200
Народ калаши и идентичность.....	204
Воспитание в традиции и влияние современности	214

ПОЭЗИЯ

Александр Беялов.....	233
Askv Svarte	244
Valdr	246
Крив Томский	248
Креслав Томский	252
Чеслав Вятч.....	254

КНИЖНОЕ РЕВЬЮ

Коллин Клири: радикальный традиционализм и открытость Бытию	259
Коллин Клири: философия, обращенная к мифу.....	262
Юлиус Эвола: неудобный барон	267
Ален де Бенуа: как быть язычником	270
Мартин Хайдеггер: шварцвальдский шаман.....	272
Эвмесвиль: в конце истории?	278
Авторы и переводчики.....	286
Анонсы изданий	288

Вместо слова редактора

Тематическое ядро альманаха — языческий традиционализм и Путь Левой Руки в свете учений различных традиций. В первый выпуск 2015 года, чуть менее 70 страниц, вошли тексты Велеслава Черкасова о Шуйном Пути, Бхайраванады о тантризме, три моих текста о северной традиции и четыре свежих перевода зарубежных авторов — Коллина Клири, Wotans Krieger, Вульфа Гримссона и Юлиуса Эвола. Три первых автора вообще впервые появились в переводах на русский язык, до этого они были у нас неизвестны, хотя на Западе их имена (Клири, Гримссон) известны. Эвола же — признанный классик, но его текст о Дионисе и Пути Левой Руки также был переведен впервые. С первого же выпуска мы взяли на себя обязательство в каждом номере представлять публике новых авторов, русских и зарубежных, а также свежие переводы интересных текстов — чтобы создать «мост» для обмена проникновения актуальной западной мистической и философской мысли в русскую среду.

Второй выпуск конца 2015 — начала 2016 года, на десяток страниц толще первого, уже объединял большой коллектив авторов, помимо состава первого выпуска к нам присоединились астрологические заметки от специалиста по тантрическому буддизму В. Поликарповой, визионерские заметки хакасского посвященного шамана Лютослава Красноярского. В первом выпуске Wotans Krieger (в переводе) рассуждал о месте Локи в системе взглядов Пути Левой Руки, а уже во втором мы представили перевод персонажа под ником Boreas, который отстаивал противоположную точку зрения, а также мы включили ещё один полемический перевод от Вульфа Гримссона, тоже специфического локианца, о сущностных различиях в понимании Пути Левой Руки на Западе. Дело в том, что в те годы был всплеск дискуссии о фигуре Локи в Единизме и Асатру, на западных форумах ломались копы, а русскоязычный читатель был в курсе благодаря нашим переводам и комментариям. Насколько известно, в русскоязычной среде до сих пор споры идут скорее о месте локианцев в язычестве, чем о самом великом трикстере.

Также в альманах вошел перевод крайне занятой статьи известного американского «патриарха» Асатру Стивена МакНаллена о методе трансценденции в Германской традиции и, что тем более занятно, перевод заметки Никарева Лешего (Nikarev Leshy, Neil Hiat) — английского мистика с русскими корнями, который опирается одновременно на Единизм и Шуйный Путь Велеслава. Не обошли вниманием и барона Эвола, включив в альманах уже известный перевод о мистериях Митры.

Качественный скачок свершился с выходом третьего номера летом 2016 года, тогда же альманах перешел на график «один выпуск в год» и вырос сразу на 100 страниц, составив в сумме 172 страницы отборного материала.

В структуре альманаха оформились три раздела — философия, традиция и поэзия.

Первый раздел поднял планку альманаха и развернул его к интеллектуальной и философствующей аудитории. Ядром философского раздела стала Античность и окрестные дискуссии, особенно вокруг фигуры Мартина Хайдеггера и недавней публикации его «Черных тетрадей», которые снова подняли пустой шум об «антисемитизме» — здесь вновь русскоязычный читатель был в курсе актуальной дискуссии. В защиту Хайдеггера выступил Джованни Сесса (в переводе), профессор истории в университете Кассино, Италия. Его поддержал Г. Тишинский с анализом фигур немецкого мэтра и мэтра традиционализма Ю. Эвола. Я, в свою очередь, перенес вопрос Хайдеггера о настроении экзистенциальной скуки на сферу современного язычества, сделав неутешительные выводы о перспективах языческого движения в Европе и России. О проблеме неоязычества на страницах альманаха также рассуждал Сергей Телегин, профессор, доктор филологических наук и писатель.

Два текста Натэллы Сперанской объединены проблемой культуральной тревоги между язычеством и христианством в Античности и современном традиционализме.

Ряд текстов был посвящен Дионису, впервые был представлен перевод Ананды Кумарасвами, ещё одного известного традиционалиста, о Шиве; итальянский ученый Стефано Арчелла посвятил свою статью разбору мифа о Кибеле и Аттисе, а археолог и религиовед Джузеппе Армино рассказал о практике человеческих жертвоприношений в древности.

В третьем выпуске состоялось первое знакомство с англо-канадским исследователем и писателем Ричардом Раджли, автором книг о древнем человечестве и психотропных веществах в европейской магической культуре. Ранее он был неизвестен русскоязычной публике, поэтому мы сделали с ним обстоятельное интервью.

Раздел «Традиция» почти полностью был посвящен Путилевой Руке в текстах Велеслава и его соратника Верена о тёмных Богах славянской традиции, Бхайравананды и его учеников, в моих текстах об Единизме, Волк Ши рассказал о кельтской гадательной системе огам. В этот раздел попал и свежий перевод немецкого оккультиста Грегора Грегориуса.

В поэтическом разделе дебютировали А. Джайават, Варн Морт и ныне уже почивший Александр Бобров.

Отдельным приложением в выпуск вошел полный текст «Основ вероучения Единизма» — исправленный и дополненный текст на основе аналогичного документа Асатру от 2013 года, но выдержанный в ключе мягкого традиционализма (по определению Марка Сэджвика).

После выхода третьего выпуска альманаха было решено добавить «мосту» для проникновения актуальных западных идей и дискуссий в наше пространство, скажем так, «двустороннее движение», и зимой 2017 года вышел первый англоязычный выпуск альманаха *Warha Europe*, который был очень тепло встречен в США и Европе.

Костяк альманаха составили мои интервью с Вульфом Гримссоном, Ричардом Раджли, Аленом де Бенуа и мои ответы на вопросы Нила Хайата, которые ранее выходили на русском языке в предыдущих выпусках альманаха.

Также к нам присоединились Натэлла Сперанская с переводом статьи о внутреннем конфликте древнего грека, Никарев Леший и его заметки о Пути Левой Руки, с одной из программных статей о Шуйном Пути выступил Велеслав, а Агнишвари Джайават представила текст о Богах в тантризме. И, разумеется, мы не обошли вниманием Ю. Эволу, включив и его текст в композицию. На данный момент мы неспешно работаем над сбором материалов для второго англоязычного выпуска. Промежуточная лимитированная компиляция «*Pagan Traditionalism & Identity*» была тепло встречена летом 2018 года.

Наконец, в сентябре 2017 года по общепризнанному летоисчислению, выходит четвертый выпуск альманаха, в котором есть принципиальные новшества.

Главное — новый и пробный раздел «Трибуна». Ранее мы категорически отказывались включать в альманах политические тексты, но в беседе с Ричардом Раджли мы затронули тему идентаризма, а с Аленом де Бенуа — актуальную политическую повестку в Восточной Европе. Поэтому для раздела «Трибуна» мы подобрали и специально перевели два текста, которые раскрывают, как языческий традиционализм Эволы, де Бенуа и других авторов может быть преломлен в свете адекватных и не радикальных политических идей. Это довольно дискуссионный вопрос, поэтому мы воздерживаемся от агитации и ограничиваемся лишь знакомством читателя с возможными вариантами.

К тому же новый раздел не посвящен политике целиком. Он содержит в себе интереснейшее интервью с осетинским религиозным писателем Даурбеком Макеевым, где мы с ним говорим о различных аспектах народной дохристианской и доисламской традиции на Кавказе, в Осетии — для

русских это некая «экзотика», хотя на самом деле их политические и религиозные отношения в обществе похожи на то, в каком положении находятся и русские родноверы и одиносты — все далеко не радостно. Проблемы язычества затрагивает и молодой украинский родновер и писатель Валентин Долгочуб.

Или иной мой текст — отклик на 95-летие расстрела белого офицера, барона Романа Фёдоровича Унгерна в 1921 году. Казалось бы, причем тут русское язычество и необычная судьба белого офицера? В статье предлагается вариант ответа.

Философский раздел вновь посвящен континентальной философии. Включено эссе Хайдеггера о жизни в провинции — в пике тенденции «урбанизировать» традицию.

Эрнст Кисел рассуждает о литературном периоде Эрнста Юнгера 1950-1960х годов, а Ален де Бенуа рассматривает критику Фридриха Ницше Мартином Хайдеггером. Натэлла Сперанская детально разбирает типологию героических фигур в свете ноологии, а я презентую одну из важных статей о вечности Мифа в человеческом обществе.

Значительно расширен традиционалистский раздел, в который помимо постоянных авторов — Велеслава, Эволы и меня — вошли сплошь новые тексты и авторы: Валентин Долгочуб перевел на русский язык фрагмент своей книги «Язычники атомного века» о философских школах родноверия и презентовал свои визионерские очерки под традиционным именем; нижегородский религиовед Роман Шиженский разбирается с типологией языческих жрецов с помощью К. Г. Доусона; вновь замечательный Коллин Клири с опорой на Хайдеггера обращается к скандинавской мифологической антропологии, а Никарев Леший делится обширными заметками о Путилевой Руки в Одинизме, которые я дополняю обзором традиционалистских оснований этого направления в северной традиции; Волк Ши рассказывает о культовых животных в традиции кельтов, а Константин Фёдоров актуализирует кастовый вопрос, который был ключевым для обществ традиции, в современном мире. Также в альманах вошел свежий перевод литургии Бога Митры — крайне необычный и выделяющийся текст.

Поэтический раздел преимущественно отдан великим немцам — Гёльдерлину и Стефану Георге, чье одно только стихотворение «Слово» дает богатые плоды в традиционалистской интерпретации. Завершают сборник стихи русского поэта Александра Мрачного, основателя — увы! — ушедшей со сцены формации Pagan Poetry Front.

На кого рассчитан альманах? На людей, которые уже «в теме», или на начинающих, или на тех и других?

Очевидно, что приобрести альманах может любой желающий, и сознательно мы никаких ограничений не ставим, дескать «такие-то люди – бросьте его из рук, это не для вас!» В этом плане нашим читателем потенциально может быть любой человек, это альманах для всех интеллектуальных и любопытных в язычестве и традиционализме людей.

Но специфика, так или иначе, есть, и она устанавливает свой естественный ценз. Например, учения Пути Левой Руки очень сложно и трудно воспринимаются современными язычниками, которые зачастую ищут в традиции утешения, комфорта, решений и рецептов, каких-то светлых образов на грани хиппарства и пацифизма, в то время как Путь Левой Руки пропитан эстетикой смерти и разрушения, нонконформизма и священного Безумия. Это очень требовательный путь, и он отталкивает проходимцев. Но и помимо леворучных текстов у нас есть интересные материалы о язычестве, особенно визионерские очерки.

Свой интеллектуальный ценз устанавливает и философия традиционализма — довольно сложная дисциплина и направление в современном язычестве в Европе и России, которое все более и более завоевывает позиции. В этом ещё один наш принцип — повышать интеллектуальный уровень язычества и язычников, мотивировать их к изучению не только фольклора и источников, но и к освоению философского языка и мысли. Была занятная история с русским журналом «Родноверие», который требовал от нас как можно более простые тексты, дескать «публике будет тяжело читать». Это возмутительная ситуация, когда вместо подтягивания своей аудитории к более высокой планке журнал предпочитает упростить дискурс. Тем более, что речь шла о довольно обыденной философской терминологии уровня университетского курса. Мы считаем, что язычество должно усложняться и развиваться в сторону интеллекта, поэтому — философия, традиционализм, дискуссии с Западом и поэзия. При этом примерно половина наших авторов — это довольно молодые люди, немногие из которых старше 30 лет. Если уж они способны на понимание, то о чем тут говорить в случае с более старшим поколением или ровесниками, Это вопрос образования и прививания вкуса, языка и культуры мышления и сферы идей и имен. Популярная эзотерика — где-нибудь в другом месте.

В чем уникальность альманаха?

В принципе, его уникальность как раз и состоит в сочетании двойного нонконформизма: в традиции и традиционализме — упор на эсхатологию и Путь Левой Руки со всеми его сложными нюансами; в язычестве как таковом — упор на философию и традиционализм, на Ум.

Помимо этого, как видно из антологии изданий, каждый выпуск альманаха содержит если не 100%, то не менее 70% оригинального и эксклюзивного контента. Это переводы зарубежных авторов, которые ранее вообще не были известны в России — вследствие чего образуются идейные связи, налаживаются мосты и диалоги с западным традиционалистским миром. Ещё альманах — это трибуна для молодых русскоязычных авторов-язычников и традиционалистов, которые могут заявить о себе и своих идеях в соседстве с мэтрами и попасть на полки профильных книжных магазинов в крупных городах России (и насколько мне известно, альманах уже самостоятельно окольными путями попадает в другие постсоветские страны). Не говоря уже об интересе к альманаху со стороны язычников Америки и Европы, который мы будем развивать и укреплять.

К тому же сегодня в России вообще не осталось традиционалистских периодических изданий. Легендарный альманах геноновского направления «Волшебная гора» не выходит после смерти редактора (крайний выпуск датирован 2016 годом и сосредоточен на авраамических штудиях); альманах «Традиция» закрылся после увольнения А. Дугина из МГУ. Другие языческие журналы, выходящие преимущественно в электронном виде, развивают иные направления в традиции. Иногда они публикуют тексты традиционалистов ситуативно, зачастую не ставя перед собой четкой цели нести свет этой философии в язычество. А мы эту цель поставили и успешно её реализуем, вкладываем в это время и деньги, что — если допустить профанный экономический взгляд — абсолютно не выгодно с точки зрения прибыли, но в долгой перспективе преобразует язычество в России.

Осень 2018 года — и вот перед вами пятый выпуск альманаха.

Своеобразную веху наш альманах встречает на подъеме. С каждым номером количество и качество материалов и авторов растут, а первые выпуски переходят в разряд разыскиваемых редкостей. Под обложкой пятого выпуска нашли своё воплощение в печатной версии — для ценителей подлинного, этой уходящей «Атлантиды» книжного мира — лучшие тексты зимы-лета 2018 года, а также, по уже доброй традиции и принципу нашего издания, — эксклюзивные тексты и переводы.

Среди первых следует отметить перевод первой из четырех частей объемного эссе Коллина Клири «Бытие-в-роду», посвященного деконструкции индивидуализма с опорой на философию Целого Ф. Гегеля и германо-скандинавскую традицию. Коллин Клири — один из самых

интересных, глубоких и самобытных англоязычных американских авторов. Альманах «Warha» стал первой площадкой, на которой были опубликованы переводы К. Клири. Мы открыли этого автора русскоязычной аудитории и вот, зимой 2017/2018 года в издательстве «Тотенбург» вышли два тома его трудов на русском языке. Они вышли с предисловиями от Askv Svarte, которые мы приводим в разделе «Ревью». Более весомого события в среде русскоязычных последователей германо-скандинавской традиции в минувшем году не было.

Отдельно следует отметить участие в этом выпуске Сергея Жигалкина — ученика и издателя книг Евгения Всеволодовича Головина, редактора альманах «Splendor Solis» (1995–1996 гг.), автора книги «Метафизика вечного возвращения». Сергей любезно предоставил нам свои переводы статей Готфрида Бенна, которые наглядно показывают метафизический сдвиг к имманентному, материальному измерению психологической науки; утрату души и концентрацию внимания на нейро-телесных аспектах психики.

Также С. Жигалкин предоставил нам подборку стихов А. Беялова, поэта 1980-1990-х годов. Эта подборка была запланирована для очередного выпуска альманаха «Волшебная гора», который так и не увидел свет. Теперь его поэзия воплощена на наших страницах.

Имя Евгения Головина затронуто нами не случайно. В некотором смысле вся серия альманах «Warha» тайным или явным образом несет отпечаток дионисийского духа и стремления к Радикально Иному и Запредельному, что было одним из нервов «южинского кружка» или «южинской школы» в широком толковании этого понятия. В этот выпуск включено эссе Евгения Головина о Великом Пане, а также два стиха-посвящения Адмиралу от московского поэта-традиционалиста Valdr. Эти стихи были зачитаны на могиле-менгире Головина в августе 2018 года, где мы тоже присутствовали.

Впервые на русском языке представлено обширное эссе польского мыслителя Яцека Добровольского о «польском Дионисе» и празднике Дзядов, переведенное и отредактированное Натэллой Сперанской. Как известно, в Польше с каждым годом нарастает интерес к собственной славяно-языческой традиции.

Особо хочется отметить дебют на русском языке Влассиса Рассиаса — мы перевели его речь на открытии Европейского конгресса этнических религий (ECER) 2014 года. Влассис Рассиас — «патриарх» возрождения греческой традиции и автор десятков книг о традиционализме и греческом язычестве в частности, многие из которых представляют огромный интерес и, надеемся, когда-нибудь увидят свет на русском языке.

В выпуск также включено обширное интервью с Андерсом Нильссоном — главой европейской ветви организации «Asatru Folk Assembly» из Швеции, одной из самых известных этноцентричных асатру-организаций в мире. Андерс любезно ответил на вопросы от нашего альманаха, журналов «Северный Ветер» и «Сага», тем самым состоялось очередное двустороннее знакомство русскоязычной и европейской публики (англоязычная версия интервью вышла в сборнике «Pagan Traditionalism & Identity»).

Немаловажным для нашего альманаха в частности, и для русского язычества в целом, мы считаем тот факт, что к пятому выпуску, но за столь короткий срок в 3,5 года, значительная часть статей в альманахе — это дебютные тексты тех, кто ранее были нашими читателями. Формирование традиционалистского дискурса, включая полемику и разнообразие точек зрения, постепенно оформляется в «сеть», в среду единомышленников. И мы с радостью и честью предоставляем нашу площадку для выражения своего голоса. Наши читатели могут обратить внимание на таких многообещающих авторов, как: Valdr Московский, Крив Томский и Креслав Томский из традиционалистской родноверческой общины «Волотов Узел», Чеслав Вятч, Кирилл Евсеев и иллюстратор Данила Свартов, интервью с которым вы найдете в разделе «Трибуна».

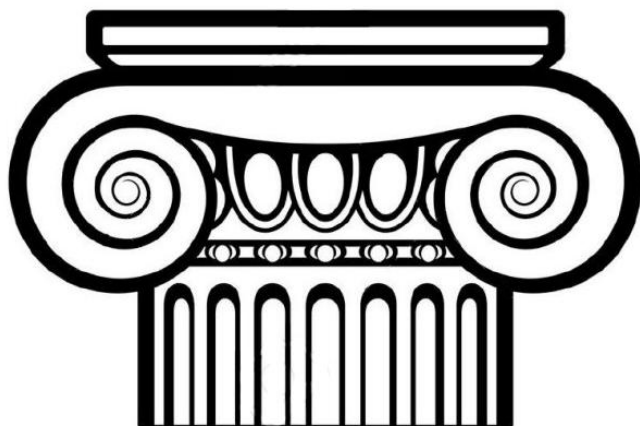
Тематика Пути Левой Руки представлена нашим постоянным автором Велеславом Черкасовым (V.L.S.L.V.) и заметками Креслава Томского. Askar Svarte продолжает исследовать ритуальные горизонты германоскандинавской традиции. Восток представлен ликбезом Андрея Игнатьева — первой частью «Азбуки Тантры»; также Андрей предоставил в распоряжение редакции продолжение рецензий Г. Киссела о книгах Эрнста Юнгера.

Наконец, в разделе «Трибуна» вы найдете текст с необычной судьбой «Народ калаша и его идентичность». Воистину рискованная история этого текста является наглядным, живым и современным свидетельством того, что искоренение религиозной ненависти и освобождение народов и их собственных традиций ещё очень далеко. Этот текст о далеких землях на самом деле предельно близок возможному европейскому будущему.

И наша с вами задача, в числе прочего, — отстаивать свою идентичность и традицию, *дабы будущее было нашим* и никаким другим более.

Askar Svarte
2017-2018 e. v.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТАФИЗИКА

Askr Svarte:

Заметки на полях Ойгена Финка

Взгляды Финка заинтересовали меня с его совместного семинара с Хайдеггером о Гераклите. По случаю приобрел его книгу «Основные феномены человеческого бытия». Читая, делаю заметки.

Финк честно и прямо пишет, что, при всем уважении и без ненавистничества к Мифу, его интересует светская философия, понимание и интерпретация человеческого бытия из самого человека в современных ему реалиях. Иногда и как будто «между делом» Финк формулирует меткие суждения, которые можно использовать как окно в мысль и через это окно взглянуть на наши традиционалистские реалии.

Так, например, Финк пишет:

«Мы не знаем, как нам жить. Но это робкое незнание уже есть определенная раскрытость бытия как загадки. Животное не смотрит на себя с робостью, тревогой, растерянностью. Оно не ищет пути в жизни, его еще твердо ведет природа. Но человек потерял этого проводника — такова цена, которую ему пришлось заплатить за свою свободу. Он вверен самому себе, поручен самому себе — но именно это он поначалу осознает только как беспомощность. У него еще нет доверия к себе, он не полагается на свой ограниченный, неразвитый ум. Он ожидает наставлений и указаний от высших сил, обращается к оракулам, к природе, дающей знаки полетом птиц. В ранних обществах величайшим почетом пользуется колдун: он как будто поддерживает обратную связь с укрывающей природой. Аналогично положение жреца: он служит рупором богов. Уже иное положение у “вождя”, повелителя: здесь впереди идет человек, и он указывает окружающим путь, исходя из человеческого понимания».

Этот отрывок, написанный совсем по иному поводу, можно привлечь (при всем уважении) для критики эволианского кшатризма и апологии барона «восстания кшатриев». Смещение от жреца к вождю есть смещение в сторону человеческого, горизонтом которого является печальное «слишком человеческое» наших дней. Разумеется, кшатризм Эволы и второе сословие в целом — феномены гораздо более сложные, чем их представляет Финк, для которого смещение к человеческому уровню позитивно, так как освобождает человека в самом человеке. Здесь напрашивается образ взрослеющего ребенка, который учится быть самим собой. Но у Финка этот образ свободен от модернистского пафоса о «взрослеющем человечестве», восстающем против Мифа как его «детства»; Финк видит человеческую жизнь и экзистенцию как великий эксперимент и игру, в которой величие

человеческого ума (выраженного в философии как образе жизни, а не сумме знаний) должно осмыслить бытие из себя. Здесь по тексту сильно влияние Хайдеггера. Для нас это представляет серьезный интерес, так как Железный век — век богооставленности, десакрализации, выхолощенный век, посреди которого и стоит «взрослый», одинокий и свободный человек, даже если он изо всех сил «традиционалист». (У меня есть сомнение в корректности перевода фразы «он как будто поддерживает обратную связь с укрывающей природой» — здесь напрашивается форма слова «укрывающейся природой», что напрямую отсылает к Гераклиту и досократической философии и усложняет картину фразы.)

Чуть ниже Финк формулирует очень насыщенную сентенцию:

«Должно быть, мифология тоже предполагает какую-то истолкованность смысла человеческой жизни до появления мифологического послания. Но только эту первоначальную проясненность своего существования человек не вырабатывает по собственной воле. Он дожидается приходящего извне разъяснения и затем поселяется в нем. Он проживает в этом случае бытие, интерпретированное Другим, существует в упорядоченном богами смысловом пространстве, наполненном священными институтами».

Священные даршаны Индии учат, что один из худших «грехов» — это проживание чужой Дхармы, а не своей, как бы плохо ты её ни исполнял и как бы хорошо ты ни жил чужой жизнью. В таком свете, и даже при всем почтении к Богам, человек проживает немного не свою Дхарму. Между предписанным традицией и тем, для чего человек открыт, есть некий зазор, который в традиционном мире прикрыт. Освобождение от Божественного в традиционализме понимается как катастрофа, авангардом которой были «последние люди» низших сословий, которых интересовала не высшая свобода исследования этого зазора и его возможностей, но банальная плебейская «свобода от» всего высшего.

Боги упорядочивают космос и насыщают его смыслом, священным и судьбами людей — Финк называет это интерпретацией от Другого, в которой человек поселяется как в доме и проживает её. Но Традиция же и говорит нам, что между Богами и людьми нет принципиальной и непреодолимой разницы, человек сущностно близок Богам и, исполняя предписания аскезы и иные ритуалы, может достичь богореализации. Так человек как «Я» может стать тем самым Другим[-как-Богом], в интерпретации которого он живет как в чужом доме (по Финку). Здесь мы вплотную подходим к горизонту апорий и коанов в духе Дзен, когда «Другой есть ты», Я/Ты и чуждое оборачивается собственным, самостным. Так «зазор» свободы человека

оборачивается практически иллюзией, либо вовсе не тематизируется, либо разрешается в экстатическом катарсисе.

Ещё более занятные горизонты интерпретации мира Традиции как бытия-в-Другом и преодоление фигуры Другого через еще более радикальное освобождение от метафизики на субчеловеческом уровне мы видим в Постмодерне и даже в актуальной социально-политической катастрофе Европы и Запада в целом. Отсюда можно бросить заинтересованный взгляд даже на Хантингтона, но мы не об этом.

Финка интересует человеческое бытие в его самоинтерпретации, это он называет философией. Человек должен понять свое вот-бытие из себя самого, в этом его открытость и свобода, а также и задача. Финк стоит на светских позициях, нас же интересует проблема Сакрального и Богов. На пересечении мы можем поставить фигуру Хайдеггера, который оказал на Ойгена Финка большое влияние, и в учении которого есть энигматическая фигура Последнего Бога.

Прохождение Последнего Бога на горизонте есть свидетельство события сбывания аутентичности человеческого вот-бытия, о чем на свой лад говорит и Финк (не упоминая этой фигуры). Но явление События и Последнего Бога это не откровение и манифестация нового порядка и бытия сверху, это не фигура высшего Другого, который снова обустроит мир, разлившись благом сверху вниз. Мир, в который человек вновь радостно вернется как в свой дом и будет жить в нем, снова переживая полноту Священного. В таком случае это было бы лишь поворотом колеса эпох или Юг, возвращением Золотого века и так далее.

Явление (как по-явление на горизонте в открытости взору) Последнего Бога готовится самим человеком из себя, чтобы Последний Бог пришел — человек должен подготовить его прохождение и выкликать свою аутентичность. В этой оптике традиционалистский горизонт видится не как «реставрация и откровение свыше» в духе ожидания некоего гарантированного Пришествия, но как из-себя-приготовление, из-себя-приглашение, из-себя-интерпретация мира как Священного Бытия. Богооставленность человека есть момент его свободы для выбора: быть ему с Богами по собственной воле и самости, а не в силу наивного бытия-в-интерпретации-Другим. И здесь нет никаких гарантий, только наша — моя и ваша — жизнь, мышление и приготовление.

Askr Svarte

Коллин Клири:

Бытие-в-роду

(часть 1 из 4)

Преамбула переводчика

Оригинальное название эссе — «Ancestral being», где слово ancestral можно перевести как «наследие», но оно также прямо отсылает к «предкам», «родичам». Оба значения важны в контексте статьи, Клири затрагивает и тему наследственности, и тему предков, наследования им и через них. Поэтому мы передаем название немного громоздким сочетанием «бытие-в-роду», которое подчеркивает генеалогическую цепь («в моем роду...»). Слово «клан» в тексте так же подчеркивает это значение у автора. Цифры в квадратных скобках — ссылки на авторские примечания и библиографию в конце статьи; текст в квадратных скобках — примечания переводчика.

1. Введение

Данное эссе посвящено «онтологии индивидуальности». Теория нова, но имеет очень древние корни. «Онтология» — это раздел философии, в котором изучается бытие-как-таковое, или «бытие как бытие», как это выразил Аристотель [1]. Суть моего тезиса в том, что бытие индивидуальной личности связано с её отношениями с семьей или кланом [родом в русском языке]. Несмотря на то, что мы можем говорить о связях как с живыми, так и с умершими членами семьи, я сфокусируюсь на связи индивидуума с прошлым. Другими словами, моя идея заключается в том, что индивидуальное бытие формируется *тем, что наследуется*. К этому можно добавить, что индивидуальность конституируется и через связь с расой или этносом, которые, в сущности, являются большой «расширенной семьей» генетически близких людей. Но, пожалуй, это будет темой для иного эссе в будущем. Здесь же аргумент включает в себя семейные или клановые отношения в обычном конвенциональном значении слов, как мы их понимаем. [Клири использует слово «clannic» вместо «clannish», которое в английском языке имеет негативные коннотации «клановой замкнутости», «семейничества»],

Разговор о бытии индивидуума — это разговор *о том, кто он есть*. Обычно мы думаем о человеке как о персоне, более или менее ограниченной тем пространством, которое она занимает в нашем взоре. Это определение существа как того, кто «внутри вашей кожи», по определению Алана Уоттса [Alan Watts]. Онтология индивидуальности, которую я предлагаю здесь, требует от нас переосмыслить эту простую идею и осознать, что она не имеет

отношения к «здравому смыслу» [«commonsense» — базовая категория западной философии, введена Т. Ридом], как некоторые могут предположить, но является квинтэссенцией модернистского взгляда на вещи. Если существо индивидуума связано с прошлым, тогда «Я» простирается за пределы моего осязаемого тела как в пространстве, так и во времени. Мы увидим, что приближение к сути этой идеи потребует от нас полного переосмысления не только нашего способа рассмотрения индивидуальности, но и самого концепта «реальности».

Я представлю три разных подхода к нашему вопросу. Первый — чисто философский, основанный на неогегельянской метафизике, о которой я говорил в предыдущих эссе [2]. Цель первого подхода — подготовить почву для восприятия идей, которые могут быть современными чувствительными читателями восприняты как крайне странные. Интенция первого подхода близка к словам Гурджиева из «Рассказов Вельзевула своему внуку»: «Уничтожить беспощадно и без какого-либо компромисса в мышлении и чувствах читателя верования и взгляды, уходящие в него веками, обо всем, что существует в мире» [3]. Тем читателям, которые находят этот раздел трудным или «слишком философским», мы советуем упорствовать, ибо в конце их ждет свет.

Второй подход выражает точку зрения германской традиции. Здесь я вкратце обрисую некоторые самые образные и надежные штудии, касающиеся германского отношения к прошлому и тому прошлому, которое живет в индивидууме согласно тому, что Стивен Флауэрс определил как «хамингья-фюльгья комплекс» [hamingja-fylgja complex].

Третий подход будет научным, хотя некоторые предпочтут называть его псевдонаучным, в нем я опишу теории биолога-ренегата Руперта Шелдрейка. Его теория «морфогенетических полей» дает нам правдоподобную (но и очень спорную) научную интерпретацию традиционных германских представлений о наследуемости хамингьи и фюльгьи.

Ни научный, ни философский подходы не предлагаются как «валидация» германской традиции, которая представлена здесь как источник истины в самой себе и по праву. Более того, каждый из трех подходов также истинен, и они исключают друг друга. Точка, в которой все три подхода «согласны» — вот что я нахожу безусловно значительным. Данное эссе заканчивается некоторыми рефлексиями о том, как распознавание нашего кланового или родового бытия формировало представления наших предков о жизни и себе и как это должно формировать нас.

2. Метафизика

Всё связано со всем остальным. Это пункт, с которого мы начнем. Это одно из базовых положений философии неогегельянства, и его легко понять.

Возьмите любой объект рядом с вами и начните рассматривать его отношение к другим вещам. Возможно, это будет кофейная чашка. Во-первых, это *ваша* чашка — это одно из отношений. И она, очевидно, относится к блюду, на котором стоит. И к жидкости, которая в ней содержится, — для этого она была создана. Ваш кофе прибыл из Кении, следовательно, чашка имеет отношение к Кении, к Африке и африканцам, которые собрали этот кофе. Ваша чашка керамическая, значит, она имеет далекое отношение к Китаю, и к Марко Поло, который первым из европейцев упомянул керамику в записях. Вы купили чашку в Сан-Франциско, значит, она связана и с этим местом тоже. Вот осколки на полу, потому что ваш пес снес хвостом чашку. Следовательно, чашка теперь имеет отношение к собаке, а также к Германии, потому что это была немецкая овчарка. Чашка имеет отношение и к волкам, чья долгая эволюция до собаки тоже является причиной осколков чаши.

Мы можем рассмотреть и *негативные* отношения тоже. Например, чашка керамическая, *а не* металлическая, поэтому она не обладает некоторыми свойствами металла (притягивать магнит, например). Чаша не сознательна, она не *в курсе* этих отношений, — и это дает нам некоторые причины для понимания, почему это так; почему, например, вы можете пить из неё, но не можете разговаривать с ней. Чашка не осознает, что она ваша, но *не* вашего соседа и так далее.

Излишне говорить, что обладая достаточными знаниями, воображением и видением, мы могли бы продолжить перечислять позитивные и негативные отношения чашки к другим вещам бесконечно. Это была бы задача, которую мы бы никогда не смогли выполнить, так как тем или иным путем чашка относится *ко всему, что существует*, — к каждой другой чашке, каждому человеку, каждой травинке и каждой песчинке. И каждая из этих вещей, в свою очередь, относится к чашке и ко всем другим существующим вещам. Всё, очевидно, относится ко всему остальному. Мир не похож на мешок с мячиками — разделенными и несвязанными частицами. Мир более похож на организм, где всё соединено со всем, и каждая вещь занимает своё место в целом. Мы живем в огромной сети отношений, где все вещи соединены несчетным числом путей.

Эта позиция имеет несколько интересных импликаций. Давайте сначала рассмотрим вопрос тождества отдельных вещей. Так как всё соотносится со всем остальным, а также вещь включает в себя все свои характеристики и

аспекты себя самой, то, в конечном счете, бытие одной вещи включает в себя все отношения со всеми другими вещами. Другими словами, для *полного* знания одной вещи мы должны знать вообще всё (об этом говорил Платон).

Этот вывод выглядит весьма проблематичным, но понимание изложенного мной подхода к отношениям ставит под сомнение саму *сущность* вещи. Мы приучены мыслить мир как набор независимых и отдельных вещей, которые воспринимаются через пять органов чувств. Но сверх этого метафизика предполагает, что «вещи» в нашем опыте отнюдь не независимы, так как они пребывают в бесчисленном смешении зависимостей и отношений. Означает ли это, что они в некотором смысле не являются «вещами»? Но что такое «вещь» в точности? В определенном смысле это старейший вопрос философии.

Философия началась на Западе с попытки определить, *что есть истина*, или, иными словами, что такое *реальная вещь*. Интересно то, что с самого начала вообще не было философов, которые бы утверждали, что вещи — это то осязаемое, которое мы обычно называем «вещами». Фактически это было общепризнанной точкой зрения, от которой любовь к мудрости выстраивала *трансцендентность*. Были даны различные причины, почему «вещам» из нашего опыта не хватало сущности: они были сведены к некоей пластичной субстанции или субстанциям (к четырем элементам), из которых они были созданы и которые переживали их; они были «копиями» идеальных объектов, из которых они черпали свое бытие и которые переживали их; они были составлены из крошечных невидимых вещей (атомов), которые были *реальными*, потому что они снова пережили «вещи», сделанные из них. Они были изменчивыми и несовершенными, и поэтому их бытие было иллюзорным, так как что подлинные вещи недвижимы и совершенны, и т. д.

Эти трактовки идеи «сущности» идут от Фалеса к Платону и были в некоторой степени «синтезированы» в «Метафизике» Аристотеля, который впервые выразил, что проблема, о которой идет речь, является именно проблемой «сущего» (в греческом — слово «усия» [ousia], которое обычно переводится как «субстанция»).

Какими бы ни были различия между этими позициями, мы можем видеть, что они разделяют определенные предположения о сущем: то, что *истинно*, несводимо к чему-то другому, неизменно, совершенно, вечно, а также абсолютно самодостаточно и независимо (его бытие не зависит от чего-либо). Проблема сущности интерпретируется на протяжении всей истории философии, и действительно, можно сказать, что это не только отправная точка философии, но и ее центральная тема. Проблема сущности была решена Гегелем (с небольшой помощью Спинозы).

Изложим суть кратко: Гегель показал, что есть уровень восприятия, где кажется будто (*подлинных*) *вещей нет вообще*. Это тот вывод, к которому читатель уже и сам подошел. Как после этого возможно быть несводимым, неизменным, совершенным, вечным и абсолютно самодостаточным? Как мы уже видели и как Гегель замечательно подчеркивает, всё соотнесено со всем остальным; всё зависимо от мириад других вещей; каждая вещь есть пересечение огромной сети отношений. Но, по правде говоря, это означает что на самом деле вселенная *едина* или *целостна* [в оригинале *whole*, откуда — холизм, целостность]. «Всё соотнесено со всем остальным» означает, что всё *соединено* со всем остальным: Единое из многого. И это, возможно, центральное положение философии Гегеля.

Единственное, что соответствует всем упомянутым характеристикам «сущности», это сама Вселенная, рассматриваемая как единое и целое. Она несводима к чему-либо и абсолютно независима от чего-либо, *потому что ничего [более] нет*. Она совершенна (в ней нет нужды) и содержит в себе всё. Действительно, она бесконечна, потому что нет ничего, что бы её ограничило (сделало её конечной). И в целом, наконец, она неизменна и вечна: изменения проявляются *внутри неё*, и сама по себе она является всего лишь органической совокупностью всех процессов, всех изменений и всех отношений. Таким образом, в некотором смысле целое-в-себе не изменяется в своей непрерывной цикличности. Как говорил Гераклит о мире: «Меняясь, он покоится» (недаром он был известен как «Загадочный»).

Целое для Гегеля — это «Абсолют» (представленный в религиях как «Бог» — эта деталь не должна сбивать нас с толку). Далее, «истина это целое», говорит нам Гегель в «Феноменологии духа». Знание целого и есть та «мудрость», которую ищут философы («любящие мудрость»), — эта истина была понята ещё задолго до Гегеля, её можно обнаружить уже у Платона. Гегель соотносит «знание целого» с «абсолютным знанием», подразумевая знание Абсолюта. Они означают одно. Однако эта идея о знании, которое ищут философы, остается крайне загадочной и неуловимой.

Как именно мы можем знать целое? Можем ли мы «определить» это? Классический подход к дефиниции заключается в определении принадлежности вещи к высшему классу или роду; из этого более высокого порядка следуют характеристики, которые выделяют эту вещь из потока других. Но целое/Вселенная/единое/Абсолют (как это ни назови) не принадлежит к более высокому роду: есть только единственное целое, которое охватывает все рода, классы и индивидуальности. Оно, откровенно говоря, не может быть определено. Целое нельзя сравнить с чем-то ещё, потому что, ещё раз, его не с чем сравнивать. Все сравнения свершаются

между вещами *внутри* целого. Сомнительно даже то, что наши языки вообще способны говорить о целом, так как они созданы для операций с объектами и ситуаций внутри целого, но не для работы с самим целым.

Наши предки также воспринимали мир как единое и видели всё связанным со всем остальным, хотя подробная аргументация этого тезиса выходит за рамки данного эссе. В некоторой мере философию Гегеля можно понять как современное переложение очень древних воззрений. Между прочим, следует признать, что это метафизика, которая подчеркивает «соответствия» и «симпатии» [в значении «влечения», «расположения»] в природе, что было в центре внимания языческого, политеистического мировоззрения (которое успешно выжило в эпоху христианства). «Мудрость» заключается в каком-то знании всех этих отношений, того, как все вещи сходятся вместе в едином. Обладать этим тотальным знанием — значит знать всё, что есть, было и когда-либо будет [4].

В моем эссе «Что такое Одинозм?» я писал следующее: «Это необычно, что верховный бог германских народов принципиально характеризуется как искатель мудрости. Один, по сути, есть философ в буквальном значении — любящий мудрость». И мудрость, ещё раз, классически понимается как «знание целого» [5]. Один и одинист стяжают абсолютное знание. Да, мы всё ещё имеем дело с загадкой: как или каким образом это знание вообще возможно. Это наводит на мысль, что оно под силу только богу, но такое ограничение неприемлемо для одиниста (который подлинно стремится *быть богом*; быть Одним). Могут ли руны, добытые Одним через его саможертвоприношение на Мировом Древе, быть символическим языком, который дает нам эзотерический доступ к целому? Я уже предполагал нечто подобное [6] и ещё вернусь к этой идее в других эссе.

Как я уже говорил, знание целого должно дать нам и знание отдельного, подлинной вещи или существующего индивидуума. Но это также должно нас отсылать к тому, что все существует *внутри* целого: всё, во что «здравый смысл» верит как в «вещи» или «индивидуальности». Первый и самый фундаментальный путь, который открывается нам из знания целого и позволяет говорить о «вещах», заключается в инверсии общепринятых стратегий рассуждений, которая является ведущей характеристикой философии в целом. Для здравого смысла «целое» есть нечто «абстрактное», тогда как вещи внутри целого (люди, деревья, камни, инфузории-парамеции и т. д.) представляются ясными и реальными. Но в понятиях метафизики, которую я здесь изложил, на самом деле целое *является единственно и подлинно реальным*, в то время как то, что здравый смысл зовет «реальным» является *абстракцией* от целого. Другими словами, согласно здравому

смыслу только «индивид» обладает бытием и может быть познан как встроенный в систему отношений, которая есть целое. Схватывая «вещи» как реальные и единичные, здравый смысл исключает их из общего, более широкого контекста, из которого они черпают бытие и значение. Кратко говоря, истина заключается в том, чтобы *перевернуть* здравый смысл: «вещи» в нашем опыте и восприятии являются абстракциями, тогда как целое, которое является объектом философского знания, единственно реально.

Все, что я сказал о «вещах» в нашем опыте и восприятии, разумеется, применимо и к нам в полной мере: к тому, кого мы мыслим как индивидуумов. В конечном счете, чтобы понять отдельное человеческое существо, необходимо понять все окружающие его связи и отношения в целом. Однако для данного эссе я *сознательно* сосредоточусь на отношении человеческого индивида к малому целому внутри всеобщего целого: к предкам, клановому целому, частью которого он является.

3. Время и бытие

Бытие человеческого индивида в широком смысле конституировано через прошлое: через тех, кто был здесь и ушел до него. Я есть как результат бесчисленного количества событий, предшествовавших мне. Мир, который я воспринимаю своим, сотворен не мной, и мои мнения, через которые я определяю себя, тоже созданы не мной. Я долженствую всему, что прошло до меня. Это является очевидным во многих смыслах. Например, каждый индивид может быть рассмотрен как продукт истории, или мы можем увидеть в каждом индивидууме кульминацию всей истории. Это будет одним и тем же. Однако в данном эссе мы сосредоточимся на том прошлом, что *живет внутри* каждого из нас, в той форме, которую я буду называть «одушевляющее наследование».

Я хочу избежать ограничений при использовании термина «генетическая наследственность», так как то, о чем я говорю, также включает её в себя. И «генетическая наследственность» — в целом неплохое начало. Если читатель обладает некоторыми познаниями о том, как наши тела и разум «детерминированы» генами, то он сразу же увидит истинность того, что мы ранее определили как прошлое, что «живет внутри нас». (Некоторые из лучших примеров на эту тему связаны с исследованиями близнецов, о чем я коротко скажу в заключительной части эссе.) Наше физическое и психическое существование несет в себе буквальные следы физического и психического существования нашего рода, что был до нас.

Но тема, о которой мы говорим, не может быть целиком сведена к генетике. Есть резон быть открытым к самым разным способам воплощения веры наших предков в то, что мы несем в себе их наследие. Они поняли это через идею *фюльгьи* (fylgja), о чем я буду рассуждать значительно позже. На данный момент я просто скажу, что было бы грубым искажением понять фюльгью просто как способ, которым наши предки понимали вещи до того, как получили доступ к генетике. В разговор об «одушевляющем наследии» мы включаем *все* факторы, которые формируют нас, и я бы поспорил с тем, что они ограничиваются только генетикой. В этой концепции «одушевляющего наследия» я выделяю как часть концепцию души (психе) Аристотеля, то, что воплощено в форме или дает форму телу. (И говоря о множестве «душ», которые формируют нас, он был не так далек от понимания «души» нашими северными предками.)

Очевидно, что индивидуальное бытие есть точка пересечения *прошлого и будущего*:

Прошлое <————X————> Будущее

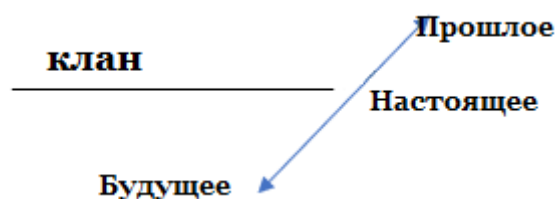
Как я уже сказал, я есть результат того, что было ранее, во многих смыслах. Во мне живут следы бытия тех, кто существовал до меня. Но предомной раскрывается будущее, и моё существование связано с ним в том числе. В значительной степени я проживаю жизнь в ожидании будущего. Я принимаю решения на основе того, что будущее может, должно и не должно преподнести. Общества также принимают решения на основе ожиданий от будущего.

Вдобавок мы должны рассмотреть роль потомков в концептуализации будущего. Мы суть продолжение прошлого, продолжение нашей семьи или клана, и мы видим наших детей как продолжение нас самих. Мы даем часть нашего бытия нашим детям; часть нас живет в них. Если у меня есть ребенок, то включается отношение «быть отцом». Это не означает лишь принятие новой роли — это является фундаментальным изменением моего бытия. Часть моего бытия теперь вынесена вовне, в другого: Я есть *в* своем ребенке. Моё собственное бытие теперь смешано с другим, который теперь есть часть моего естества. Вот почему родители так много вкладывают в своих детей, и вот почему потеря ребенка является сокрушительным событием. Дети суть часть бытия родителей и обещание, что это бытие будет продолжено в будущее.

Мы видим, что рассматривая сущность индивида (кто он есть) мы нашли её связь с прошлым и будущим многими путями. Но если мы рассматриваем

тот путь, которым индивид связан с кланом, то здесь видим ещё одно измерение, которое следует сделать понятным. В условия того, кто я есть, также входит моё отношение к «большой семье». В широком смысле это включает мои отношения внутри моего этноса. В более узком смысле речь идет о моих отношениях с членами моего клана — родителями и детьми, братьями и сестрами, дядями и тетями, кузинами и т. д. Старшие предки, пока они живы, являются важными аспектами нашего бытия, которое связано с прошлым. Они пришли в жизнь раньше нас. А наши дети будут жить дольше, чем мы, поэтому отношения с детьми в некотором смысле являются отношениями с будущим.

В сумме мы можем говорить о клановом бытии или бытии-в-роду [ancestral being] в двух измерениях, одно из которых пролегает через прошлое-будущее, а другое является «горизонтальным» планом, который включает наши отношения в клане/семье.

Эти отношения в плоскости «настоящего», повторим, являются отношениями с людьми, живущими вокруг нас, с которыми мы разделяем наше «одушевляющее наследие». Таким образом, мы можем думать о них как о делении «следами» нашего бытия. Мы постоянно сталкиваемся с этим фактом в повседневности, когда замечаем физическое или поведенческое сходство с родственниками. В таких случаях мы подмечаем, что в некотором отношении мы *как* они или мы с ними суть одно.

Ранее я рассуждал о метафизическом подходе, который противоположен «здравому смыслу» и в котором целое не «абстрактно», а индивид не «реален». Скорее только целое и *реально*, а индивид — лишь производная от него. Если мы приложим метафизику к клановым отношениям, то придем к удивительному заключению: те «сущности», с которыми мы имеем дело, — это кланы и народы, а не индивидуумы. Другими словами, подлинная реальность проявляется в кланах и народах, а индивидуумы «производны» от них. (Есть и другая сторона этой мысли, однако я до этого дойду.) Так выходит потому, что когда мы рассматриваем существование индивида в отношениях с его кланом или народом, мы осознаем, что он есть тот, кто он есть только через эти отношения. Так, схема, которую рисовали ранее,

должна быть интерпретирована так, как это должно выглядеть буквально: индивид (X) есть точка на линии, идущей из начала к концу. Первична линия, а не точка на ней.

Как я замечал ранее, наше нормальное мышление говорит нам, что индивид — это некто, вмещенный в его индивидуальное физическое пространство (тело). Мы привыкли думать терминами, которые предполагают наличие отдельных единиц, и в основном воспринимаем мир как состоящий из отдельных вещей. Но перспектива, которую мы изложили выше, заставляет нас сомневаться в этом. Мы видели, что когда я вникаю в вопрос о моем существе, я покидаю пределы того, что я обычно воспринимаю как физические пределы себя. Я завершаю понимание своего бытия с точки зрения моих отношений с другими, которые ещё отличаются от меня и — в этом весь смысл — *не отличаются от меня*. С одной стороны, клан имеет преимущество перед индивидуумом. Индивид — только точка на линии, на протяженности. Индивид есть производная от клана, и его бытие зависит от членства в клане. С другой стороны, клан может существовать только через людей, которые его наполняют.

Что удивительно относительно клана, так это то, что он конституирует некую вселенную: «реальную вселенную», как мог бы сказать Гегель. Это самобытная природа или тип. Мы говорим о «Йонасах», но мы знаем их клан/семью только через характеристики, которые проявляют её члены. Они формируют единство: во-первых, потому что они все принадлежат одному клану; во-вторых, потому что они проявляют характерные черты (которые могут немного варьироваться в поколениях); в-третьих, потому что они развивают набор условий и характеристик, которые, наконец, и делают их уникальными среди других кланов. Но никогда не бывает смысла, кроме особых случаев, абстрагироваться от «природы» и говорить: «Это то, в чем состоит Йонсизм»; это «сущность» или ключевая характеристика этой семьи. «Йонсизм» как реальность — это нечто развивающееся со временем через возникновение новых вариаций в Йонсизме; т. е. новых Йонасов. Это действительно зависит от того, на какой точке зрения сфокусирован человек: в первую очередь клан или индивид. В некотором смысле — оба, но я хочу подчеркнуть, что клан имеет большие требования. Эту точку зрения можно подкрепить мнением самих людей, которые живут в кланах и осознают их важность. Возможно, так бы ответили и наши северные предки.

Примечания:

[1] Дополнительную информацию смотри в моем эссе «Хайдеггер и введение в анти-модернизм» в книге «Что есть руна?» (Тотенбург, 2018).

[2] Смотри статью «Камни плачут: пещерное искусство и истоки человеческого духа» в книге «Что есть руна?» (Тотенбург, 2018); and «On Being and Waking» in TYR, Vol. 5, forthcoming.

[3] Г. Гурджиев «Рассказы Вельзевула своему внуку».

[4] Гегельянская философия гораздо обширнее, чем я затронул здесь. Гегель действительно считал, что можно «определить» целое, хотя и в очень необычном смысле. В своей логике он начинает с буквально малого и «выводит» (используя так называемую «диалектику») структуру самого целого в терминах системы понятий, каждое из которых является «временным определением» целого или Абсолюта. Я не следую за Гегелем во всех подробностях. Я просто беру у него то, что нахожу полезным. Вот почему я описываю некоторые из идей, которые я выдвинул как «неогегельянство», а не просто «гегельянство».

[5] Альманах TYR, Vol. 4.

[6] Смотри мое эссе «Что есть руна?» в одноименной книге. Смотри также «Философские заметки о рунах» в книге «Взывая к богам» (Тотенбург, 2017).

**Перевод
Askar Svarte**

Заметки Готфрида Бенна об истории психологии

(перевод с немецкого Сергея Жигалкина)

От переводчика

Готфрид Бенн (1886-1956) — выдающийся немецкий поэт и литератор, мэтр современной поэзии. Экспрессионист. Вернее, его причисляли к экспрессионистам. Причислял к ним себя и он сам. Правда, не без доли иронии. Ведь классификация поэзии — затея абсурдная, поскольку поэзия — вторжение иррационального, а оно ускользает от любой интерпретации. Рассуждать можно только о стиле, о смысле, об образах, чувствах, порывах — о второстепенных вещах.

Но Готфрид Бенн не только поэт: он еще и ученый, опытный врач. Эти несовместимые занятия уживались в нем исключительно благодаря искусству «двойной жизни», как он сам называл свою философскую позицию. Интересно, что его коллеги-врачи многие годы даже не подозревали, что он еще и поэт, и, когда он вдруг стал знаменит, не могли поначалу поверить, что поэт, о котором теперь говорят, — этот же Бенн.

Во всяких делах — и пустяковых, и будто бы важных — Бенн ненавидел дилетантизм. Соответственно, и в медицине считал своим долгом быть в курсе новейших открытий, тенденций, идей, знать по возможности всё. Поэтому и еще потому, что на Бенна-медика всё же подспудно влияли и Бенн-философ, и Бенн-поэт, его заметки по истории психологии весьма интересны. Невзирая на то, что написаны в возрасте юном.

Понятно, что можно и не разделять восхищения молодого врача новейшими для того времени исследованиями психики. Тем более, что теперь нам отлично известно, к чему это всё привело. Славословия научным открытиям, однако, — лишь фон, вовсе не главное. Главное в том, что в этих статьях медику Готфриду удалось лаконично и очень доходчиво акцентировать самую суть: идея бессмертной души, самосушей, более не актуальна, эра теологий и философий завершена, умозрительный поиск нездешнего — путь в никуда, поскольку на самом-то деле душа — порождение, функция тела, вторичный продукт.

Не душа находится в теле, а тело в душе, говорили Платон и Плотин, другие философы первого ряда, имея в виду как отдельного человека, так и вселенную в целом. Теперь этот тезис считается не только неверным, но и абсурдным, типичным примером бессмысленного пустословия прежних времен. Та же судьба постигла и вообще всё духовное измерение, которое

теперь понимается как побочное и, в сущности, маловажное следствие метаморфоз вечносушущего вещества.

В мировоззрении и, соответственно, в науках естественных, в том числе в психологии, произошел эпохальный переворот, заключающийся в низведении метафизики к физике. В психологии — физиология, мозг вместо души.

Ну и к чему это всё-таки привело?

Писатель Мамлеев так иллюстрирует всем нам известный ответ:

«Забелин... пытался, конечно, всеми силами устроить мать, раковую, в больницу.хлопотал,хлопотал,но она попала туда, куда и врагу не пожелаешь. Операцию ей сделали бредово, и она, страдая, ушла из этого мира. Алексей успел, однако, привести к больной священника. Ее причастили. Но врачи встретили такое действие с усмешкой. Лечащий врач Антонины Семеновны так и сказал, слегка выпивши, в лицо Забелину:

— Что вы дурью занимаетесь, молодой человек? Всё, чем была ваша мать, было у нее в мозгу, как у всех. Мозгу каюк, значит, и ей конец на веки вечные. Лучше бы деньги зарабатывали, молодой человек...» (*Праздник. Рассказ.*)

Об истории психиатрии

В первой половине XIX века в естествознании начался революционный процесс, который как по своей сути, так и в отношении вызванных им колоссальных перемен можно сравнить только с аналогичным процессом, происходившим в философии в конце XVII — XVIII веках. Графически его можно представить в виде кривой, которая начинается в год появления «Опыта о человеческом разумении» Локка, проходит через Ньютона, Беркли, Юма и достигает кульминации в 1781 году в «Критике чистого разума». В обоих случаях речь идет об отказе от многовековой традиции, о фиксации новой точки зрения на старые проблемы. Обе науки потерпели неудачу в попытке «выяснить о предметах что-нибудь а priori, исходя из понятий, и благодаря этому расширить наши знания»¹, и в обеих произошли перемены из-за появления одного и того же нового исследовательского направления, в котором методологическим принципом стала индукция.

Правда, слишком уж долго естествознание никак не могло созреть для того, чтобы двинуться этим путем. Прошли два столетия с тех пор, как в «Новом Органоне» Бэкона новое время подало голос против господства

¹ Кант. — прим. переводчика.

старого Органона и сказала свое слово истинно научная индукция, появившаяся от гармоничного сочетания опыта и ума. То есть очень нескоро поняло естествознание, говоря словами Канта, «что разум видит лишь то, что сам создает по своему же проекту, что он вместе с принципами своих суждений, следуя неизменным законам, должен идти впереди, вынуждая природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее как на поводу».

Но наконец оно поняло это. Появились труды, которые даже и по названию заметно отличались от прошлых. Для большинства прежних сочинений были характерны заглавия, в которых устанавливались взаимосвязи между совершенно несоизмеримыми величинами. Например: «Как связаны между собой соматические заболевания, сумасшествие и грех» (Лойпольдт), «Опыты философской фармакологии» (Хильдебрандт), «Аргументы идеализма против мнения, что безумие — это телесное заболевание» (Хайнрот). Можно привести массу подобных заголовков. Теперь же появились книги с такими, к примеру, названиями: «Опыты и исследования по изучению свойств и строению нервной системы у позвоночных» (Флуранс), «Исследования груди с целью изучения грудных заболеваний» (Коллин), «О местоположении способности к членораздельной речи» (Буйо). То есть названия стали совершенно конкретными, заявляющими о вполне определенном исследовании во вполне определенной области. Из самих названий следовало, что произошло отречение от метафизики в пользу большего доверия глазам, ушам и рукам. Правда, последние действовали сперва в одиночку, как дозорные перед войском. Но поразительно быстро подросли и главные силы. И по всей линии фронта пошли выражения приверженности к индуктивному мышлению, к причинно-следственному анализу экспериментов — все обратились к телу природы, вооружившись «рычагами и винтами»², чтобы заставить последнюю приподнять вуаль, тысячелетия скрывавшую ее черты.

² Geheimnißvoll am lichten Tag
Läßt sich Natur des Schleyers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben.

Полная тайн и ясным днем,
Природа не позволяет сорвать свою вуаль,
И того, чего она не хочет открыть твоему духу,
Ты не добьешься от нее никакими рычагами и винтами.

Гете. Фауст. Первая часть трагедии. — прим. переводчика.

Труды Мажанди и Флуранса, считавшихся отцами современного экспериментального направления, посвящались вопросам нервной системы. Они послужили толчком к целому ряду дальнейших исследований в указанной области. Во Франции, Германии, Англии работа кипела вовсю. Оказалось, что полученные результаты интересны не только добытыми новыми знаниями об органах нервной системы — было установлено еще и следующее, куда более важное: при экспериментах над телесными тканями обнаруживаются реакции из сферы души. То есть в процессе работы в чисто физиологической области лицом к лицу столкнулись с психическим; достигли места, где оба эти жизненные измерения взаимосвязаны и откуда можно пробраться в темное и загадочное духовное царство. Тем самым исследователи оказались перед чем-то абсолютно новым, неслыханным во всей истории науки: психическое, *πνεῦμα*, сущее вне вещей и над вещами, непостижимое стало вдруг плотским, обитающим среди нас. Исследовательская мысль теперь считала его зависящим от телесного и служащим ему и, соответственно, целиком и полностью осязаемым. И потому оно больше уже не могло избежать изучения с помощью физических приборов и инструментов.

Сбылись древние предчувствия. То, что две с половиной тысячи лет назад забрезжило в мозгу Алкмеона, но потом забылось и утерялось, находилось теперь прямо здесь: во всей силе факта, новое и столь великое, что в его отношении необходимо было занять какую-нибудь позицию.

В первые три десятилетия XIX века психофизический вопрос наиболее ревностно обсуждался в одной группе исследователей. Хотя в целом связь здоровой души со здоровым телом не вызвала особенных разногласий и понималась в предположении, что душа есть носительница жизни и всех духовных способностей, исходя из чего ей спокойно приписывали субстанциональное бытие, в вопросе о психических расстройствах натолкнулись на огромные трудности: находится ли причина подобных расстройств тоже в психическом или же в соматическом? Эта проблема в то время стояла до крайности остро. Николаус Фридрайх в своих систематических изданиях по медицинской и судебной психологии называет ее важнейшим вопросом, «без точного рассмотрения которого обоснование истинной патологии и терапии умопомешательства вообще невозможно».

Друг другу противостояли три точки зрения. Согласно первой из них, причина всех психических заболеваний находится в самой душе (Харпер, Хайнрот). Согласно второй, душа как таковая не может болеть, а психические расстройства — результаты телесных аномалий. Но, несмотря на это, говорили одни (Шпурцхайм, Нассе, Фридрайх, Берд), психические

расстройства следует рассматривать как самостоятельные болезни особой формы. Нет, говорили ученые наиболее дальновидные (Комб и Якоби), само по себе безумие не лечится с помощью фармацевтики, даже какой-то особенной, — существует только такое лечение безумия, при котором последнее рассматривается как симптом некой телесной болезни. И наконец, сторонники третьей точки зрения выдвигали теорию, занимавшую промежуточное положение и приписывавшую телу и душе равное соучастие (Гроос).

Ближайшей к современным представлениям точки зрения придерживался Якоби: сумасшествие — это симптом телесных заболеваний. Показательно и само название его вышедшей в 1830 году книги, в которой он развивает это воззрение: «О патологии и терапии заболеваний, связанных с умопомешательством». Но даже и этот почти современный Якоби никоим образом не подозревал, что телесные заболевания, которые вызывали безумие, как он совершенно правильно полагал, — это заболевания мозга. Возможность подобных заболеваний он связывал скорее с другими органами тела — с печенью, с селезенкой.

Но потом ситуация изменилась. Поворот в истории учения о душе, выраженный в тезисе докторской диссертации Иоганна Мюллера — *peto psychologus nisi physiologus* (нельзя быть психологом, не будучи и физиологом), многое прояснил также и в отношении душевных болезней: душа — это кора головного мозга, а душевная болезнь — это заболевание коры головного мозга. Таково было новое знание.

Появилась возможность психиатрии как науки. Согласно образному выражению Циена, она теперь твердо стояла на двух ногах — на неврологии и экспериментальной психологии, опиравшихся на созданную в то время новую сферу исследований. И когда Гризингер, который в 1865 году в Берлинском университете впервые стал читать лекции по психиатрии, объединил клинику невропатологии с клиникой душевных болезней, это означало нечто большее, чем просто слияние двух медицинских отделений, — в этом был глубокий смысл, связанный с тем, что прогрессивная наука теперь причисляла психозы к заболеваниям нервной системы.

Средневековые медицины простирались вплоть до XIX века, но потом наступила запоздалая весна, преисполненная множеством уникальных открытий, которая вскорости перешла в лето. Потому не удивительно, что в 1875 году в отношении одной болезни Нотнагель писал следующее: «Последние двадцать лет принесли нам куда больше знаний, чем последние двадцать веков вместе взятые». Подразумевал он при этом ту самую болезнь, о которой в другом месте сказано так: «История ее изучения — ярчайший

пример, доказывающий важность проведения опытов над животными для углубления наших познаний об определенном болезненном состоянии». Имелась в виду эпилепсия. В общих чертах дело обстоит следующим образом: эпилепсия была и есть болезнь поистине вездесущая; как говорил один очень хороший знаток данного недуга, ни одна болезнь не распространяется столь беспрепятственно в пространстве и времени; ни одна не является столь постоянным членом в той стороне жизни людей, которая связана с болезнями; на всех широтах она как дома. Эпилепсия — болезнь, проявляющаяся настолько ярко, что ее никак нельзя не заметить. Эта болезнь опасна в социальном и криминальном отношении, прежде всего из-за многочисленности случаев заболевания, но еще потому, что вследствие болезни могут возникнуть состояния, в которых больные способны совершить тягчайшие преступления — убийства и членовредительства. Страдающие эпилепсией подвержены тяжелейшим последствиям этого недуга; с давних времен известно, что эпилепсия очень часто передается по наследству, в древности эту болезнь нередко считали настолько заразной, что, по словам Апулея, заболевший ею должен был навсегда покинуть семью.

Понятно, что медики и проницательные дилетанты всех времен и культур постоянно занимались обоснованием этого заболевания. Ни об одной болезни не написано так много, как об эпилепсии. Сочинения древнегреческих врачей, компендиумы арабской медицины изобилуют замечаниями и рассуждениями об эпилепсии. Не уступают им и западные ученые. Только с 1459 по 1799 год появилось более пятисот сочинений, исследующих эпилепсию. Но все эти ученые знали о сущности эпилепсии не больше, чем за 300 лет до Рождества Христова знал о ней Гиппократ, который искал причину «божественной болезни» в мозге, но о ее сущности всё же имел весьма скудное представление. Однако его авторитет был неоспорим вплоть до девятнадцатого столетия. В своей книге об эпилепсии, вышедшей в 1799 году, парижский доктор фармакологии Дуссен-Дюбрей подтверждает сие: «Гиппократ, который лучше всех постиг истинную причину падучей».

Так же и здесь новый шаг в познании стал возможен, только когда к этим вопросам начали применять прогрессивные методы естественнонаучных исследований. Преддверием были эксперименты двух ученых. Проведя серию мастерски и безукоризненно поставленных опытов, Куссмауль положил начало познанию эпилепсии. А Броун-Секар с помощью многочисленных экспериментов над животными впервые указал путь, следуя которым можно приблизиться к пониманию эпилептических состояний. На

эти две фундаментальные работы в течение последующих лет опирались исследования многих других ученых. В результате это привело к тому, что в отношении сущности и причин на сегодняшний день эпилепсию можно считать обоснованной, если, конечно, вообще может быть обоснованным то, в чем необходимо учитывать также и иррациональный фактор жизни.

История эпилепсии — только один пример общего процесса преобразований, в XIX веке происходившего в каждой теории каждой болезни. Многое, что относили к болезни в предыдущих столетиях, теперь отделилось и присоединилось к другим медицинским понятиям, а многое, казалось бы, постороннее и с ней не связанное, нашло свое место в общей картине. Многое, прежде самостоятельное, перешло в ранг подчиненного, было установлено множество новых родственных связей, и снова стали учитывать соотношения, которыми пренебрегали.

Если бросить взгляд на историю эпилепсии, то лучше всего передаст увиденное следующий образ. Название «Эпилепсия» высится в виде крыши над хижинкой, в которой на ночь или две находят приют всякие безродные люди. Одних выгоняют, другие занимают их место. Но однажды наступает утро, когда весь этот сброд окончательно выставляют из дома, впускают хозяина и закрывают ворота. Теперь это прочный надежный дом.

С этим можно сравнить работу XIX века.

**Die Grenzboten: Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst (1841-1922),
Bd. 69, S. 92-95, Berlin: Dt. Verl., 1910**

Об истории естественных наук

Опираясь на Аристотеля, Картезиус вслед за ним пришел к выводу, что душа, мыслимая как единое целое, обитает в каком-то одном органе тела. Но если первый полагал таковым сердце, то последний обвинил в этом маленькое, размером с горошину, тельце мозга — шишковидную железу. Именно в ней, по его мнению, как раз и происходил обмен между познающим бытием и бытием внешнего мира. Согласно его ошибочному представлению, данная железа не была связана с остальной частью мозга никакими нервными волокнами — о функции этой железы в то время не знали вообще ничего, как, впрочем, не знают и ныне. Кроме прочего, железа многозначительно располагалась у входа в пустоты мозга, которые со времен Галена прослыли как состоящие в особенно близких отношениях с происходящим в душе. Хотя эти факты и сами по себе являлись отличнейшей аргументацией, Картезиус всё же не удовольствовался ими и принялся писать

своеобразную книгу по анатомии, намереваясь убедительно доказать истинность своей гипотезы, исходя из структуры головного мозга. Благодаря этой книге он обрел славу редкого знатока строения мозга. Однако в действительности подлинные анатомические соотношения играли в его писаниях до крайности второстепенную роль. Если какие-либо факты не согласовывались с его предпосылками, он тут же изобретал геометрические конструкции из воображаемых линий, с помощью которых было нетрудно доказать в отношении шишковидной железы всё, что требовалось.

По понятиям того времени, еще безупречнее в научном отношении работал Джованни Мария Ланчизи, трудившийся несколько десятилетий спустя. Он отбросил шишковидную железу, передав первенство мозолистому телу мозга, поскольку нашел весьма убедительное доказательство, что душу следует искать именно там. Доказательство основывалось на обстоятельстве, что при сильном духовном напряжении в данной области мозга отчетливо ощущается неприятное чувство. Чтобы подвести под свои умозаключения незыблемый фундамент, он вдохновил математика Мачина с помощью оной науки доказать справедливость своей теории. Последний проделал это с помощью короллариев, которые были бы непротиворечивыми, если бы исходные посылки обладали достаточным правдоподобием.

В этом не окажется ничего смешного, если как следует вникнуть в ситуацию естественнонаучного мышления того времени. Исследований, не основанных на предположениях, не было и вовсе. Надо было обязательно что-нибудь доказать: совершенство органов, Божию Премудрость или какую-либо гипотезу. Изучение природы ради самого изучения считалось пустым и бесплодным. Ирландский натурфилософ XVII века Роберт Бойль и его современник альтдорфский профессор Иоганн Штурм даже потребовали признать языческой фикцией само слово «природа». Всё должно было начинаться и заканчиваться в Творце. Получалось, что всякая сфера природы, к которой обращались естественнонаучные изыскания, в конце концов возвышалась до некой особенной теологии. Появились астротеология, литотеология, инсектотеология, а «когда в 1748 году, — как пишет о том Фейербах, — случилось нашествие бесчисленных орд саранчи, на них в тот же год набросился пастор-примариус Ратлеф из Дипхольца и сфабриковал собственную акридотеологию (= теологию саранчи), где среди прочих доказательств великой Премудрости Божией имелось и следующее: „Главу им Господь устроил продолговатую, а рот снизу, дабы, пожирая пищу, не приходилось особенно наклоняться, и они могли бы есть быстро, не испытывая неудобств“. Но и с человеческим телом дело обстояло приблизительно так же: восхвалялось «высочайшее совершенство»

устройства каждого органа, и отсюда выводились новые доказательства Премудрости Божией. В 1783 году пражский профессор фармакологии господин Антон Михелиц так воспевал туловище: «Торс находится посередине, поэтому наименее подвержен движению. Прекраснейший ларец для внутренностей, он — это общее место объединения всех частей. Поскольку торс — середина всего остального, путь крови, которая истекает из расположенного в нем сердца, не слишком долг ни до какой из частей». Сюда же относится следующее замечание, которое один из издателей сочинений Лейбница считал своим долгом вставить в свое предисловие: «Лейбниц ни в коем случае не взирал на явления природы как праздный зевака, но по похвальным примерам прочих ученых мужей всегда восхищался Богом и его высочайшим совершенством».

Как раз от этого-то восхищения полностью и отказалась новая эра естественнонаучных исследований, начавшихся в XIX веке. Очистив храм, начали с чистого листа. Представления о смысле и цели более не довели над изысканиями. Вместо этого усовершенствовали инструментальную базу и сосредоточились на точности опытов. Признавали лишь конкретные наблюдения? и только при проведении очень большого количества экспериментов, причем при самых различных условиях, делали осторожные выводы. Более не исследовали органы в качестве носителей субстанций, но экспериментировали над тканями в отношении их функций. Отпадал любой порыв религиозного или этического толка. Когда Флексиг и Фритч прощупали электродом кору головного мозга и вызвали движения, считавшиеся схожими с выражением душевных переживаний, то это вызвало у них не больше эмоций, чем когда Павлов вставил фистулу в желудок своей собаки, чтобы исследовать секрецию железы. В отношении мозга никого более нисколько не интересовало местопребывание и самочувствие души, было куда важнее, что при уколе в четвертый желудочек в моче появляется сахар и что при частичном удалении мозга у голубя некоторые психические функции отключаются, а некоторые остаются.

Из таких ограниченных и ничтожных, если хотите, даже бессмысленных вещей произошли современные естественные науки, но потом в течение сотни лет не прекращалась тяжелейшая, как на войне, работа, в результате чего было накоплено колоссальное количество опытов и научных фактов, поразительное и сегодня, на основе которых можно опять обратиться ко всеобщим и последним вопросам, более того, на основе которых можно заново осознать эти вопросы, наполнить их жизнью.

Маколей говорил: было бы очень непросто разуверить Сенеку в том, что изобретение безопасной лампы — недостойное философа занятие. Точно так

же вряд ли Фома Аквинский сподвигнулся бы отказаться от обдумывания силлогизмов ради того, чтобы заняться изобретением пороха. Потому что «Сенека не сомневался бы ни единого мгновения, что безопасную лампу можно изобрести только с помощью длинной череды опытов».

Однако, к примеру, в Берлинском университете преподает один ординарный профессор естествознания, известный не только своими специальными научными работами, имеющими большое значение, но и тем, что он сконструировал и эту знаменитую лампу. Данный профессор уже несколько лет читает курс лекций по «новаторской атомистике». Фома и Сенека, конечно, обязательно прослушали бы сей курс, если бы ныне обучались в Берлинском университете. Речь в этих лекциях идет не только об объяснении всех физико-химических процессов с помощью некоего великого и универсального принципа — в еще большей степени речь идет о сведении вообще всех космических процессов к чему-то последнему и окончательному, об окончательном обобщении, заключении, причем со всевозможными перспективами; то есть это космологический и философский курс лекций. Он достоин упоминания в любом случае, поскольку является выражением изменившегося принципа научных исследований, а также противопоставлением образу мыслей граничащих с нами столетий.

**Die Grenzboten: Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst (1841-1922),
Bd. 70, S. 181-182, Berlin: Dt. Verl., 1911**

Медицинская психология

Тело и дух — древняя оппозиция, которую каждая философия и каждый культ наполняли своим содержанием, приобрела у нас во времена Средневековья исключительно этическое понимание, сообразное христианской религии, и стала называться плотью и душой. Как таковые плоть и душа были враждебны друг другу; но, так как относились к одному и тому же, этические категории настолько отчетливо очертили их границы, что они оказались состоящими друг с другом в довольно несложных логических связях. Говорят, что Паскаль на голом теле носил пояс с острыми железными шипами: как только его дух или душа привязывались к чему-то, как только могло пробудиться удовольствие или тщеславие либо могла ожить любовь к миру сему, резким ударом локтя по поясу он немедленно приводил себя в должное состояние. Вот в таких очень понятных взаимоотношениях состояли плоть и душа.

Картезианская философия, разумеется, не создавала эти понятия заново. Сначала с помощью противопоставления постигаемого и постигающего Картезиус перенес древнюю оппозицию в теорию познания, однако потом, выдвинув предположение о пространственно-временных взаимосвязях обеих величин, вернул ее естественным наукам и за счет смешения этих двух сфер создал ту самую научную среду и тот самый метод исследования психофизических связей, которые просуществовали до преддверья XX века, побуждая ко всё новым и новым попыткам локализовать душу и обосновать психологию, исходя из анатомии мозга.

Последний прорыв в этом направлении совершил лет десять назад один известный психиатр. К великому наследию эпохальных открытий в физиологии мозга, преподнесенных ему его веком, особенно касательно локализации определенных «способностей», он добавил еще одно очень важное историческое заключение. Он полагал, будто со всей несомненностью установил, что чувственному центру в мозге, то есть последнему, окончному месту возбуждения чувств и месту, откуда исходит воображение, противостоят еще и другие области коры головного мозга, которые в согласии с типом их проявления должны рассматриваться как вышестоящие. По его убеждению, среди них он уже нашел мыслительный центр, а также превосходно связал всю пеструю многообразную душу с голым серым веществом коры головного мозга. Данный психиатр, разумеется, не преминул сделать далеко идущие выводы касательно необходимости моральных и социальных нововведений на основе культуры мозга и затем указал психологии на ее перспективу наконец войти в ранг точных наук, о чем до сих пор, несмотря на все усилия, она не могла и мечтать. Эту науку будущего он назвал медицинской психологией.

Названную медицинскую психологию вскорости начали считать еще и современной френологией, тем самым налагая очередной венец славы на голову Франца Галля. При этом прочие направления современной психологии, отказывая оному в философском мышлении, полагают его недостойным даже и критики и называют смехотворным примером преодоленного ныне научного мышления прошлых столетий.

Кто такой Галль? К примеру, в 1812 году во время своего триумфального шествия по всем европейским столицам, посещая тюрьму в Шпандау, Галль забрел в женское отделение. Взгляд его вдруг упал на одну даму, не отличавшуюся от прочих ни одеждой, ни поведением. «Почему эта женщина находится здесь? — вскрикнул Галль. — Форма ее головы не свидетельствует о склонности к воровству». «Она надзирательница», — последовал ответ. О другом заключенном по имени Троппе Галль сказал:

«Если бы сей господин когда-либо соприкоснулся с театром, то, вероятно, стал бы актером». Троппе весьма удивился и сообщил, что он в течение шести месяцев состоял при странствующем театре. У третьего заключенного по имени Машке Галль нашел чрезвычайно развитым орган технических способностей. И тот оказался фальшивомонетчиком.

Галль увеличил число основных способностей души с трех до тридцати пяти и все их локализовал в мозге. Исходя из той точки зрения (ныне снова сделавшейся общепринятой), что мозг формирует сообразный себе череп, Галль считывал с формы черепа характер соответствующей персоны. На черепе любовь к детям находилась рядом со стремлением к единению, преданность — рядом с жаждой успеха, надежда — рядом с чувством порядка, доброжелательность — рядом с чувством чудесного. Если подобная упорядоченность справедлива, заявил Вундт, то она должна быть применима и к наиболее развитым животным, а именно к человекоподобным обезьянам. В этой связи оказалось, что горилла отличается чудовищно развитым органом Божьего страха.

Тем не менее для своего времени Галль был чем-то совершенно необычным. Редкий случай, когда научное открытие вызывает такое воодушевление, удивление и полнейшее одобрение в том числе и со стороны современной ему науки. Даже дальновидный и хорошо разбиравшийся в естественных науках Гёте предсказывал этому открытию светлое будущее и с возмущением осуждал нападки Коцебу на столь великого человека.

В каком-то смысле его предсказание в отношении Галля и вправду сбылось, ведь психология и медицина давно уже слились в синтезе. В психологических науках конца XVIII века очевидна определенная неуверенность, несомненная усталость и спад напряжения. Спекулятивные потенции учения о душе истощились в системных построениях и дедукциях о способностях души. Требовались новые принципы классификации, возникла необходимость переосмысления всего материала с новой точки зрения. Всплыли альтернативные трактаты, как, например, Маучарта под скромным названием «Материалы для будущего учения о душе», где не было никакой интенции встроиться в определенную замкнутую систему, а всего лишь описывались «феномены человеческой души», осмысление коих автор предоставлял грядущим счастливым временам. Обсуждалась идея некоего «экспериментального учения о душе», высказанная Крюгером в его книге, изданной в 1756 году, замечательной также и тем, что вышеуказанное словосочетание, вынесенное в название книги и впервые представленное как самостоятельное понятие, стало потом наименованием и программой нового психологического направления. Припомнили и «сестринскую связь»

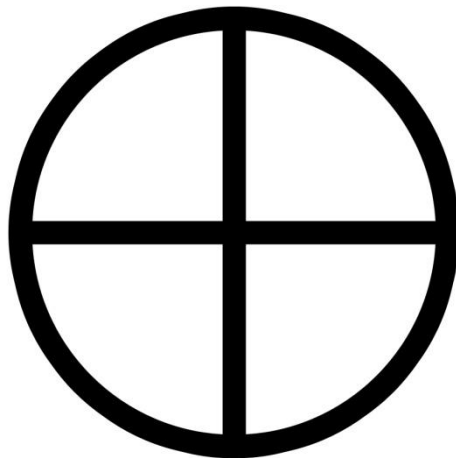
психологии с фармакологией, а также и то, что сторонники этих наук как следует так и не поняли, насколько взаимовыгодной была бы совместная работа. Вспомнили и о том, что наблюдения фармакологов могли бы использоваться психологами как фактический материал, который можно было бы в какой-то мере считать психологическими экспериментами, поставленными самой природой. В этом отношении заслуживает внимания и издававшийся Морицом с 1782 года «Журнал опытного исследования души» — солидные сборники материалов по психологии того времени. В согласии с общепринятыми в фармакологии тех лет представлениями по предложению Мендельсона в журнал вошли следующие разделы: естествознание души, исследование душевных болезней, исследование душевной симптоматики, диалектика души, терапия души.

Но при этом сложилось и самостоятельное медицинское учение о душе. Мецгер выдвинул это понятие в своей медицинско-философской антропологии 1790 года, а Нудов перенял его и использовал в качестве названия книги, вышедшей в 1791 году, в которой он постарался освободить психологию от «пустословия метафизики» и присоединить к медицине. Но и до этого, еще в 1777 году, Хиссман совершенно по-современному провозгласил: «Нет мозга — нет и души». Психологу надлежало быть больше физиологом, нежели философом, и прежде всего изучать анатомию мозга.

Духи, которых так настоятельно вызывали, собрались сначала в Галле, сгустившись в довольно массивного призрака, коего предстояло преодолевать, изменять, совершенствовать последующим поколениям медиков, обеспечивая ему непрерывное развитие, каковое, как видно, закончилось незадолго до наших дней. Однако это развитие вовсе не привело к некогда ожидаемой цели, но явилось одним из наиболее плодоносных, с далеко идущими последствиями течением в общем потоке становления современной психологии и эффективно способствовало тому низведению психологии до одной из ветвей биологии, о котором философия говорит с такой болью, но без которого новая психология никак не могла бы возникнуть. Современная же медицина наотрез отказывается со своей стороны выводить психологические следствия из анатомических и патологических результатов обследований. У нее и без того полно дел, и она предоставляет урегулирование этих вопросов теории познания и критической психологии.

**Die Grenzboten: Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst (1841-1922),
Bd. 70, S. 581-583, Berlin: Dt. Verl., 1911**

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ТРАДИЦИЯ

Askr Svarte:

Действие в последние времена

(предисловие к книге «Настольная книга традиционалиста», Raido Group, изд. «Тотенбург», 2018 г.)

Первая половина XX века стала контрапунктом эпохи Модерна. Стремительный взлет научной картины мира, радикальное переустройство общества в духе буржуазной морали и секулярности, буйный цвет гуманитарных и социальных наук, техническая революция и прогресс во всех областях — насыщенное содержание пары предыдущих веков на заре века двадцатого разразилось «стальными грозами» мировых войн. Непоколебимая вера прогрессистов и позитивистов всех сортов в XIX веке утверждала, что впереди у человечества только позитивное будущее, усыпанное плодами рационального светлого разума и открытий, свободное от религиозной догматики и морализма, диктатуры божьего произвола и наивных мифов детства человечества. Либерализм, социализм и марксизм, фрейдизм и психоанализ, буржуазный консерватизм и фашизм-футуризм, несмотря на все свои различия, были схожи в одном — человечеству предопределено лучшее будущее; утопия расположена впереди на оси времени, а задача текущего момента — победа в битве за свою версию будущего.

Появление в этой атмосфере людей и целого течения мысли, которое выстраивает всю свою онтологию, систему ценностей и философию, исходя из абсолютно противоположных предпосылок и установок; учение, которое открыто разоблачает пафос Модерна и прогресса как эпоху небывалого упадка, — явление в истории, пожалуй, редчайшее. Тем более, что один из первых столпов традиционализма, Рене Генон, был довольно типичным дитем эпохи — гражданином современной Франции, страны, которая подарила миру великих деятелей Просвещения и Великую Французскую революцию 1789 года — два столпа становления Модерна. Но обо всем по порядку.

Возникнув в первой половине XX века, традиционализм изначально был одним из многих «эзотерических», или «оккультных», течений эпохи, а Рене Генон был хорошо знаком с ними и вхож в подобные круги Франции. Но довольно быстро интеллектуальный и метафизический гений француза создал систему, которая вышла далеко за рамки простых спиритуалистских развлечений буржуазии в духе школы Блаватской или парамасонских кружков досуга. Генон жаждал подлинности Сакрального во всей его полноте. Это подвело его к вскрытию современности как тотальной инверсии мира Традиции — наподобие зеркала, которое искажает в своем отражении

все до его абсолютной противоположности. Рене Генон развивал новое направление и сделал его известным в эзотерических и метафизических кругах, а также предпринимал пару неудачных попыток привнести традиционалистский метод в академическое пространство. Отягощенные модернизмом ученые мужи отвергли его диссертацию о Веданте, и на долгие годы в академических кругах Франции на имя Генона было наложено табу³.

Но его труды не остались незамеченными другими выдающимися интеллектуалами, такими как Ананда Кумарасвами — знаток Востока и искусств; Мирча Элиаде — «отец» современной школы феноменологического религиоведения, который в мягкой форме институционализировал многие положения традиционализма в академической науке; ученик Элиаде Йоан Петру Кулиану и, наконец, человек, которого по праву называют вторым «отцом» традиционализма — барон Юлиус Эвола.

Юлиус Эвола называл Генона одним из своих учителей (другим был Герман Вирт) и продолжил развивать его подход, внося коррективы и применяя его к смежным областям знания. Так, Эвола как традиционалист рассмотрел метафизику пола; в отличие от Генона, который делал упор на Веданту, Эвола уделил огромное внимание Тантре и Буддизму; его перу принадлежит глубокое исследование западного герметизма и алхимии, которые его учитель затронул лишь по касательной⁴. Но главное то, что Эвола, будучи человеком действия в силу склада своей личности, применил философию традиционализма к политике и войне.

В случае с Рене Геноном и Юлиусом Эволой мы встречаемся с парой хрестоматийных типажей: Рене Генон воплощал собой тип брахмана, созерцателя, мыслителя и метафизика, а Юлиус Эвола — тип кшатрия, воина, человека действия (идеалом он видел фигуру царя-жреца мифической касты Хамса), что аффектировало его взгляд на метафизику. Эвола был активно вовлечен в политику своего времени, был ветераном войны, встречался с Муссолини и предпринимал попытки направить фашистский режим в более традиционалистское русло; пытался наладить контакты с

³ История становления традиционализма как метафизического учения, уходящего корнями к эпохе Ренессанса, изложена в книге Марка Сэдзвика «Наперекор современному миру». По его мнению, распространение традиционализма настолько широко, что он оказал влияние даже на становление парадигмы Постмодерна. Читателю-неофиту мы крайне рекомендуем ознакомиться со всеми трудами, которые упоминаются в сносках, для более глубокого и всестороннего погружения в дискурс традиционализма и его силовых линий.

⁴ См.: Эвола Ю. «Восстание против современного мира» (Тотенбург, 2016); «Метафизика пола» (Беловодье, 2012); «Герметическая традиция» (Terra Foliate, 2015); «Путь киновари» (Ex Nord Lux, 2018) и др.

немецкими структурами СС и Аненербе, но его идеи сочли там нежелательными⁵.

Тем не менее через фигуру Юлиуса Эволы традиционализм переместился из сферы герметичных кругов метафизиков и интеллектуалов в сферы Политического и прямого действия.

В отличие от глубоких метафизических и мистических штудий, тема традиционализма для ежедневной практики и перевод высоких положений философии на уровень реального действия (уличного, партийного, политического, поведенческого) затронуты не столь основательно. Здесь можно вспомнить текст «Ориентаций» Эволы, который был написан им в годы «свинцовых семидесятых» в Италии для правой молодежи. Советы молодому поколению от Доминика Веннера в книге «Самурай Запада»⁶; схожий взгляд о гигиене ума и повседневности изложен в недавней книге «Поколение идентичности»⁷. В целом европейское движение Новых Правых и их главный идеолог Ален де Бенуа сделали ставку на политический традиционализм⁸ в уже прошлом XX веке и следуют ему по сей день. Одним из вариантов наставлений молодежи в политическом традиционализме является и широко известный «Катехизис традиционалиста» от группы Raido.

Аристотель выделил три режима человеческой активности: мышление (теорезис), деяние (праксис) и творчество (поззис, ποιησις). Обыденному мышлению свойственно противопоставлять теорезис (созецание) и праксис (деяние). Нам кажется очевидным, что эти два явления лежат на разных чашах весов, и в силу особенностей своей внутренней природы человек склонен следовать либо интеллектуально-мистическому пути (внутреннее делание, философия, обожение и слияние с Абсолютом), либо пути активного преображения мира (внешнее делание, политика, война, искусство и творчество). Отчасти дела обстоят именно таким образом, но жесткая дихотомия теорезиса и праксиса носит иллюзорный характер. Деяние чаще всего интерпретируют как ремесло, буквальное преобразование грубых материй в духе греческого технэ (τέχνη), откуда произошло понятие техники. Но технэ есть лишь воплощение более общего принципа поззиса, что дословно означает «вовне-вынесение». Поззис можно представить как состояние и «практику» творчества в промежутке еще до перехода к непосредственным ремесленным действиям или социально-политической

⁵ См.: Хансен Х. Т. «Политические устремления Юлиуса Эволы» (Terra Foliata, 2009).

⁶ См.: Веннер Д. «Самурай Запада» (Тотенбург, 2017).

⁷ См.: «Поколение Идентичности» (Идентаристы России, 2018).

⁸ См.: Бенуа А. де «Традиция и консервативная мысль» (Тотенбург, 2017).

активности (когда «материей» делания будет общество и человек). Поэзис можно разворачивать в техническом праксисе, в работе с материей, а можно избежать «грубой работы» и изложить (вывести-вовне) нечто другим путем — *поэзией*, песней, рассказом. Рассказ — это этимологическое значение греческого слова мифос, μῦθος, который лежит в основе традиций народов и задает структуры общества, инициации и языка священного⁹. Совершая поэзис, человек может порождать вещь как в осязаемой физической форме изделия (будь то горшок или величественный храм либо крепость), так и в более subtilной материи слов, стихов, песен и мыслей. Но откуда человеку приходит сама вещь, откуда он выводит-вовне нечто, что облекает в форму слов или вычленяет из древесины? Платон говорит о том, что Демиург, который творит мир, делает это, созерцая высший мир неподвижных и неизменных идей. Коллин Клири пишет, что озарение формой и сутью вещи входит в человека извне, «сверху» и является моментом экстаза¹⁰. Экстаз дословно означает «стояние вне себя», что весьма близко с «вовне-выведением»/поэзисом. Созерцание/теорезис высшего мира идей или чистого Божественного — это всегда экстатическая практика. Созерцание есть необходимый компонент практики, это предуготовление деяния и способность видеть форму того, что только ожидает своего проявления в результате действий. Можно заключить, что созерцание и деяние должны составлять органичную пару, взаимно дополнять и определять друг друга. Это будет залогом гармоничной личности, от фигуры царя-жреца Золотого Века до современной вариации «воина-мага», по определению Эволы. Здесь же кроется и одна из сложностей адаптации традиционализма к повседневности и политической практике как для малых групп, так и для масс — интеллектуальный ценз, способность к метафизическому чувству и интуиции, к восприятию традиционных доктрин в их тайной сути. Иными словами, традиционализм справедливо позиционируется как довольно элитарная философия и парадигма мысли, представители которой подчас сознательно сопротивляются массовости и упрощению доктрины для широкой публики. На этом вопросе стоит остановиться подробнее.

Качественное различие людских родов является базовой данностью традиционализма, который полностью отрицает «святую троицу» Великой французской революции — «Liberté, Égalité, Fraternité» («Свобода, Равенство и Братство») — в ее буржуазно-вырожденческом понимании всеобщего либерального гражданского равенства. Подавляющее большинство людей полностью разделяет гипноз Просвещения и светского гуманизма, поэтому

⁹ См.: Askar Svarte «Очерк о важности мифа».

¹⁰ См.: Клири К. «Что такое руна?» (Тотенбург, 2018).

сама постановка вопроса об элитарности знания и разнице человеческих природ вызывает у них выключение того самого «трезвого разума», или «здорового смысла», который так лелеет Современный, и они оказываются неспособны качественно парировать истине традиционализма, быстро переходя на рефлекторные реакции и демагогию. Тем не менее необходимо пролить свет на то, какие именно существуют иерархии в традиционных обществах, как они выстраиваются и как воплощаются в наши дни.

Хрестоматийным примером традиционной иерархии и деления общества является варнашрама — ведическая система из четырех варн (сословий), состоящих из множества специфических каст. Согласно варнашраме, все общество делится на четыре варны, которые также соотносят с частями тела Пуруши либо Брахмы: высшая варна брахманов — жрецов и мудрецов (уста); вторая высшая варна кшатриев — цари и воины (руки); третья варна вайшьев — земледельцы, скотоводы, ремесленники и торговцы (живот, бедра) и варна слуг — шудры. За пределами системы варн располагаются изгои общества — парии, чандалы или далиты (современное название) — те, кто абсолютно лишен каких-либо ведийских мистерий, культов и ритуалов. Их описывают как пыль под ступнями Брахмы, то есть они вообще не принадлежат телу Бога, а значит, обществу и порядку мироздания.

Принадлежность к варне определяется по рождению в ней, и с этносоциологической точки зрения каждая варна обладает определенными этническими различиями как в фенотипе, так и в культуре, то есть они, по сути, являются субэтнотипами в рамках единого народа. В особых случаях, когда возникает сомнение в сословной принадлежности ребенка (если он был подброшен либо неизвестна каста его родителей), предписано проводить испытание ребенка. Младенцу показывают погремушку и наблюдают за его реакцией: если ребенок проявляет равнодушие, то это будущий брахман; если он стремится схватить и забрать погремушку, то это кшатрий; если он нервничает или пугается — вайшья либо шудра. В ином случае перед ребенком раскладывают символические предметы каждой варны (чашу, меч, серп), и он в силу своей внутренней сословной природы тянется к соответствующему предмету.

Чрезвычайно важно понимать, что сословная система варн не является репрессивной, какой ее стремятся выставить адепты либеральных демократий. Устройство варнашрамы берет свое начало в Божественном и сакральном, более того, все общество и есть символическое тело Бога (Брахмы или первосущества Пуруши), воплощенное в непосредственной наглядности. Здесь уместно говорить об органической целостности и единстве системы, где каждый занимает свое место и играет свою роль.

Сословная система не только в Индии является естественным священным порядком, развернутым на всех уровнях общества во всех деталях. Этим традиционалистское устройство общества диаметрально отличается от модернистских концептов «общественного договора» индивидуумов Томаса Гоббса, Джона Локка и французских либералов Просвещения. В основе «договора» лежит идея индивида, его собственности и свободы от коллективных идентичностей и иерархий. Такие индивиды заключают пакт, и появляются государство и регулируемое светским законодательством общество. В системе варнашрамы и во всех других традиционных обществах отсутствует базовая единица Модерна — индивидуум. Человек всегда есть проявление своей касты (социальной подгруппы: общины столяров, охотников, мастеров керамики и т. д.) и шире — материальное воплощение своей сословности со всеми присущими ей чертами, мифами, особенностями культов и почитаемых Богов. Еще шире — каждый человек есть «малый Бог», потому что он — часть единого организма общества, которое есть манифестация Бога в мире людей¹¹. В Традиции человек никогда не является *tabula rasa*: его сословность предопределена еще до рождения.

Аналогичную структуру общества мы обнаружим у греков. В частности Платон учил, что душа философа и правителя состоит из золота, и поэтому он наиболее достоин править (а также лишен жажды наживы); души воинов (стражей) состоят частично из золота и серебра, поэтому они так воинственны и стремятся к завоеваниям и власти; души же ремесленников и земледельцев Бог сотворил из меди и железа¹². В случае рождения необычного ребенка в сословии его следовало передать на воспитание и обучение в соответствующее сословие, в то время как у индусов перемещение между сословиями было возможно только через благоприятное перерождение души, которая исполняла свою дхарму и накопила хорошую карму. В диалоге «Федр» Сократ называет философа лучшим из мужей, за которым в иерархии следует праведный правитель.

В скандинавской традиции происхождение специфических сословий описано в «Старшей Эдде», в «Песне о Риге». Согласно песни, ас Хеймдалль странствовал по миру людей Мидгарду под именем Рига и останавливался в разных дворах людей, которых встречал. Песнь описывает быт и характерные занятия трех семей людей, каждой из которых Риг дал наставления и приумножил их род («пробыл он там три ночи подряд»):

¹¹ Известное приветствие «намасте» буквально означает «Божественное во мне приветствует Божественное в тебе», то есть люди обращаются друг к другу не как индивидуумы, а сквозь маску персоны сразу приветствуют Божественное.

¹² См.: Платон «Государство».

первая стоянка у рода трэлей — рабов, вторая у семьи бондов — зажиточных землевладельцев, третья стоянка была у рода ярлов — военной аристократии скандинавов. Специфика германского логоса такова, что два высших архетипа «воина» и «мага/жреца» соединены в одной страте, что связано с тем, что верховный Бог германцев Вотан/Один одновременно является покровителем воинов и князей и покровителем жрецов и магов; он воплощает собой фигуру царя-жреца, поэтому ярл в «Песне о Риге» также:

44 Знал птичий язык,
огонь умирал,
дух усыплял,
тоску разгонял он;
восьмерым он по силе
своей был равен.

45 В знании рун
с Ярлом Ригом он спорил,
на хитрость пускаясь,
отца был хитрее:
тогда приобрел он
право назваться
Ригом и ведать
могучие руны¹³.

Гораздо позднее французский антрополог и историк Жорж Дюмезиль наглядно показал, что трехчастная структура общества, отраженная в триадическом пантеоне, в той или иной мере свойственна практически всем индоевропейским обществам и находит в них свое выражение¹⁴. Согласно Дюмезилю, жреческое сословие особенно почитает верховное Божество в традиции (Брахма, Сварог, Один), воинское, соответственно, — Бога Войны (Индра, Перун, Вотан/Тюр), земледельцы чтут Богов Плодородия и Защиты (Вишну, Дажьбог/Велес, Фрейр/Ньерд/Тор, Деметра). Более того, само наличие этих Богов в пантеоне указывает на наличие соответствующих сословий и практик в обществе — иногда явно и четко выраженных, иногда в смешанном типе.

Если присмотреться внимательнее к структурализму Дюмезиля и истории самих народов, то можно иногда заметить расхождение двух

¹³ См.: Старшая Эдда в пер. А. Корсуна.

¹⁴ См.: Дюмезиль Ж. «Верховные боги индоевропейцев» (Наука, 1986).

иерархий: условно жреческой и условно светской. Так, очевидно, что высшую светскую и политическую власть воплощал собой царь, который происходил из воинского сословия (царь-кшатрий). Зачастую он также занимал должность верховного жреца, был магом или объявлялся воплощением Бога на земле, что особенно ярко проявлялось в Египте. Но в иерархии отношений человека с Богами и священным выше него стояли жрецы, особенно самоотверженные аскеты, но их власть носила иной характер. К этому мы еще вернемся.

В Средневековье, после радикального переформатирования политической карты и народных традиций в русле христианства, эта структура вновь проявилась в виде двух высших сословий: духовенства (католический клир) и военной аристократии (позднее — королевский двор), а также аграрных мирян-подданных. Позднее уже консерваторы и традиционалисты обратили внимание на пришествие третьего сословия — буржуазии — новой страты, никогда ранее не бывшей в мире традиции и состоявшей из разнородной obsługi дворян, торговцев и оторванных от аграрного мифа и образа жизни горожан. Буржуазная мораль и мировоззрение ближе всего стоят к низшим сословиям шудр и даже чандал в варнашраме, так как они не вписаны в сакральный миф о происхождении мира и общества и, как следствие, лишены ритуалов и посвящений. Еще позднее, уже в XX в., традиционалисты (Ю. Эвола) метко определили приход еще одного, последнего, четвертого сословия — пролетариев — максимально вырожденного субантропологического типа, пародии на вайшьев и шудр, но начисто лишенных какого-либо оттенка священного смысла жизни и теонтологии, даже по касательной. Именно регрессия сословной системы и революционное высвобождение «угнетенных классов» буржуазии и пролетариата стали питательной средой и движущей силой становления Модерна и его секулярных норм.

Разрушение сословной системы и выстраивание конвенционального общества низшими сословиями и внесословными элементами теснейшим образом связано с еще одной базовой идеей традиционализма — сменой космических циклов в худшую сторону. Выше мы говорили о том, что современный мир опирается на идею прогресса, на линейное восприятие времени (будь то прямая стрела или экспонента с флуктуациями), где будущее окрашено в положительные тона, на будущее возлагаются утопические надежды и проекты. С идеей прогресса также сопряжена чуждая миру традиции идея о количественном росте, переходящем в качественный скачок. Мир Традиции и традиционализм мыслят время иначе, структурным выражением времени является цикл, круг. Время циклично, и его восприятие

отражается на всех уровнях общества: циклична жизнь человека от рождения к смерти и перерождению; цикличны время дня и времена года, что важно для земледельцев и жречества; войны сменяют друг друга, перемежаясь периодами мира; само мироздание живет большими циклами восхождения, роста и увядания, упадка и смерти, чтобы мир умирал и возникал заново по воле и игре Богов. Отличительной и принципиальной особенностью является *негативное направление времени*, текущего от изначального идеального состояния мироздания к упадку, разрушению порядка, хаосу и смерти. Будущее не позитивно, оно несет в себе неминуемое приближение конца; тот, кто мыслит век грядущий как царство благодати, тот есть слепец. Наступлению последних времен соответствуют представления разных народов об эсхатологии, конце света: ночь Брахмы в индуизме или Рагнарек у германцев. Традиционные общества живут под тенью конца и смерти всего сущего, которая ожидает их впереди.

Веданта повествует о четырех больших космических циклах, которые составляют великий цикл: Сатья-юга, Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга. В Греции аналогичное учение изложил Гесиод в «Трудах и днях», говоря о нескольких поколениях людей или веках: Золотом, Серебряном, Медном, Героическом и Железном.

Золотой век — эпоха благоденствия, когда люди были совершенны и обитали вместе с Богами; мир был преисполнен манифестаций священного и воплощал собой порядок; момент вечности без времени. Гесиод сообщает, что тогда людям не было нужды в труде, и смерть избегала их.

Серебряный век, по Гесиоду, был отдан невежественному роду людей, преисполненных гордостью (воинственность, лишенная порядка), которая и обрекла их на страдания.

Медный век населяли воины с медным оружием и щитами, они почитали Ареса и битвы, были преисполнены силы и упорядоченной воинственности, но уже были очень далеки от золотого рода.

Последней вспышкой священного является век героев-полубогов: Геракла, Ахиллеса, Тесея и других. Их род был лучом предзакатного солнца. После них начались Железный век и его людской род, погруженный в бесконечную суету трудов и страданий. Показательно восклицание Гесиода о том, что он не желает жить среди них в их эпоху. Согласно Веданте, мы уже давно живем в эпоху последних времен.

Железный век, или Кали-юга, — это точка максимального удаления человечества от Божественного истока, искажение порядка и одновременно точка приближения к смерти. Особенностью Кали-юги является погружение всего мироздания в материальность: это та эпоха, в которой течение времени

ощущается максимально плотно и вязко, в ней правят бал причинно-следственный детерминизм и физические «законы природы», в том числе и в социуме (отсюда идея общества как коллективного договора и механизма выглядит максимально органичной эпохе упадка). Традиционные учения разных народов описывают эпоху конца очень схоже, сравним:

Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
Чуждыми станут товарищ — товарищу, гостю — хозяин,
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.

Гесиод, «Труды и дни»

45 Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

Старшая Эдда, Прорицание Вельвы

Нетрудно заметить почти дословное сходство пророчеств; в эту эпоху и живем мы с вами, и в эту эпоху появляется традиционализм как интеллектуальная реакция и неприятие окружающего упадка и гипнотических мантр о грядущем благоденствии.

Итак, как мы видим, человек всегда несет в себе золото, серебро или медь своей души. Иными словами, человек с рождения отмечен некоторой сословной принадлежностью, внутренней природой: мудреца, жреца,

правителя или воина, художника, ремесленника или поэта. Но в наши дни система Божественной иерархии разрушена, и люди больше не могут реализовывать свою природу в органичной форме. Диктатура равенства исключает свободу для воплощения священного (исполнения дхармы, должной траектории судьбы) и отражения Божественного в себе (Атман есть Брахман) и обществе. Тем не менее в мире хаоса и пародии внутренняя природа человека так или иначе — через искажающую призму Модерна как некое «бессознательное» — влияет на жизнь человека.

Невозможность опереться в полной мере на сословность и достичь полноты сакрального подталкивает традиционалистов к поиску иных путей. Вновь обратившись к богатому наследию Индии, мы увидим, что местные мудрецы осознали эпоху и природу Кали-юги гораздо раньше европейцев, пусть и в других формах, и выстроили иную, отличную от Веданты систему деления людей и путей достижения Божественного сознания. Речь идет о Тантре.

Тантризм представляет собой, пожалуй, вторую (не по иерархии, а по значимости) интеллектуально-метафизическую систему Индии после Веданты и, с оговорками, Буддизма. Не вдаваясь во множество доктринальных тонкостей, которые выходят далеко за пределы данного очерка, отметим, что между системами Вед и Тантр в Индии установились специфический баланс и разграничение полномочий, а также правила переключения жизни между ними. Так, например, днем и в рамках общественной жизни человек может следовать всем предписаниям Вед, но ночью и в определенные праздники он раскрывается как адепт учения Тантр.

Тантризм отрицает прямое влияние варнашрамы на возможность человеком достигнуть высших состояний бытия и раскрыть в себе своего внутреннего Бога: реализовать Атмана как Брахмана, осознать природу Майи и выйти из колеса перерождений, слившись с Абсолютом. Путь тантризма гораздо менее «политизирован», чем путь Веданты. Как следствие, адепты тантризма используют другую систему неравенства людей — трибхаву.

Первую ступень занимают пашу — низший тип человека, захваченного животными страстями и неспособного к тантрической практике и постижению божественного. К типу пашу принадлежит подавляющее большинство людей.

Вторыми идут вира — тип, который хорошо приспособлен к практике и уже принадлежит пути достижения Божественного (является учеником, адептом).

Наконец, третий тип — видья или Божественный тип, к которому относятся уже реализовавшиеся как Божества адепты Тантры, великие гуру и дживанмукты.

Отличаются и триады ведущих Богов. В Веданте выражена базовая индоевропейская структура «Высший Бог — Бог Воинов — Бог Плодородия», но Тантры делают поправку на Кали-югу и изменившуюся ситуацию, их тримурти состоит из следующих функциональных Богов: Бога-Созидателя Брахмы, Бога-Защитника Вишну и Бога-Разрушителя Шивы. Так как мироздание уже непосредственно близко к своему концу, то особое почитается Шива как Бог разрушений и одновременно покровитель мудрых, аскетов, йогов, тантриков, агхори и т. д.. Сегодня в Индии культ Шивы доминирует над всеми остальными. Женой Шивы является Богиня Кали (Черная, Богиня Смерти; Кали-юга).

Для тантризма определяющей является степень реализации живым существом своего Божественного измерения, а не социальный статус. Здесь мы снова сталкиваемся с коллизией между двумя иерархиями: светской и духовной, только на более глубоком уровне и с учетом сдвига космических циклов. В тантрической системе шудра, который выполнял все предписания гуру, вышел из системы варнашрамы и придерживался строжайшей аскезы¹⁵, и, реализовавшись как видья, был по своему духовному статусу выше, чем человек из варны брахманов или кшатриев, который на своем духовном пути не продвинулся дальше уровня пашу или вира. Иными словами, между кшатрием и Брахманом стоит целая варна брахманов как иерархических посредников, еще больше это расстояние для вайшьев. Но для реализовавшегося тантрика дистанция между Я и Богом сокращается, а потом полностью исчезает. При этом тонкая и невероятно гибкая метафизическая система Индии выстроена таким образом, что тантрическая реализация адептов существует как бы «перпендикулярно» нормативному строю варн и не приводит к бунтам и революциям, как то хотели бы видеть «левые» с их жаждой освобождения «угнетенных». Для вайшьи, который реализовал свою Божественность с помощью Тантр, грубо говоря, ничего в космосе не меняется. Он есть Бог на уровне Абсолюта, и он же есть воплощенный в конкретном человеке Бог; более того, вся структура космоса и иерархия общества тоже являются его проявлениями, и ему просто нет нужды в бунте, ибо это абсолютная глупость¹⁶. Для современного

¹⁵ См.: Эвола Ю. «Йога могущества» (Тотенбург, 2017) и Элиаде М. «Йога: бессмертие и свобода» (Академический проект, 2012).

¹⁶ Основными зачинщиками бунтов в Индии являются далиты, которые активно переходят в ислам.

европейского мышления эти идеи чрезвычайно сложны для понимания. Тем не менее картина, где подавляющее большинство людей живут гедонизмом и лишены способностей к духовному восхождению, которое сопряжено с отрицанием нормативных [по лекалам «общественного договора»] общественных иерархий, довольно близка и привлекательна для традиционализма.

Здесь мы подошли к еще одному важному вопросу традиционализма — вопросу об инициации. Инициация, или посвящение — это краеугольный камень общества Традиции. Через инициацию все члены общества и становятся как таковыми людьми, соплеменниками и полноправными членами своих сословий. В Индии инициированных называли «дважды рожденными» (первый раз физически и второй раз духовно вошедшими в тело общества), к ним относили брахманов, кшатриев и вайшьев. Если обратиться к этимологии слова «традиция», то оно означает «передачу» священного знания, мудрости и посвящения. Инициация и есть акт традиции, *акт передачи*. Разные народы и разные сословия обладают своими, характерными их культурам и мифам, ритуалами посвящения: мальчиков в мужья и воины, девочек — в женщины и жены, адептов в мистерии и жреческое знание. Огромное внимание проблеме инициации уделили Рене Генон и Мирча Элиаде¹⁷.

В традиционализме же речь идет о более «универсальной» инициации как акте принадлежности к «цепи преемственности» и через нее к Высшей Мудрости. Здесь есть нюансы. Так, мэтр традиционализма Рене Генон настаивал на необходимости посвящения в наиболее старых и уважаемых организациях, которые еще сохранили в себе инициатический заряд. Это привело к тому, что в некотором смысле Генон стал «коллекционером» посвящений, и косвенно это повлияло на обращение в суфизм как одну из наиболее полнокровных традиций (на его взгляд). Более приемлемую позицию занимал Юлиус Эвола, который видел в инициации не просто включение в «горизонтальную» историческую цепь рукоположений, самым важным он считал в ней событие «разрыва уровня», переход человеческого бытия на иной уровень и качественное состояние. Эвола считал, что посвящение может случиться в силу чрезвычайно сильных переживаний ужаса, войны, трагедии или аскезы; в некотором смысле и в исключительных обстоятельствах человек может самоиницироваться. Генон считал обязательным условием инициации принадлежность к той или иной религии, Эвола же оставлял это опциональным. Позиция Эволы очень близка

¹⁷ См. Генон Р. «Заметки о посвящении» (Беловодье, 2010) и Элиаде М., «Священное и мирское» (МГУ, 1994), «Инициация».

тантризму, и ее можно обозначить как «вертикальную» инициацию. Продолжая аналогию: если горизонтальная инициация Генона (Веданта) может привести (а может и нет) к вертикальному преображению, но в эпоху Модерна это все менее и менее вероятно, то вертикальная инициация Эволы (Тантра), наоборот, наиболее подходит эпохе и минует горизонтальный уровень, но при этом она чрезвычайно сложна сама по себе.

Здесь можно вспомнить о двух принципах возжжения пламени. Первый принцип заключается в погружении в уже бушующий огонь, который поджигает даже самые мокрые и непригодные поленья. Второй принцип заключается в обратном, когда искра пламени вспыхивает в безграничной толще льда, отталкиваясь от среды и позиционируя себя как радикально иное. Искра никогда не знала пламени и не сталкивалась с ним, но окружающий и сдавливающий ее со всех сторон лед был настолько чуждым ей, что она зажглась из чистого волюнтаризма и отрицания. Последний принцип и есть исчерпывающая метафора традиционализма, мышления и экзистенциальной ситуации традиционалиста в Железном веке.

Это же и отличает традиционалистов от пародии на них со стороны New-Age, который зарождался в тот же исторический период: традиционализм осознает свою ситуацию как трагедию или как вызов — в любом случае это неблагоприятная ситуация, которая требует мобилизации интеллектуальных и волевых сил. Адепты синкретизма и дешевого спиритуализма с радостью переживают свои экзальтации, фантазии, галлюцинации и позитивные эмоциональные всплески как следы вмешательства «высших» сил и «неопровержимые доказательства» своих посвящений. Из этого отнюдь не следует, что адепты традиционализма поголовно являются угрюмыми мизантропами и социопатами, но очевидно, что экзистенциальный и психо-эмоциональный опыт первых и последних исходит из различных онтологических и ценностных предпосылок¹⁸.

Наконец, мы кратко затронем философские идеи о человеческом бытии крупнейшего западного мыслителя XX в. Мартина Хайдеггера. Его мысль настолько сложна и самобытна, что ее невозможно напрямую свести к традиционализму и предложить строгий тезаурус соответствий между этими двумя школами мысли, тем не менее мысль Хайдеггера все больше привлекает к себе традиционалистов и консерваторов¹⁹.

¹⁸ См.: Askar Svarte «Идентичность язычника в XXI веке».

¹⁹ См.: Сесса Дж. «Хайдеггер — читатель Эволы», Дугин А. Г. , «Мартин Хайдеггер. Последний Бог» (Академический проект, 2014), Бенуа А. де «Традиция и консервативная мысль», Askar Svarte, «Приближение и окружение» (Svarte Publishing, 2017), труды Коллина Клири.

В центре учения Хайдеггера стоит Бытие (Sein/Seyn), утрата которого составляет главный нерв и ось западноевропейской философии (метафизики) и социально-политической истории. Базовым концептом его философии является Da-sein — Вот-бытие, которое конституирует человека и общество. Dasein — это человек в его отношении к Бытию и возможности быть. Dasein экзистировать через набор своих фундаментальных проявлений (экзистенциалов), среди которых одним из важнейших является экзистенциал zum-Tode-sein — бытие-к-смерти. Смертность и осознание своей смертности конституируют бытие человека в жизни²⁰ — здесь Хайдеггер близок традиционализму, который так же помещает эсхатологию впереди себя.

Dasein может экзистировать в двух режимах: аутентичном (eigene, собственном) и неаутентичном (uneigene, несобственном). Экзистировая неаутентично, Dasein и человек, общество прячутся от самих себя и деградируют; они утрачивают собственную уникальность (уникальность себя как личности и народа в целом) и превращаются в безликую массу без качеств, которую Хайдеггер назвал das Man (немецкое безличное местоимение «некто», «некие»). Если же Dasein экзистировать аутентично, то оно разворачивается в народном гении, философии, творчестве, войне, трагедии и т. д., иными словами оно экзистировать подлинно и насыщенно, воплощая свою собственную судьбу (которая у каждого народа своя) перед лицом неминуемой конечности и смерти. Но правильное, собственное экзистирование Dasein не предопределено — это решение является задачей для человека, для народа. Отсюда мы видим простую, но отнюдь не легкую интеллектуально и экзистенциально градацию от режима Dasein: экзистирование аутентично и неаутентично. Сегодня Dasein неаутентичен.

В народе голосом Dasein являются философы, правители, художники и особенно поэты. Здесь Хайдеггер кардинально расходится с Платоном, который в «Государстве» и «Федре» изгонял либо ставил поэтов на одни из последних мест в иерархии. По Хайдеггеру, вглубь Бытия лучше всего вглядываются именно философы и поэты (для него это были Гельдерлин, Рильке, Тракль и Целан), но они это делают хоть и на равных, но отдельно стоящих соседних вершинах. Вспомним специфику поэзиса, о котором мы говорили в начале. Платон считал, что поэты «сказками» и искажением истины внушают сумятицу в умы граждан, поэтому их следует изгнать. Но, как мы знаем, поэты воплощают собой особую, пограничную с самим Бытием фигуру; если они и выдумывают что-то, то не из глупости и

²⁰ См.: Финк О. «Основные феномены человеческого бытия» (Канон+, 2017).

коварства своего, но из безграничной возможности черпать творческое вдохновение в экстазе близости к Началу.

Оригинальность мысли Хайдеггера, которая охватывает проблематику бытия мира, человека, философии, мышления и тотального упадка всего, в наши дни выступает огромным методологическим подспорьем традиционализму. И сегодня уже видно оформляющееся течение по сближению хайдеггерианства и традиционализма в общем векторе преодоления «тотального льда» современности.

В итоге элитарность в традиционализме складывается из отпечатка сословной сути души, интеллектуального и экзистенциально-инициатического факторов. При этом элитарность не носит формального или искусственного характера. Существование орденов, покрытых мраком тайны, возможно только в теориях конспирологов. Все труды традиционалистов и сопутствующие материалы и штудии открыты и доступны на множестве языков. Но формальная осведомленность и эрудиция в дискурсе традиционализма де-факто ничего не значат. Все решает интеллектуальный и экзистенциальный ценз, о котором говорилось выше. Обладая им, можно затронуть только базовые труды по традиционализму — и понять очень многое буквально через себя. Внутренний опыт «разрыва уровня» и перехода на иной план бытия невозможно подделать.

Из всего вышесказанного для традиционалиста следует, что сегодня он обнаруживает себя в крайне непростой ситуации. Обращаясь к названию одной из книг Юлиуса Эвола, сегодня традиционалисты — это люди среди руин, без ориентиров и вертикальных структур вокруг. Для каждого традиционалиста в начале его пути ситуация порождает больше вопросов, чем очевидных ответов и императивных инструкций, подобных приказам солдату на войне, где линии фронтов даны со всей очевидностью. Наш фронт сегодня сплошной, он пролегает через нас, внутри нас, вокруг нас, везде и в каждой детали, а мы здесь — солдаты без штабной ставки.

Вопрос о том, что можно предпринять и какую стратегию принять в отношении Модерна и будущего, занимал многих традиционалистов. По мнению Генона, необходимо воспитать новую традиционалистскую элиту, которая развернет ход инволюции вспять и реставрирует Традицию. Эвола выбрал путь активного соучастия в истории, но фашисты в Италии и национал-социалисты в Германии оказались глухи к его идеям. Позже он предложил вариант сохранения традиционализма и выжидания подходящего исторического момента, когда современность войдет в свою фазу упадка, и

тогда традиционалисты смогут нанести смертельный удар и добить зверя²¹. Его идеи оказались созвучны с гештальтом Ушедшего в лес (Waldganger) Эрнста Юнгера.

Либо, снова продолжая метафору льда, вспомним, что искра, загоревшаяся в толще льда, никогда не принадлежала изначальному пламени, но вспыхнула из-за отторжения среды. Какова ее судьба? Она не ведает огней прошлого, и ей закрыт путь туда, но, преодолевая лед, она волюнтаристски устремлена к проблематичной возможности Иного Будущего за пределами здешнего радикально чужого. Здесь традиционализм еще больше сближается с идеями Хайдеггера, который говорил о необходимости Другого Начала западной философии. Не о реставрации того же самого, но о совсем другой конфигурации, о совсем других структурах, другом ответе на вопрос о Бытии. Рискнем предположить, что с точки зрения традиционализма эта сложнейшая тема без твердой почвы под ногами (под ногами у нас только бездна Ничто) касается мироздания уже после эсхатологического Конца, после тотального растворения всего сущего, когда все мироздание будет создаваться заново, *но не так как раньше, а совсем иначе*.

Сейчас же для традиционализма вполне приемлема (как «одна из» в общем широком наборе практик; не стоит замыкаться на одном) практика «soft power», мягкой силы — создания культурной среды и парадигмы²², традиционалистского искусства, в том числе литературы, музыки, поэзии, живописи и т. д.; создания своих пространств, источников ресурсов, горизонтальных связей с единоверцами и единомышленниками, а также расширения своего влияния вширь общества, горизонтально, формируя иную культуру в целом, завязанную на Традицию. Все это должно противостоять сползанию жизни в обыденность, увязанию в суетливом «жизненном мире» (А. Шюц) мелочных пост-буржуа и пост-пролетариев, хипстеров и миллениалов, быть против мира das Man.

В этом заключается ключевое наставление молодежи.

Стоит остановиться на паре замечаний к самому тексту Катехизиса²³. Будучи давно и широко известным на Западе, к нам он добрался только

²¹ См.: Эвола Ю. «Оседлать тигра» (Львов, 2008), «Люди и руины» (Хранитель, 2007). Эту позицию частично выражает и «Катехизис» группы Raido.

²² См.: Сперанская Н. «Дионис преследуемый» (Культурная революция, 2014).

²³ Он же «Настольная книга традиционалиста».

недавно. К тому же существуют отличительные особенности традиционализма западной и русской школ.

Во-первых, представителей классического генонизма в традиционализме осталось очень мало. При всем уважении к мэтру и признании базовых установок традиционализма его последователи внесли множество уточнений и исправили ряд серьезных упущений самого Генона. Уже Эвола внес поправки к проблеме контринициации, которую позднее вполне ясно разрешил Александр Дугин²⁴, опровергнув универсализм Генона в этом вопросе.

Во-вторых, внесена существенная корректировка в вопрос о соотношении Примордиальной Традиции и конкретных традиций разных народов. Здесь мы для начала процитируем другой наш текст:

«Традиция с малой буквы — та или иная конкретная религия или вера (= собственно “традиция”) какого-либо народа. Эллинизм — греческая традиция, асатру/одинизм — германо-скандинавская, веер индуизма — того или иного племени или касты в Индии. Традиции с малой буквы не может быть у современных наций-социальных конструкторов, т. е. не существует язычества Франции или американской традиции, так как эти конструкторы — плоды Модерна и симулякры.

Далее, Традиция с большой буквы — это надвечные и неизменные принципы, которые воплощаются в формах разных традиций с малой буквы. Нуминозное Сакральное, священный ужас и безумие, структуры иерархии и общества (Дюмезиль, структурализм, язык, архетипы), Боги как отцы народов и покровители сфер жизни.

Традиционализм — мистико-философское учение XX в., возникшее как реакция на Модерн и отрицание его ценностей. Традиционализм в первую очередь обращается к Традиции с большой буквы, ищет ее следы в традициях с малой буквы. Есть более мистико-созерцательное (Генон) измерение традиционализма и более философско-политическое (Эвола, де Бенуа).

Каждая народная традиция имеет внешнее (экзотерическое) измерение, которое завязано на формах и образах, и внутреннее (эзотерическое), которое есть цепь и связь с трансцендентным (Традиция с большой буквы). Внешнее — это изменчивое и смертное, суть пепел или станет им, это уровень народного и личного творчества, уровень проявления духа Традиции и Священного в феноменальном мире народа. Внутреннее — нетварное, безвременное и над-личностное, над-коллективное. Человек волен воплощать

²⁴ См.: Дугин А. Г. «Контринициация» // «Абсолютная Родина» (Арктогея-центр, 1999).

Единое высшее (Традицию с большой буквы) в довольно широком (но не вседозволенном) коридоре внешнего творчества, которое и складывается в традицию с малой буквы, включающую и наследие прошлого, и современные формы, покуда они не обращаются в постмодернистский абсурд и симулякры (то, что в традиции называлось титанизмом и хтонизмом).

Еще термин “традиционализм” употребляется в социальных и гуманитарных науках как синоним “этно-национализма”, предпочтения культурной архаики (“держатся там за свои корни и не хотят прогрессировать”), ориентация на более или менее реакционные ценности и дискурс — так вот это все не имеет никакого отношения к Традиции и традиционализму, просто очень близкое по смыслу использование терминов, причем в негативном контексте»²⁵.

От идеи о существовавшей в глубокой древности единой и единственной изначальной Традиции, по отношению к которой конкретные религии народов мира являются разными изданиями позднего вырождения изначального совершенства, было решено отказаться в пользу понимания Традиции как языка, в рамках которого возможны самые разные истории и нарративы (мифы и логосы). Традиция с большой буквы отвечает лишь за соответствие высказываний установленному порядку Священного и, собственно, его выражению. Это онто-лингвистический и структуралистский поворот в традиционализме²⁶. «Катехизис» же больше опирается на классический генонизм, это стоит учитывать.

В-третьих, в рамках традиционализма на сегодняшний день оформилось два больших магистральных направления, которые находятся друг с другом подчас в самых разных отношениях — от сотрудничества до конфронтации. Речь идет о традиционализме, который делает ставку на авраамические религии, и о традиционализме, который опирается на язычество как на более аутентичное и архаичное (от греч. ἀρχή — начало) наследие. Фундаментальная разница здесь пролегает между двумя онтологическими доктринами: креационизмом — творение Богом мира из Ничто и, как следствие, специфическая метафизика с разрывом между Принципом и миром в центре; и манифестационизмом — творением (проявлением, manifestare) Богом мира из самого себя, без разрыва между Божественным и космосом и с соответствующей метафизикой. Для ознакомления с каждой рекомендуем обратиться к труду А. Дугина «Метафизика Благой Вести» и

²⁵ См.: Askar Svarte, «Ликбез о традиционализме» // «Поколение идентичности».

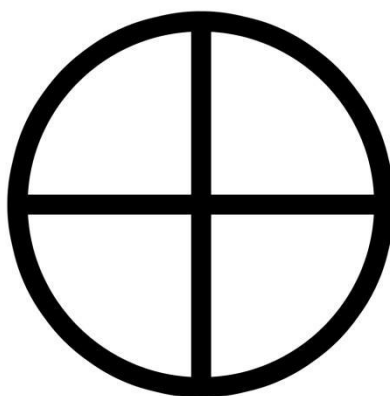
²⁶ См.: Дугин А. Г. «Философия традиционализма» (Арктогея-центр, 2002).

нашей работе «Polemos: Языческий традиционализм»²⁷. Разделение на два течения намечается с самого появления традиционализма. Сторонники генонизма чаще всего оказываются в авраамическом лагере, к которому располагают некоторые универсалистские пассажи Генона и сильный акцент на горизонтальной преемственности традиции, в то время как к языческому полюсу больше тяготеют эволюанцы, так как вертикальная инициация и тантрические аспекты гораздо ближе к эсхатологическому пониманию мира у язычников.

Тем не менее, как мы уже говорили, наличие жесткой дихотомии здесь не является обязательным условием. Вопрос взаимоотношений решается в частном порядке между конфессиями, внутри партий, движений и на личностном уровне. Некоторые феномены культуры в Средние века и в эпоху Возрождения порой невозможно бескровно разделить на христианскую и языческую составляющие, они представляют собой уже самобытный двоеверческий синтез и остаются таковыми в любом случае.

Так что молодежи не следует смущаться от наличия разных течений и множества нюансов в традиционализме — люди не одинаковы, как бы этого ни хотелось нашим врагам, различны их природы и взгляды, это естественный процесс, который делает нашу философию только сильнее и отражает в ней все стороны наших разных беспокойных душ.

Askr Svarte

²⁷ См.: Дугин А. Г. «Метафизика Благой Вести» (Арктогея-центр, 1999), Askr Svarte «Polemos: Языческий традиционализм» (в двух томах, Велигор, 2016).

Идентичность язычника в XXI веке

Идентичность — что это? Это ответ на вопрос «Кто я?», который человек задает сам себе. Обычно человек отвечает на этот вопрос поверхностно: я — студент; я — врач, юрист или безработный; я — молодой или я — пенсионер; я — любитель рок-музыки или я — спортсмен, и т. д. В первом приближении мы видим примеры идентичностей, которые отталкиваются от социальных ролей: профессиональной, образовательной, возрастной, субкультурной. Человек как социальная личность (личина, маска) является пересечением того, как и кем он себя считает, и того, кем его видит и считает общество (роль, функция, статус).

Более вдумчивое и глубокое размышление над вопросом «Кто я?» приведет нас к более масштабным и фундаментальным идентичностям: конфессиональной (религиозной), половой (мужчина или женщина, к которой можно присовокупить и сексуальную идентичность), этнической (русский, немец, грек, тувинец и т. д.), гражданской/национальной и расовой. Это уже более сложные и более общие коллективные идентичности. Отдельно стоит обозначить онтологическую идентичность, где ответом на вопрос «Кто я?» будет «Человек, представитель людского рода/вида живых существ». С точки зрения биологической таксономии это обобщающая всех людей, которые когда-либо жили, умирали, живут и будут жить в будущем, видовая идентичность.

Идентичность выступает основанием для кооперации, создания общин, социальных групп и страт, определения собственной принадлежности и ориентации в обществе по широкому набору социальных маркеров, знаков, функций и отношений. Человек — это сумма различных идентичностей, одни из которых для него являются данностью (место рождения, этничность, пол, язык), другие же можно изменять через институты социальной мобильности — горизонтальной и вертикальной (место проживания, профессия, семья, образование, конфессия, должность или звание, гражданство, хобби, возраст и т. д.).

Идентичности выстраиваются в определенную иерархию. В основе лежат естественные идентичности, которые являются неизменной данностью для человека: этническая, территориальная (*Lebensraum*, *Жизненное пространство* или «месторазвитие» народа в органицистской школе Ф. Ратцеля), в традиционных обществах фундаментальной также является религиозная идентичность. Над ними располагаются более динамические искусственные идентичности, которые мы упоминали выше — социальные

роли, функции, принадлежности к группам и субкультурам. Эти идентичности меняются с ходом времени, порой очень стремительно, либо варьируются в рамках одного общества горизонтально, к тому же общество должно совершать работу по поддержанию этих идентичностей. Так, например, в случае войны Государство активизирует патриотический дискурс и гражданская или национальная идентичность как фактор мобилизации и консолидации общества начинает доминировать и влиять на другие малые идентичности. Таков, в самом общем и кратком изложении, современный социологический подход к вопросу об идентичности.

Итак, каково место язычества как формы идентичности в этой картине?

Очевидно, что язычество — говорим мы про русское родноверие или германо-скандинавские одинизм или асатру — относится к конфессиональной идентичности, которая может меняться у людей в зависимости от желания, принуждения или ситуации. Таково устройство современного секулярного общества: человек — индивидуум — свободен конструировать, выбирать свою идентичность и менять свой выбор, делать пересборку.

Секулярность и есть условие идентичности как некоего набора самоидентификаций, распределенных по различным секторам в обществе. Иными словами, известная формула «религия — личное дело каждого» относится именно к этому. Получается ситуация, что в храме — мы верующие, в офисе на работе — мы профессионалы, служащие, а в выходные — музыканты или театралы. Общество поделено на сферы с ясными границами, где заканчивается индивидуальное пространство религиозности и начинается другое пространство: профессионализма, субкультуры, пола или религии другого человека. Язычество здесь — та форма, которую выбирает человек для реализации духовных потребностей, ограниченная местом, временем и социальными границами. Ситуация усложняется, если выбранная религия оказывается в числе маргинальных или демонизируемых в обществе. Тогда религиозная идентичность начинает обрастать негативными коннотациями, ассоциироваться с радикализмом, асоциальностью, неблагополучием и т. д. Сегодня язычество всеми силами пытаются загнать именно в пространство маргиналий, «болезней» общества; идентичности «язычник» и «сектант» навязываются как синонимы. Привилегированными оказываются те религии, которые признают секулярный статус-кво, ограничивают свои постулаты, оказывают минимальное влияние на другие аспекты жизни, признают верховенство прав и свобод индивидуума над собой.

Ранее мы обозначили конфессиональную идентичность как фундаментальную и коллективную. Значит, язычество как религия, должно занимать главенствующее положение в иерархии идентичностей человека (можно сказать — в его жизни, в обществе), влиять на все другие сферы и определять иерархию, исходя из себя. И изменить большую идентичность невозможно либо чрезвычайно сложно — это повлечет за собой сплошную тотальную перестройку всех остальных идентичностей, языка, культуры, жизни.

Но доминирования языческой идентичности сегодня не наблюдается, так называемое «обрядовerie» или «язычество-по-выходным» является удовлетворительной формой конфессиональной идентичности и практики для большого количества язычников; так они пытаются подстроиться под современность.

В обществе Модерна провозглашаются всеобщее равенство и свобода от диктатуры религиозных идентичностей, они низводятся до культурного фона и вариаций нормы в пределах гражданского общества. Религиозная или этническая принадлежность человека не является определяющей, человек может совершать выбор между религиями как ему угодно, игнорируя свою этничность или этническую основу самих традиций. Наиболее радикальную форму освобождения от больших идентичностей предлагает Постмодерн, который снимает самые фундаментальные с точки зрения Модерна, идентичности — биологическую пару пола (вместо мужчины и женщины расцветает бесконечный гендерный спектр) и онтологическую идентичность человека (вместо человека может быть трансчеловек, клон, киборг, человек-собака, фрик).

Здесь следует обратить пристальное внимание на нашу позицию во времени. Мы начали с социологического ликбеза с позиции современности, Модерна и закончили на сегодняшнем дне, когда активно наступает этап Постмодерна. Это, можно так сказать, наша хронологическая идентичность. Мы максимально современные люди, мы живем в современном обществе, которое радикальным образом отличается от общества традиционного, где религия доминировала, — это наша данность, хронологическую идентичность изменить невозможно в принципе. Если мы трактуем язычество из Модерна или Постмодерна, то оно всегда будет одной из множества меняющихся идентичностей. Можно в понедельник быть родновером, в субботу соблюдать шаббат, а между средой и пятницей практиковать вуду или теургию. А еще лучше — придумать что-то свое, экстравагантное, шизо-психоделическое и верить в это по вторникам. При этом сама сущность язычества (родноверия, тантры, единизма, эллинизма и

др.) останется сокрытой, человек отбросит ее как нечто «сложное», как то, что мешает ему создавать образ, что требует от него изменения поведения и мышления. Для того чтобы понять, что есть язычество как идентичность, нам надо попробовать рассмотреть язычество не с позиции современности, а из него самого, изнутри. Из той хронологической точки, которая будет предшествовать Модерну и Постмодерну, и настолько, насколько это возможно.

Первое, с чем мы столкнемся и что являлось абсолютной и тотальной данностью мира Традиции, — это сплошная, абсолютная сакральность всего космоса. Традиция стоит в центре общества, традиция создает общество, его структуру, его культуру, его язык; традиция создает человека и его антропологию, традиция — это и есть все общество, вся Вселенная. Традиция — это всеобщая и единственная идентичность, из которой излучаются все остальные субидентичности, которые не покидают ее пределов, а выражают ее различные грани. Объяснение всех феноменов мира происходит из мифа. Каждый народ обладает своей традицией, мифологией. Общественное устройство есть миф, воплощенный в народе эмпирически, как наглядное и доступное сущее.

Рассмотрим, как в язычестве обстоит дела с такими идентичностями, как этничность, мужской и женский пол, профессия (здесь мы будем говорить о ремесле), территориальная принадлежность.

Религиозная и этническая идентичности в язычестве связаны теснейшим образом. В древнерусском языке слово «іа́зыцы» означало «народы» и позднее стало означать язычество как таковое. Этимология слова отражает связь «народ-и-вера». Этническая идентичность выводится и объясняется через веру в общих Богов.

Позднее в Европе латинское *paganus* уже семантически объединяет в себе религиозную идентичность (*pagani* = языческие), территориальную (*pagus* = село) и сословную, так как жители села — крестьяне. Нечто аналогичное происходит с исландским словом *heiðr* (пустошь, степь), родственным английскому *hæfen*, от которого происходит современное английское *heathen* (язычник). Даже в известной формуле «русский — значит православный» говорит языческий дух этнорелигиозной идентичности и двоеверия.

Содержательное наполнение пола в обществе также черпается из мифа. Мужчина и женщина есть отражения пары Божественных супругов, нередко верховного Бога и его жены либо самой архаической пары Отца-Неба и Матери-Земли, а человек и народ в целом — это их дети и потомки.

Отношениями между мужчиной и женщиной правит Бог Эрос (Фрейр, Кама), соединяющий две половины в экстатическом соитии.

Профессии, или точнее — ремесла, появляются в обществе как дар Богов, которые учат человека охоте (Деметра), кузнечному делу (Гефест, Сварог), рыболовству (Ньерд), земледелию (Деметра), скотоводству (Велес). Более того, как показал Жорж Дюмезиль, вся структура общества есть отражение Божественной триады: Верховный Бог — жречество, Воинственный Бог — воины, царская и княжеская власть, Боги Земледелия и Ремесел — землепашцы, труженики.

В традиционном обществе не существует пустых пространств. Каждое место в мире занято кем-то либо посвящено какому-то Богу, либо там проживают прекрасные и пугающие существа: лешие, болотные, овиnnики, альвы, дверги, домовые или пенаты. В священной роще появляется Бог, который дружит с Богом реки, где живут русалки. Можно сказать, что, перемещаясь по окрестному ландшафту, человек всегда переходит из одного чьего-то дома в другой чей-то дом, то есть он всегда гость для каких-то существ, с которыми надо договариваться. Если говорить о месте, в котором проживает и развивается народ, то оно отражается в мифах, фольклоре, поэзии, искусстве и менталитете народа (Ф. Ратцель). Таким образом, территориальная идентичность тоже связана с мифом.

Можно продолжать сакральную герменевтику очень долго, затронув еще множество аспектов идентичности: возраст и мифологическая семантика детей, мужей, стариков; инициация как идентичность посвященного, приближенного к Богам и мистериям (о чем много писал М. Элиаде); представление о Должном поведении и свершении должных ролей в обществе (Дхарма, Лад, Вирд).

То, как выстраивается идентичность в эпохи традиционного, современного и постсовременного (Премодерн/Традиция—Модерн—Постмодерн) обществ, можно охарактеризовать следующими тезисами.

В древнем обществе есть одна всеобщая идентичность — это сама традиция, само сакральное. Из нее появляются и объясняются другие субидентичности (мы можем говорить о них только условно, так как это по сути не отдельные идентичности, а все та же традиция в своих различных аспектах).

В современном обществе есть иерархия идентичностей, в основе которой лежит представление об индивидууме — просто «человеке», сумма которых составляет историческое человечество или популяцию людей. У человека есть множество социальных идентичностей, влияние которых друг на друга ограничено и которые человек может менять по желанию, за

исключением самых базовых, чье влияние также ограничено правами человека, свободой и равенством.

В постсовременном обществе у человека нет корневой или центральной идентичности, но есть постоянный динамический набор идентичностей, сродни калейдоскопу, мозаике, которая постоянно пересобирает саму себя в самых нелепых и радикальных сочетаниях. Ни одна идентичность не может доминировать, но все перетекают друг в друга и смешиваются.

Очевидно, что между полноценным язычеством и тем, какое место ему отводят в Модерне и как его предлагают изменять и расчленять в Постмодерне, есть пространство серьезных различий. В этом-то пространстве и пребывает современное язычество в Европе, в России, и эта же разница уже затрагивает традиции в Индии, Африке, Латинской Америке и Азии.

В этой разнице коренится ситуация, когда идентичность «я — язычник» наталкивается на множество преград для своего полноценного воплощения. Таким образом, современные язычники находятся в ситуации, когда им надо решать классическую проблему: как быть язычником в современном мире? Иными словами: что означает идентичность язычника в XXI в. для самого язычника? Как он видит свою сущность сейчас?

Есть множество предложений и методов решения этого вопроса, но мы решили войти в эту проблематику через понятие идентичности и как частный случай и окно в тему рассмотрим спор между универсалистами и этноцентристами в западном язычестве. Их пример позволит увидеть, как проблемы решаются на практике, а также это поможет сориентироваться в пространстве языческих организаций и идеологий современности, найти точки опоры для корректного решения иных задач. Несмотря на то, что мы будем говорить преимущественно об опыте язычников США и Европы, аналогичную ситуацию и примеры с легкостью можно обнаружить на постсоветском пространстве, в России и даже среди язычников наших малых народов. Более того, в последние годы на Западе пытается заявить о себе третья позиция — трайбализм, которая находится на раннем этапе становления, но мы попробуем учесть и обозначить их точку зрения тоже.

В основу спора между универсалистами (universalists) и этноцентристами (folkish) лег вопрос о значении этнических корней тех людей, которые хотят стать приверженцами германо-скандинавской традиции (одинизм/асатру).

Позиция универсалистов такова: асатру — это универсальная (откуда и название позиции) религия. Любой, независимо от расы и этноса, может

стать ее адептом и считать себя асатру, почитать германских Богов и считать себя язычником германской традиции.

Позиция этноцентристов (термин *folkish* можно перевести как «народничество», но в русском языке это вызывает ассоциации с движением народников, а буквальная калька «фолкиш» будет ошибочно отсылать к немецкому консервативному движению *фелкише*) иная: быть адептом германо-скандинавской традиции может только тот, кто в своей генеалогии восходит к германо-скандинавским и англосаксонским народам, имеет таких предков.

Универсалисты занимают позицию современности, они говорят Модерну твердое «да». Для них традиция легко укладывается в прокрустово ложе секулярности, и они готовы отсекают от него то, что является неудобным, неpolitкорректным, иррациональным. Универсалисты говорят «да» прогрессу, они согласны и готовы адаптировать языческую традицию под нужды и требования современности. В таком случае мы получаем отчетливую полярность позиций. С точки зрения Премодерна, традиция — это все, она тотальна и совершенна, она ни в чем не нуждается и переполнена всем, что только есть. Но универсалисты, как и положено прогрессистам, говорят: «Нет, что-то ваша традиция слишком мракобесная и архаическая, мы ее модернизируем». Удивительно, но в этом они почти полностью совпадают с теологией протестантизма, которую развивали П. Рикер и Р. Бультман. Согласно их подходу, христианство следует очистить от всего мифического, иррационального и сказочного; традицию следует сознательно демифологизировать, оставить там только то, что рационально и абсолютно материально достоверно. Сухой рациональный остаток (Бультман назвал его керигмой) составляет примерно 5% всего наследия в христианстве, а мифологический балласт, названный структурой, занимает примерно 95% всего остального. Абсолютно аналогичную операцию по очищению язычества от «заблуждений» предлагают совершить универсалисты. С точки зрения идентичностей они говорят о том, что этнический фактор не играет роли, связка «народ-и-вера» должна быть разрушена. Традиция не является тотальной идентичностью, можно быть язычником и одновременно кем угодно еще, и твоя языческая религиозная идентичность не должна что-либо диктовать и требовать от человека и общества. Над традицией есть что-то еще — права человека, свобода и равенство, естественнонаучное знание, права меньшинств, секулярность, в соответствии с чем саму традицию надо адаптировать к современности. Язычество предстает для них чем-то неполноценным, что постоянно надо улучшать (остается только вопрос:

зачем прогрессивному современному индивидууму вообще какая-либо религиозная идентичность?).

В политическом спектре универсалисты твердо занимают позицию либерализма и новых левых, антифашизма, культурного марксизма и мультикультурализма. Наиболее честные «язычники» из их числа активно участвуют в освободительном лево-либеральном дискурсе Постмодерна. В их среде мы можем наблюдать язычество, которое активно принимает и приветствует гей-браки, трансвеститов, гендерные девиации (трансгендеры, гендерфлюиды, агендеры, экосексуалы и т. д.), феминизм, SJW-дискурс и т. д. В традиции, из которой выброшено 95% ее составляющей, а остальные 5% оставлены как одна из множества меняющихся идентичностей, становятся возможными любые девиации.

Позиция универсалистов совпадает с политическим мейнстримом в США и Европе, а также резонирует с текущим политическим кризисом на Западе. Так, все универсалистские организации поддержали антитрамповскую кампанию, совершали ритуалы проклятий в адрес президента Америки и в целом вели себя максимально соответствующе своим идеалам.

Среди языческих организаций и течений наиболее известными универсалистами являются виккане (Wicca) во всем их разнообразии; организация The Troth (Трот); старейшая община Асатру в Исландии и общины Forn Sedr в Дании и Швеции затронуты универсализмом; многочисленные мелкие группы Vikings/Asatru Against Racism и многие другие. Именно эти псевдоязыческие группы и направление в целом дают яркие поводы христианским апологетам и пропаганде обвинять язычество в постмодернизме и левизне.

С другой стороны, позиция этноцентристов явно тяготеет к антимодернизму и корректному, уважительному отношению к язычеству. Этноцентристы (folkish) начали с того, что сказали «корни имеют значение» (формула Стивена МакНаллена «Asatru it's about roots»). Позднее к этому добавился милитаризм, антилиберализм и местами прямолинейный антимодернизм. Этноцентристы говорят: «Нам не нужны трансгендеры, нам не нужны феминистки — нам нужна традиционная семья, земля, оружие, наши Боги, природа и культура». Традиция, говорят они, у каждого народа своя, и пусть каждый этнос верит в своих Богов, мы уважаем это и пусть уважают нас.

Этноцентристы в США имплицитно подошли даже к отрицанию своей идентичности как «американцев», стремясь обосновать свою родину в

Европе, укрепить связь с континентом исторически, культурно, религиозно, политически и организационно.

Важными критериями для принятия в традицию являются генеалогия, восходящая к германо-скандинавским (шире — еще и к англосаксонским) народам; знание германских языков — родных языков традиционного предания; знание истории и культуры; паломничество в исторические ареалы традиции — Германию, Скандинавию, Исландию. В русскоязычном пространстве эти тезисы закреплены в документе «Основы вероучения Единизма».

В политическом спектре этноцентристы активно симпатизируют Новым Правым Алена де Бенуа, традиционализму Юлиуса Эвола, этнонационализму, идеям общеевропейской идентичности и самобытности, антимиграционной политике. Пожалуй, самой известной и крупнейшей организацией этноцентристов на Западе является «Народное Собрание Асатру» (Asatru Folk Assembly). Ненависть лево-либерального крыла к негибкой позиции AFA относительно недавно вылилась в «Декларацию 127-ми» — заявление множества организаций против «расизма и гомофобии в язычестве» и Собрания в частности; большинство подписавшихся оказались виртуальными общинами, что очень типично для Постмодерна.

Позиции этноцентрического язычества довольно сильны на постсоветском пространстве и в России, сохраняются они и в традициях Азии.

Но поскольку позиция этноцентризма идет вразрез с либеральной гегемонией глобализма, на folkish-организации оказывается постоянное медийное, политическое и полицейское давление, что вынуждает их мимикрировать и защищаться от надуманных обвинений.

Наконец, третья позиция — это трайбализм, от английского слова tribe — племя, клан. Трайбалистов можно рассматривать как малую форму позиции этноцентризма в режиме оборонительной модернизации. Иными словами, и универсалисты, и этноцентристы мыслят глобально: и те, и другие хотят установить свою парадигму для всего язычества в целом. Либо леволиберальный Постмодерн и смешение всех со всеми, либо этноконсервативный традиционализм и этническая идентичность для всех народов, защита их самобытности и культур. В последнем случае позиция этноцентризма вместе с традиционализмом может стать платформой для альянса разных народов в защиту своих традиций и культур от уничтожения западным гегемоном.

Трайбалисты же, наоборот, ратуют за порядок в своем отдельном клане и на своей отдельной земле или городе, где они живут; трайбализм — это

локальность. Они признают, что в традицию может войти далеко не каждый, что для адепта нужно установить планку требований. В числе требований может быть этнический фактор, а может и не быть, либо отсутствие его могут компенсировать другие качества или рекомендации членов изнутри трибы. Набор требований, а также специфика культов и отношения с внешним миром варьируются от клана к клану. Кто-то старается мимикрировать и быть социально приемлемым, другие, наоборот, уходят подальше от мегаполисов, предпочитают жить на фермах и практиковать ремесло, охоту, максимально возможный традиционный образ жизни без влияния современности. Возможно, о самых радикальных трибалистах мы вообще ничего не знаем — они молча мигрировали из цивилизации в дикие леса, в свою недоступную «Зомию». Из известных организаций, близких к трибализму, пожалуй, можно назвать движение национал-анархистов Троя Саусгейта и языческих почитателей философии Каарло Пенти Линколы. В России, с оговорками и ярко выраженным национализмом, к этой позиции можно отнести Доброслава.

Resume:

- Языческая традиция — это радикальная идентичность в этимологическом смысле слова (от лат. *radix* — корень). Язычество — это корень всего, центр, из которого исходят все идентичности, как дерево произрастает из семени.
- Современность ставит выбор: оскотление традиции в пользу ее адаптации или радикальное «нет» современности, тотальное «да» сакральному.
- Человек — не сумма идентичностей (Модерн) и не калейдоскоп идентичностей (Постмодерн), а носитель Божественной природы в себе — творение Богов, их потомок; Бог как радикальная идентичность человека.
- Хронологическая идентичность язычника не должна лежать в современности, но эта идентичность также не может находиться и в прошлом, потому что современные язычники не принадлежат прошлому. Хронологическая идентичность язычника должна корениться в Вечности над временем, то есть — в бытии. Традицию необходимо мыслить не исторически, не линейно, а вертикально и бытийно.
- Безусловно, все это чрезвычайно сложно для современных неоязычников. Универсалистский выбор «казаться» вместо «быть» объективно проще и привлекательнее. Но языческий традиционализм не должен никого соблазнять, привлекать, фасцинировать или быть понятным «на пальцах». Он должен открывать истину.

Список полезной литературы для чтения:

- Askr Svarte (Нечкасов Е. А.) «Polemos: Языческий традиционализм» в двух томах, 2016.
- Askr Svarte «Проблемы языческого традиционализма», 2013.
- Askr Svarte «Полемика язычества и христианства: вопрос боговоплощения», 2017.
- Askr Svarte «Очерк о важности мифа», 2017.
- Бенуа Ален де «Как можно быть язычником», 2013.
- Бенуа Ален де «Традиция и консервативная мысль», 2017.
- Дюмезиль Жорж «Верховные боги индоевропейцев», 1986.
- Эвола Юлиус «Люди и руины», 2007.
- Элиаде Мирча «Священное и мирское», 1994.
- Юнгер Ф. Г. «Греческие мифы», 2006.
- Коллин Клири «Взывая к Богам», 2017.
- Коллин Клири «Что такое руна?», 2018.
- «Поколение идентичности», 2018.
- «Идентичность: общество, политика, культура», 2017.
- McNallen Stephen A. «Asatru. The Native European Spirituality», 2015.

Традиционализм и место экономики

Традиционализм в совокупности его философских, политических и эзотерических измерений образует целостную систему иного взгляда на историю развития Европы и на возможные горизонты будущего в негативном и, насколько это возможно, позитивном сценариях. Один из частых вопросов – традиционалистский подход к экономике и предлагаемые решения в этой сфере. Очевидно, что тема экономики в трудах мэтров этой философии едва ли затрагивается всерьёз. В данном очерке мы представим обобщённый взгляд-ликбез традиционализма на эту проблему.

По своему определению и содержанию традиционализм есть философия и практика, в центре внимания которой стоит Традиция как свод или структура вечных высших ценностей духа и Священного, которые проявляются в различных традициях (= религиях, в обиходном языке) и культуре того или иного народа. Традиционализм есть реакция (не в политическом значении «реакционизма», а как осмысление ситуации и предложение альтернативы) на инсталляцию Модерна в Европе к началу — середине XX в. Традиционалисты убеждены, что в определённый момент история Европы и мира в целом пошла по ошибочному пути. В качестве переломного момента, в котором совершается подмена или неверный выбор пути, называются несколько исторических явлений: Ренессанс и Просвещение — как парадигмальный сдвиг к антропоцентризму, гуманизму и резкий переход от религиозной картины мира к секулярной натурфилософии и позитивистской науке; 30-летняя война и Вестфальский мир, ранее — принятие и распространение христианства, падение Рима и так далее. Всё это — точки на исторической шкале падения. Гесиод описал это в виде смены веков от Золотого к Железному, в Веданте речь идёт о четырех Югах.

Принципиальную важность для традиционализма, равно как и для мира Традиции вообще, представляет учение о смене поколений людей в свете ухудшения их качества, инволюции. Общая для индоевропейцев структура общества, выраженная в пирамиде сословий (жрецы—воины—земледельцы/ремесленники), начинает распадаться и «переворачиваться» основанием вверх. Уже Гесиод горестно восклицал, что живёт в окружении последнего человечества. Ю. Эвола описывал мир Модерна как эпоху третьего сословия — буржуазии (после священства и аристократии Средневековья), которая открывает приход четвертого сословия — пролетариев и просто потребителей.

Становление Модерна по сути есть отрицание Традиции и реструктуризация общества на основе этого отрицания; становление «царства количества» против качества духовного измерения и аскетического (монашеского или воинского) презрения к благам мира и смерти. Аристократические и священные идеалы Богов, как и их жрецы, смещаются из центра общества и экзистенциальной напряженности на периферию и в область индивидуального выбора без навязывания обществу. В центр ставится человек, причём в его «свободном от» (по Дж. Миллю) высшей инстанции измерения, т. е. освобождённый буржуа, нувориш, лакей, плебс, адепт ценностей Великой французской революции.

Характерными и неотъемлемыми чертами становления Модерна являются появление и стремительный взлёт экономики. Экономика (οἰκονομία) этимологически — учение, закон (наука и практика) о ведении хозяйства и быта, о его сбережении и приумножении. Локализуем данную установку в традиционной структуре общества.

Верх духовной иерархии — жрецы и философы — наименее заинтересованные в обладании и приумножении золота и богатств люди. Согласно древней мудрости, философ преисполнен внутреннего золота души и ума и поэтому не нуждается во внешнем золоте, которое восполняло бы его недостаток. Приближённость к Богам и смерти освобождает высшее сословие от вовлечённости в роскошь. Сократ называл тело гробницей души, из чего следует, что обрамление и богатое убранство этой «гробницы» суть только умножение тленного и наименее важного для философа. Обратное суть очевидные признаки вырождения сословия и проникновение в его ряды низших элементов, что особенно рельефно видно в истории Ренессанса, в династиях Медичи и Борджиа.

Второе сословие и верх социальной и политической власти — императоры, цари, князья, воины — обладают душой, состоящей из разных пропорций золота и серебра, отсюда их тяга к атрибутам царской роскоши, регалиям и трофеям. Окружение царя золотом и драгоценностями не тождественно жадному накоплению богатств, так как царские атрибуты — от ножа и меча до золотых палат и тканей — это продолжение и материальное воплощение царской славы и доблести; блеск золота есть блеск власти и отблеск божественной печати на правителе. Золото и драгоценности в этой парадигме не имеют автономной ценности и бытия, богатства наделяются ими благодаря принадлежности к власти и воинской доблести, как и трофеи воинов в том числе. К этому же кругу относится и практика богатого погребения знати с древнейших времен. Первертные образы здесь — проклятые императоры Рима.

Наконец, третье сословие — земледельцы и ремесленники, чей быт и преломление восприятия священного наиболее близки земле и лишены аристократической доблести. В пространстве старого общества главенствовал принцип *Non plus ultra* — «ничего сверх меры», который регулировался циклом годовых жертвоприношений и выплатой различных податей высшим сословиям. Тем не менее третье сословие наиболее открыто хтонической привагии, принципу накопления и производства.

Четвёртое сословие — чандалы, парии, неприкасаемые — в традиционном обществе представляет собой чистый типаж нищеты и лишённости в духовном и социальном плане.

Исходя из вышеизложенного, мы можем обрисовать экономические модели соответствующих сословий, существовавших в обществе одновременно, каждая на своем уровне:

- Жречество и философы — экономика смерти; «человек приходит и уходит из этого мира с пустыми руками»; максимальная трансцендентность и минимальный материализм;

- Правители и воины — экономика войны и силы; делегирование блеска славы и власти атрибутам и богатству; трофеев и податей;

- Земледельцы и ремесленники — священное «натуральное» хозяйство, экономика дара и обмена; жертвоприношение как избавление от излишка (проклятой части); ремесло как воплощение божественных форм в материи.

Становление Модерна отмечено смещением жизни в города и урбанизацией, что породило новый сословный типаж — буржуа — человека, не занятого обработкой земли, военной или духовной службой. Буржуа — прослойка лакеев, прислуги и «сервиса», вышедшая на арену в эпоху Просвещения. Оно же и сформировало новое «третье сословие» в Европе, либеральное и секулярное в своей сути. В его среде происходит стремительный взлёт фигуры «торговца». Типаж «торгаша» как самостоятельной онтологической ниши в иерархии индоевропейских народов не встречается, и считается, что он проник в Средиземноморское пространство из семитско-ближневосточного ареала.

Буржуазное общество, свободное от аграрного труда и взимания податей по праву силы, открыто заинтересовано в том, что этимологически является «учением о ведении хозяйства и умножении собственности». Выведение экономики на передний план общественной жизни есть превращение её в буржуазную идеологию жизни во всех аспектах, включая подмену Политического на выгодное; экономика (со всем разнообразием подходов) становится материалистичной парадигмой, отражающей взлёт и

специфическое мышление «последних людей», по меткому определению Ф. Ницше.

В ней же находит свое воплощение принцип прогресса — линейного развития и количественного критерия «больше — лучше, эффективнее, успешнее». Моральное обоснование экономического прогрессизма и накопления дают протестантизм и его этика, что было описано М. Вебером; «Бог отмечает избранных к спасению богатством в земной жизни» — таков постулат протестантизма. Здесь же начинается антикапиталистический дискурс традиционализма, так как прогрессивные экономические теории оперируют антитрадиционалистскими категориями и постулируют антитрадиционные идеалы и стратегии общественной жизни. Помимо неограниченного стремления к росту и приумножению, немаловажную роль играет наднациональная и глобальная сущность капитала. Традиционализм в политическом спектре постулирует этноцентризм и этнокультурную, этнорелигиозную идентичность и вариативность экономических отношений согласно иерархии и функциям сословий в обществе. В то время как капитализм порождает феномены ТНК и глобальный рынок с распределением труда, что принуждает народы искать свою нишу в глобальном сообществе не согласно своему Логосу, а согласно актуальным нуждам и свободным нишам на глобальном рынке.

В этом сдвиге — в освобождении от подати, жертвы и принципа *Non plus ultra* — с буржуазией частично сближаются земледельчество и ремесло, преобразованные в аграрный сектор, цеха и производство. Освобождённые от фасцинации священным и иерархии, нижние этажи общества регрессируют и порождают новый [суб]антропологический тип Модерна — Рабочего или пролетария, чья онтология, субъектность, культура и политика являются производными от экономики целиком и полностью. Типаж пролетария неизвестен миру Традиции, но по своим характеристикам он локализуется ниже земледельцев и ремесленников и очень тесно примыкает к париям и чандалам; Юлиус Эвола видел в нём один из типажей четвертого сословия, которое сменит буржуазное общество. Другим новым типажом, производным больше от капиталистического общества, является потребитель. Его картина мира наглядно описана в трудах постмодернистского философа Ж. Бодрийяра «Америка», «Система вещей», «Симулякр и симуляции». Рабочий и потребитель — две стороны раскрепощённого круговорота производства-и-употребления в ленте Мёбиуса материи и знаков, не подчинённого никакой высшей цели.

Так, мы подошли к тому, что экономика — как авангард мысли и ведущая теория, как первый план решения общественных и политических

проблем, как экономические показатели и критерии счастья и потребления — для традиционалиста является символом и знаком вырождения и инверсии должного порядка вещей. Перефразируя меткую иронию постмодерниста Пелевина в «Generation П», можно сказать: «Ничто так не выдаёт принадлежность человека к низшим классам общества, как заинтересованность и повышенная акцентуация на экономической проблематике как панацее в решении проблем».

Экономическая теория и практика, экономические инструменты и рычаги сегодня работают только потому, что мы живём в царстве количества и перевёрнутом обществе вырожденцев. Традиционализм не делает выбора в вопросах «рынок или нет», «план или нет», «государственный контроль или “невидимая рука”», «социальная защита или частное страхование», «обогащение или бегство в нищую духовность» — традиционализм считает эти вопросы навязанной «вилкой» ложного выбора, который актуален для неправильных антропологических типажей.

Для традиционализма вопрос экономического устройства общества стоит на одном из последних мест и носит сугубо инструментальный характер. Передний план традиционализма — это Священное и высшие измерения человеческого духа, аутентичное экзистирование своего бытия, жертвенность и трансляция Божественных манифестаций в общество, его фасцинация. Сердце традиционной и традиционалистской экономики — это экономика Смерти, которая является нашим ориентиром. Смерти как жертвы Богам, смерти как героического самопожертвования на поле битвы в лучах «вечной славы деяний достойных» (Navamal).

Askr Svarte

Полемика язычества и христианства: вопрос боговоплощения

Событие воплощения Бога в Иисусе Христе является одним из фундаментальных и основополагающих чудес в христианстве, оно преподносится как уникальное, и эта уникальность транслируется на всю веру христову, а также используется в целях апологетики и полемики с язычеством. Что ж, давайте разберем этот вопрос с точки зрения языческого традиционализма и на примере статьи новосибирского диакона собора во имя князя Александра Невского Артемия Сильвестрова²⁸.

Главный тезис его статьи заключается в следующем:

«Первое и чрезвычайно важное, что ярко характеризует мифологию Средиземноморского региона, равно как и мифологию индуистскую — боги в этих религиозных системах воплощаются не на самом деле, а только лишь “принимая вид”, исполняя некую роль, наподобие игры артистов».

Иными словами, диакон Артемий говорит, что метаморфозы языческих Богов носят характер иллюзии, кажимости, что они не воплощаются в людях или животных, но как бы «принимают вид» и обманывают зрение свидетелей. Для полноценного ответа на этот тезис нам надо немного отвлечься и прояснить вопрос Начал или онтологии, из которого нам станет ясна ошибочность утверждений автора и корень его непонимания Традиции.

Авраамические религии, к которым относятся христианство (и все его деноминации), ислам и иудаизм, выражают онтологическую доктрину креационизма (от лат. *creatio* — создание, сотворение). Формулой креационизма является *creatio ex Nihil* — Бог создает [творит] мир из Ничто, наподобие того как ремесленник создает изделие из глины или древесины. В этой метафоре наглядно выражена принципиальная разница между Богом-Творцом и его креатурой-миром (и человеком и всем сущим в целом), который всегда и принципиально отличен от своего творения. Иными словами, Бог есть абсолютное Бытие и Всемогущество, которое пребывает выше [над] и в отдельности от созданного им мира, бытие которого подобно тому самому глиняному горшку в окружающей его пустоте. В этом мире Священное исходит от Бога и является чем-то уникальным, редким настолько, что в случае Божественного вмешательства и явлений, знаков и т. п., они называются чудесами в привычном нам значении явления чего-то небывалого, удивительного, захватывающего и сверхестественного. Тварный

²⁸ Диакон Сильвестров А. «Боговоплощение в язычестве и христианстве»
URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/08/14/bogovoplowenie_v_yazychestve_i_hristianstve/

мир-поделка Бога сакрализируется тогда, когда Бог обращается к нему и его жителям, к человеку и народам, и это становится чудесами и промыслом.

Совсем другую онтологию мы имеем в нашем язычестве. В некоторых традициях она разработана очень детально в мифологиях и философии (Греция и (нео)платонизм, Индия и адвайта-веданта, тантризм), в других — даны лишь императивные утверждения, некоторые ограничиваются лишь намеками на ещё неторенные тропы; но в любом случае, взирая даже на самые наивные традиции с позиции языческого традиционализма, мы можем вычленить общий онтологический мотив язычества. В противовес креационизму и его формуле «творение из ничто», язычество выражает формулу *creatio ex Deo* или, еще точнее, *manifestatio ex Deo*. Позитивной противоположностью креационизма является манифестационизм (от лат. *Manifestare* — проявлять, делать видимым). Согласно манифестационизму, мир и человек, народы, звери и все сущее в целом — есть проявления Божественного, мир с его законами и иерархией творятся Богом из самого Себя, а не из безликого ничто. Мир и человек «плоть от плоти» несут в себе Божественную «субстанцию», фактически мироздание становится «зеркалом», в котором Бог созерцает сам себя, и в этом созерцании Божественного особая роль отведена человеку как тому существу, которое способное осознать Божественность мира и свой собственный Божественный исток. Другими словами: языческий мир — это изначальное и непрерывное чудо Богоявления во всем мире, природе, народах и людях. Если в авраамизме чудеса — это уникальные единичные события вторжения Бога (Яхве, Элохим, Аллах) в историю, то в язычестве это жизнь в постоянном свете явления тех или иных Богов, духов и их игры. Мир авраамизма (христианства, ислама, иудаизма) находит чудо чем-то исключительным, а мир язычества есть чудо как таковое, которое не нуждается в уникальности и исключительности, потому что оно всегда есть чудо и чудесность.

Вернемся к тезису: «языческие Боги воплощаются не на самом деле, а только делают вид, как актеры». Мы сразу же можем увидеть первое противоречие с манифестационизмом: если Боги не воплощаются на самом деле, а нам это только кажется, тогда Мир-как-Божество — это не объективная реальность, а иллюзия в самом буквальном смысле. Но наш мир — и сейчас, и в древности — имеет свою материальную сторону, следовательно, Божественное воплощено очень даже буквально и в широчайшем разнообразии. Мир существует на самом деле, и если он — воплощение, т. е. проявление Божества, то диакон Артемий не прав в самом начале и в отношении самых фундаментальных истин.

Но здесь есть ещё один нюанс, с которым он не знаком детально. Говоря об иллюзорном воплощении Богов, автор ссылается на индуизм. Действительно, в некоторых (но далеко не во всех) философских школах индуизма есть утверждение, что мир является иллюзией (Майя), и на высших ступенях познания адепт якобы познает эту истину, что мир иллюзорен. Здесь важно разъяснить следующее: сама Иллюзия/Майя в индуизме предстает как покрывало, которое скрывает от человека истинное положение вещей. Это покрывало представляет собой весь материальный мир и природу, оно создает видимость того, что мир и Бог (в данном случае Шива) различны. Это уже опровергает тезис о кажимости воплощения Богов и наводит на мысль, что иллюзия скорее принадлежит такому взгляду на мир, который разделяет собственное бытие и бытие Бога. Дальше оказывается, что сама Майя-Иллюзия есть проявление великой Богини Шакти, супруги и любовницы верховного Бога Шивы. Выходит, что мироздание — снова проявление Бога, точнее Богини, которая в своем проявлении раскрывает-и-скрывает верховного Бога Шиву, который устанавливает закон, дает учение, и вообще как муж правит и вступает в интимный союз со своей супругой. Таким образом, в языческой картине мира некоторых индийских учений мир представляет собой эротический союз мужского и женского начал, где материальное-женское в своем движении скрывает духовное-мужское.

Но и это ещё не все. Дальше индуизм говорит, что высшим знанием является то, что сама Майя (Иллюзия) тоже иллюзорна и на самом деле нет онтологической разницы между Богом и миром, Богом и человеком, что материя не противостоит духу, но вместе они пребывают в Божественном (Шива-Шакти) эротическом союзе и движении. Иными словами, когда христианские апологеты говорят, что Боги воплощаются в мире «иллюзорно», то именно эта точка зрения является иллюзией и половиной правды, так как сама «иллюзия» есть обман Богов для непосвященных и способ их парадоксального бытия. Иллюзия не в том, что Боги якобы надевают маску, а в том, что кто-то думает что «Боги якобы надевают маску». И наши Боги настолько всемогущи, безграничны и чудесны, что могут позволить себе воплощаться в зверей, птиц, людей, и — что самое главное — они и есть все мироздание в его духовном и материальном измерениях в их высшем воплощении.

Другой тезис диакона Артемия:

«Вторая, не менее важная особенность ”биографий” языческих богов — генеалогическая путаница».

Автор упрекает языческих Богов в том, что, дескать, непонятно, кто они такие и кто их породил — много разных мифов, которые рассказывают

разные истории, а значит, все это сказки и небылицы, а вот христианская генеалогия Христа ясна и однозначна, в ней нет разнообразия версий.

Этот тезис отвергается заключением нашего разбора тезиса предыдущего: наши Боги чудесны и всемогущи настолько, что народ слагает такие же чудесные и разнообразные мифы об их происхождении и деяниях. Но если посмотреть глубже, то мы увидим между христианством (креационизмом) и язычеством ещё одну большую разницу.

Христианские предания предельно историчны, они опираются и засчитывают себе в плюсы максимальную реальную историчность своих библейских событий. Иными словами, христианство и иные авраамические религии — максимально материалистичны, они нуждаются в материальном и историческом обосновании своей истории и чудес. Это свойство «глиняного горшка» их мировоззрения, вытекающее из креационизма. Позднее, с наступлением Просвещения, Нового времени и утратой веры в Бога, этот принцип найдет свое выражение в научной картине мира, где все должно быть подкреплено опытом и материально (эмпирически и позитивистски) достоверно.

Иная картина в язычестве, в основе которого лежит живой миф. Греческое слово *mythos* переводится как «сказ», «рассказ», «то, что рассказывается» — отсюда естественные, как движение волн на поверхности моря, расхождения в пересказах одной и той же истории. Но несмотря на обрамляющие основной каркас [сюжет] мифа расхождения в нюансах, он не страдает от этого утратой достоверности и не превращается в «нелепую басню детства человечества», но обретает гамму красок и оттенков, плюральность герменевтики. Как море, несмотря на беспокойную поверхность, в своей глубине и сути остается неизменным самим собой.

Далее диакон пишет:

«В-третьих, каждое языческое божество выражает определенную сферу человеческой жизни (“отвечает” за нее, “покровительствует” ей). Так, Афина — покровительница мудрости, Афродита — любви, Дионис — веселья и вина, Морфей — сна, Марс — войны, Гермес — торговли, Геката — магии. В этом отношении языческая религия (в данном случае представленная греко-римской мифологией) является в том числе и выражением в виртуальном пространстве некоторых вполне земных идей».

Здесь нет никакой претензии, ибо она априори невозможна. Автор излагает древнюю истину, с которой не спорят ни религиоведы (М. Элиаде), ни антропологи и социологи (Ж. Дюмезиль). Боги суть источники и/или идеальные воплощения базовых функций в человеческих обществах, о чем писал Жорж Дюмезиль: верховные Боги — жречество; воинственные Боги-

защитники — цари, вожди, дружина и воины; Боги Плодородия и Земли — земледельцы, охотники, рыбаки; а также Боги — податели и учителя ремесел и искусств. Ж. Дюмезиль наглядно проиллюстрировал эту структуру на примере индоевропейских обществ. Фактически, это и ещё один способ воплощения Бога в человеке — через его сословную принадлежность и род занятий.

Немного другая картина есть в некоторых школах индуизма — Трибхувана (Троица или Триада) Богов: Бог Создатель (Брахма), Бог Защитник (Вишну/Кришна) и Бог Разрушения (Шива). С помощью этой троицы кодируются жизненные циклы мироздания, года и жизни конкретного человека, а также всех явлений и вещей. Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что языческие Боги воплощаются максимально наглядно и непосредственно во всех аспектах Жизни и Смерти.

Следующий тезис о языческих Богах диакон Артемий формулирует следующим образом:

«...важная деталь — та, прямо-таки скажем нравственная нечистота, которой изобилует жизнь языческих богов и которая (как следствие) является неотъемлемой частью языческих культов».

Поднятая тема напрямую к вопросу боговоплощения не относится, но ответим и на этот вопрос. Во-первых, диакон Артемий далее особо подчеркивает безмужный (без участия мужчины) характер зачатия Девы Марии, лишенный каких-либо интимных отношений и эротических действий. Во-вторых, вновь акцентирует внимание, что в Евангелии отсутствуют «сферы каких-то чувственных, эмоциональных, любовных, романтических отношений», что Иисус максимально чист и удален от «греховных наслоений» человеческого рода. Здесь следует отметить не только позицию и общественную деятельность автора, но и общий дрейф РПЦ в сторону идей пуританства. Пуританство (от лат. *Puritas* — чистый) — морально-нравственная позиция английских протестантов XVI-XVII в., отличавшаяся гипертрофированным стремлением к строгости нравов, особенно в сфере сексуальности. Очень странно наблюдать симпатии православных апологетов к идеям «инославных» деноминаций, близких к ереси.

Тем не менее подавление сферы телесности и сексуальности идет красной линией в авраамизме, что обоснованно рассматривается как предуготовление той ситуации, из которой рождается учение З. Фрейда о подавленной сексуальности и травмах на этой почве. И действительно, в пуританском обществе, где нет рычагов и практик реализации здоровых (подчеркиваем — здоровых) сексуальных желаний и выпуска пара, рождаются патологии.

С другой стороны, в языческих традициях нам широко известны и чистые, сексуально практически безучастные и нравственные Божества: Аполлон; Гефест, поймавший жену на измене; Тор — усмиритель Локи и др.

Язычество охватывает и не отрицает никаких сфер жизни, в том числе связанных с сексуальной практикой. В языческих традициях есть институты целомудренного брака и деторождения, супружеской любви — вспомним воззрения индийских мудрецов о том, что весь мир есть ритуальное соитие Богини Шакти и Бога Шивы! К этой парадигме структурно можно свести все супружеские пары верховных Богов разных традиций (Один и Фригг либо Фрейя в скандинаво-германской традиции). Также в языческих традициях есть, говоря словами Юлиуса Эвола, и «афродическая» сторона Эроса — дионисийские оргиастические культы, сродни славянскому празднику Купалы на Летнее Солнцестояние; также элементы сексуальности часто используются в аграрной магии и ритуалах плодородия (обнаженные женщины, опахивающие ночью поля и села на Руси). Известно архаическое изображение скандинавского Бога Фрейра с ярковыраженным фаллосом, который символизирует мощь плодородия и ни у кого не вызывал и не вызывает смущения (или более экзотические праздники фаллоса в Японии). Также принцип подражания Богу (*imitatio Dei*, тому что Боги делают в мифах) в виде обряда, театра или буквально в реальной жизни является одним из основных ритуальных приемов освящения жизни и праздников, что полностью распространяется и на сферу интимной жизни супругов и общества (соитие мужа и жены повторяет Вселенский союз Богов).

Потому что язычество, повторимся, прекрасно понимает органичность всех сторон Жизни и Смерти и находит им свое, регулируемое укладом место и время. Если мир есть союз Богини-Жены и Бога-Мужа, то патологией является пуританство, ведущее к вырождению рода и психическим проблемам.

Наконец, диакон Артемий подводит черту под обзором воплощений языческих Богов:

«...нельзя не отметить, что, в отличие от христианского монотеизма языческая теология подразумевала политеизм, т. е. присутствие множества богов, которые многократно “воплощались” и соответственно в итоге различных “воплощений” было великое множество, однако все они абсолютно внеисторичны, а самое главное — призрачны, фиктивны».

Мы уже опровергли убеждения автора об «иллюзорности» воплощений языческих Богов, а требование к историчности и достоверности скорее говорит о том, что автор стоит на позициях научных методов эмпиризма и

позитивизма, а не на стороне Сакрального и мистического опыта. Но остановимся на вопросе политеизма или многобожия.

В самом начале мы сделали оговорку о том, что наиболее тонко и детально языческая философия и тео-онтология разработаны у древнегреческих философов-неоплатоников и в индийских адвайта-даршанах. Действительно, большинство языческих традиций рассказывает (mythos) об одном или нескольких родах Богов, среди которых выделяется одно верховное Божество. Даже когда это не сказано прямо, переводя язык мифа на язык философии, можно заключить, что основные священные оси иерархий и законов сводятся к его главенствующей фигуре [первого среди равных]. Ещё дальше идут мистические школы, которые создают стройные и тонкие учения о том, что весь мир есть проявление (manifestare) этого верховного Бога, а другие Божества одновременно и обособлены от него, и являются его ликами (вот здесь как раз уместно говорить об «актерской игре»). Такое мировоззрение называется монизмом (не путать с монотеизмом!), суть которого сводится к тому, что верховное Божество не исключает, не отменяет и не ограничивает других Богов в их бытии и покровительстве народам, наукам и сословиям, но на самом высшем уровне вбирает их в себя как свои проявления (Боги как проявления Бога или Единого). В греческой философии очень близко к этому стоит философия неоплатоников, которая учит о сверхбытийном Едином, в котором пребывает весь мир, его Боги, природа, народы и человек. Эту же идею Единого Бога позднее присвоили себе христиане, включив его в учение о Троице, подменив Единого Бога [не исключающего других] на Единственного Бога [уничтожающего других].

Это высший уровень языческой мистики и философии, на который очень сложно подняться и удержаться там.

Монизм не отрицает политеизма, тем самым в язычестве реализуется цветущая сложность, иерархия и ансамбль Богов и духов, их владений и могуществ, священных метаморфоз и чудес — в противовес оскопляющей и унифицирующей, требующей историко-материальной достоверности догматике авраамизма.

Вернемся в самое начало. Христианские апологеты превозносят чудо буквального воплощения Сына Божьего Иисуса Христа в теле человека и его страдания (страсти), которые он переживает. Является ли случай воплощения Бога в человеке экстраординарным в язычестве? Нет, так как в язычестве сущностной разницы между Богом и человеком нет. Тем более такой, какой она есть между горшечником и его глиняной креатурой в креационизме. Да, если мы представим, что горшечник (Бог) внезапно буквально воплотился в керамический сосуд (мир, человека), — это будет странным, но чудом.

Но ситуация такова, что с точки зрения язычества онтология креационизма — неснимаемый разрыв между Богом и миром, человеком — есть патология и метафизическая деградация, Железный век, по Гесиоду, против полноценного бытия языческого манифестационизма. Стоит ли нам так превозносить и признавать чудо боговоплощения, если оно совершено в нездоровых метафизических условиях упадка? Ситуацию можно охарактеризовать как «чудо излечения от простуды на четвертой стадии рака» — объективно насморка нет, но жить осталось недолго. Или иными словами: насколько целесообразно оценивать высшие состояния критериями нижестоящих позиций?

Здесь же можно вспомнить известные слова о том, что духовное самопознание язычника — это познание Божества в себе, а самопознание христианина — это познание себя глиняным горшком [который ничего общего не имеет со своим мастером].

Свою статью диакон Артемий заканчивает так:

«Полагаю, что для любого думающего человека из написанного выше совершенно очевидно, что языческие мифы о боговоплощении и христианское учение касательно той же тематики не имеют по существу ничего общего. Христианское учение о Боговоплощении беспрецедентно и не имеет никаких аналогов в религиозно-философской традиции той эпохи. В связи с этим может возникнуть вполне законный вопрос: откуда несколько рыбаков (людей хотя и грамотных, однако не имеющих специального философского образования) смогли взять такой потрясающий и беспрецедентный образ Христа? Ответ реально только один: они констатировали исторический факт, описывали очевидную историческую Персону такой, какой Она была. И только уже позднее святоотеческая мысль разъясняет некоторые сложные моменты, и только по причине борьбы с возникшими заблуждениями (ересями)».

Что ж, мы согласны, что язычество и христианство имеют очень мало общего. Но во второй части, в которой говорится о констатации простыми рыбаками-апостолами исторического факта боговоплощения Иисуса Христа, автор немного лукавит. Окончательное оформление догматики о том, кем же был Христос, как он воплотился в человеке и что именно он переживал на кресте, — это плод многовековых споров на Вселенских соборах, в ходе которых было отвергнуто много ересей (докетизм, несторианство), которые автор так же бегло рассматривает в своей статье. То есть простые рыбаки может и были свидетелями реальной исторической личности — своего учителя, но все последующее теологическое оформление и описание нюансов воплощения есть результат консенсуса позднего священства. И не

без соучастия в этом философии платонизма и аристотелизма, то есть языческой философии в урезанном виде.

В общем, мы вновь согласны, что язычество напрямую не имеет общего с христианством, а вот христианство имеет много заимствованного из язычества в областях платонической теологии, хенологии (учения о Едином), мистики (авраамические мистики всю историю стремились преодолеть разрыв между человеком и Богом) и в народной культуре.

Askr Svarte
17.08.2017 e.v.

Список полезной литературы для чтения:

- Askr Svarte (Нечкасов Е. А.) «Polemos: Языческий традиционализм» в двух томах, 2017 г.
- «Девибхагавата-пурана. Книга первая». Пер. с санскрита Андрея Игнатъева, Калининград, 2014 г.
- «Девигита. Песнь Богини». Пер. с санскрита Андрея Игнатъева, 2015 г.
- «Кашмирский шиваизм», 2010 г.
- Бенуа Ален де «Как можно быть язычником», 2013 г.
- Гальковский Н. М. «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» т.1, Епархиальная типография, Харьков, 1916 г.
- Гальковский Н. М. «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» т.2, Печатня А.И.Снегиревой, Москва, 1913 г.
- Даниелу Ален «Шива и Дионис».
- Дюмезиль Жорж «Верховные боги индоевропейцев», 1986 г.
- Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. «Энциклопедия тантры», 2010 г.
- Носова Г. «Язычество в православии», 1975 г.
- Платон «Диалоги», 2009 г.
- Платон «Избранное», 2004 г.
- Сэдзвик Марк «Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века», 2014 г.
- Черкасов Илья (Велеслав) «Книга Родной Веры: Основы Родового Ведания Русов и Славян», 2009 г.
- Черкасов Илья (V.L.S.L.V) «Книга Великой Нави: Хаософия и Русское Навославие», 2011 г.
- Эвола Юлиус «Метафизика пола», 2012 г.
- Эвола Юлиус «Языческий Империализм», 2013 г.
- Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства», 2012 г.

- Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий», 2012 г.
- Элиаде Мирча «История веры и религиозных идей: от Магомета до реформации», 2012 г.
- Элиаде Мирча «Священное и мирское», 1994 г.
- Юнгер Ф. Г. «Греческие мифы», 2006 г.
- Haggkvist M. «Проблемы языческого традиционализма», 2003 г.
- Askv Svarte «Проблемы языческого традиционализма», 2013 г.
- Головин Евгений лекция «Дионис-2».

Евгений Головин: Великий Пан

Кто-то падает с верхушки клена, шумно прорезая красную листву, потом размахисто и широко отряхивается, малиновым ручьем пропадает среди корявых корней: в воде мелькают золотые нити, туда-сюда снуют зеленые иглы — бог Пан просыпается после полуденного сна. Ему необязательно спать на древесной вершине, он любит отдыхать в прохладных гротах, но часто его одолевают повелительные прихоти. Рыжебородый, весь покрытый шерстистой рыжиной, с рельефной складкой на лбу к переносью, он любит венчать малозаметные рожки большой еловой веткой. Такова зверино-человеческая ипостась Пана — бога дикой природы и одиночества. Жестокость или милосердие равно чужды ему, хотя он вполне способен к этим страстям. Он любит пустоши, дикие дебри, покинутые речные или морские берега, может днями и ночами блуждать по таким местам, ненавидит города, возделанные поля, словом, следы человеческой деятельности. «Панический страх» возбуждается независимо от него — просто он не любит, когда тревожат его послеполуденный сон или охоту. Пан знаменит сексуальной страстью к нимфам, хотя успех или неудача не нарушают его божественного спокойствия.

Это прекрасно передал Стефан Малларме в исключительно красивой поэме «Послеполуденный отдых фавна». Потревоженный укусом или царапиной Пан смутно вспоминает двух нимф, которые играли поблизости, а затем пропали в реке. Он вспоминает неточно — ему вообще чужда точность, — но силуэты нимф не покидают воображения. Он берет флейту, пытаясь рассеять воспоминание в музыкальных вариациях. Тут ему приходит в голову, что богиня Венера любит в это время гулять по склонам Этны, оставляя на пылающей лаве следы своих божественных пяток. Вот бы настигнуть богиню! Флейта выскальзывает из пальцев, веки смыкаются, слышно бормотанье о поиске нимф во сне...

Наравне с нимфами Пан любит музыку. Перед ним преклоняются пастухи и рыбаки — в благодарность он обучил их игре на разных дудках и свистульках, чтобы собирать стада и приманивать рыбу. Его собственная флейта «сиринга» появилась весьма любопытно: он преследовал нимфу Сиринкс, которая, испуганная его диким и неказистым видом, превратилась в тростник — впоследствии искусные руки бога смастерили флейту из этого тростника. С этим связана высшая ипостась Пана, согласно поэту Феокриту. Будучи одним из богов-творцов, он по ладам своей флейты-сиринги установил гармонию сфер и придал звездам совершенное движение. Он поделил мир на неживой и живой и одарил последний восприятием, то есть

благодаря Пану мы видим, слышим, осязаем. В его власти ослепить и оглушить нас, лишить разума и заставить сколь угодно долго блуждать в лабиринтах и чащобах собственных иллюзий. По орфической теологии, он — Фанес — создатель фантазии («фанетии»), участник хаотической игры миров и пастух звездных хороводов. Посему он редко посещает Олимп, где боги любят весело потешаться над его гениталиями и неиссякаемой фаллической силой. Но он всегда на стороне богов. Например, участвовал в титаномахии, распугивая титанов ревом огромной морской раковины. Но иногда он бросает раковину, забывает про весла и парус, мечтает и засыпает. Море сразу затихает, Пан спит, не заботясь, куда пристанет его суденышко.

Когда исчезла Деметра в тщетных поисках своей утраченной дочери Персефоны, Зевс повелел во что бы то ни стало отыскать ее — в противном случае грозило бы несчастье из-за путаницы распорядка сезонов. Нашел ее некто иной, как Пан, отлично знающий ее заповедные места.

У него все основания превосходно знать ее — богиню пограничья, хотя он и не может любить ее. Пан — бог дикого плодородия, Деметра — богиня обработанных земель, способствует «культурному освоению пространства»: ведь мало одарить людей оливками или виноградом, надо научить их осваивать. Мало наловить зверей, надо их приручить. Но Пан знает: возделанная земля довольно скоро придет в упадок, и нет ничего легче, чем разогнать с трудом собранное стадо или навести ужас на землепашцев. Пан не очень-то умен даже с человеческой точки зрения, такие понятия, как «труд», «свобода», «необходимость», ему абсолютно чужды. В поэме Стефана Малларме он высасывает сок из виноградин, надувает пустые ягоды и часами смотрит сквозь них на солнце. Вообще он никого не осуждает и не презирает, хотя и не понимает, зачем работать пропитания ради — ведь в лесах и реках так легко раздобыть плодов, дичины и рыбы. Поэтому не любят работники явления Пана — игрой на свирели он заставляет петь, плясать и кривляться весь «рабочий день». Пан равнодушен к людям. В отличие от Аполлона и Диониса, он — прорицатель и врачеватель — редко пользуется этими дарами. Бога более чуждого людям вообще трудно найти. Равным образом его не волнуют стремление к порядку Аполлона и неистовые страсти Диониса. Когда Аполлон после музыкального состязания содрал кожу с Марсия, Пан как ни в чем не бывало продолжал преследовать нимфу. Когда прилежные дочери Миния неустанно трудились на ткацких станках и ухаживали за детьми, пренебрегая празднеством Диониса, станки вдруг обвинились виноградными лозами, с потолка и стен стали сочиться молоко и мед. Объятые безумием женщины поубивали собственных детей и съели одного из них. Проходящий мимо Пан не обратил на эту сцену ни

малейшего внимания. Когда царь Пентей из любопытства подглядывал за оргией менад, обезумевшие вакханки, среди которых была его мать, растерзали его в клочья: мать отрезала ему голову, приняв сына за молодого льва, и повелела прибить к стене дворца. Неподалеку Пан продолжал играть на свирели.

Это нисколько не говорит о его жестокости или любви к кровавым зрелищам. Он охотно вылечит дерево, ягненка или косулю, предотвратит падение скалы или лесной пожар.

У Пана нет воспоминаний, нет ни малейшего представления о памяти. Здесь он похож на музу Мнемозину. Когда она жила среди титанов вечно повторяющейся жизнью, напоминающей постоянный круговорот Океаноса, ей были присущи запоминания. Став женой Зевса, она обрела мусическую память, где повторяемость события не играет роли, где важна только неожиданность события. Пан родился уродливым и сильным, без всякого

сыновнего чувства. Мать испугалась его внешности, он накинулся на нее как на женщину. Фаллическому богу не нужны родственные связи, он живет энергией преследования и минутой обладания, причем в случае неудачи забывает и о том и о другом. Фаллическое начало не беспокоит его, поскольку он и есть это начало. Притом ему чуждо чувство собственности. При первых звуках музыки — пусть это будет даже плеск воды или треск упавшего дерева — он погружается в глубокую мечтательность, забывая об охоте или преследовании нимф. Последние побаиваются его уродства и необузданных страстей, однако он неотступно притягивает их своей свирелью и любовью к пляскам и хороводам — изобретательным и веселым. Пан известен своей незлобивостью и добродушием, знаменит только один пример его мстительности. Римские воины (это было во времена императора Диоклетиана) поймали фавна и привезли в клетке в Рим. Вскоре фавн умер от тоски. Напрасно Диоклетиан умолял бога и приносил жертвы — Рим подвергся пожарам и разрушениям. Пан не только не любил людей, но и был предан своему племени, особенно нимфам и фавнам.

Пан признавал зоо, а не био (культивированная жизнь). И если довольно равнодушно относился к земледелию и строительству городов, то не обращал внимания на уничтожение пустошей и вырубку леса, считая сие прихотью презренных людей. Сам он жил в Аркадии и, не имея, разумеется, никакого представления о географии, представлял бесконечной эту маленькую область. Дикие растения и плоды, охота и нимфы занимали все его время, в процессе своих вояжей он, сам того не зная, совершал маленькие или большие круги, потому-то Аркадия и казалась ему бескрайней. Границей своих владений он считал возделанные земли, но без постоянной обработки они довольно быстро приходили в упадок, завоеванные дикой природой. Буйные непроходимые заросли, луга, заросшие пестрыми цветами, топи, покрытые осокой и кувшинками — всё непроходимое, необъятное, неумное, недоступное никакой обработке, чащобы, провальные овраги, мрачные лесные пещеры, всё это, дышащее неукротимой, первобытной мощью, Пан считал своим владением. Поэтому когда по греческим берегам пронесся вопль: «Умер великий Пан», жители сокрушались о конце древнего мира.

Радовались только христиане. Для них козлоногий и рогатый бог, сладострастный ненавистник семьи и домашнего очага, презирающий любую работу, стал воплощением дьявола. Присные его — фавны и нимфы — бесовщиной низшего разряда, указующие человеку путь к гибели.

Яцек Добровольский: Попытка возрождения польского Диониса

Об авторе

Родился 9 мая 1948 г. в Варшаве.

Магистр английской литературы (магистерская диссертация посвящена скрытым смыслам произведения «Уолден, или Жизнь в лесу» Торо). Защитил докторскую диссертацию по религиоведению в Гарварде, но, разочаровавшись в Америке, в 1987 г. вернулся в родную Польшу.

Постоянный автор журнала «Teatr», также его статьи появляются в таких изданиях, как «Res Publica Nowa», «Odra», «Konteksty», «Rzeczpospolita», «Kino», «Psyche-Info». Автор поэтических сборников, киносценариев (в 1991 г. вышел поэтический документальный фильм «Затмение пятого солнца», посвященный Мексике).

Переводчик семи книг о медитации (в том числе «Ум дзен — Ум начинающего» Сюнрю Судзуки), а также буддийских ритуальных текстов (в частности «Праздник Парамита Сутра»). Был одним из основателей первой буддийской общины в Польше в 1975 г.

Работал в качестве переводчика с Питером Бруком, Эудженио Барбой, Робертом Уилсоном, Питером Гринуэем, Анджеем Вайдой, Пиной Бауш и др.

Переводчик научных статей — по физической и культурной антропологии, археологии, религиоведению, музыковедению, философии, социологии, литературоведению, театроведению — на английский язык (и с английского языка) или, как говорит сам Добровольский: «с языка Шекспира и на язык Шекспира».

В октябре 2005 г. был награжден медалью «Gloria Artis».

В настоящее время работает над книгой «Поляки: Дети Черной Богини. Исследование польского национального воображения».

ЧАСТЬ I

Книга Лешека Колянкевича «Дзяды. Театр праздника мертвых» [1] вызвала бурную полемику на тему, не слишком ли дерзновенно автор позволил себе противопоставить славянское и греческое язычество в нашей польской душе христианству. Я позволю себе обратиться к главному предмету спора: в нашей психэ наряду с христианскими моделями таятся древние языческие славянские и греческие божества, что хорошо видно из

чтения «Дзядов». Я абсолютно убежден в том, что Лешек Колянкевич прав. Нам только кажется, что мы христиане, но в сущности мы язычники-христиане [2]. Я попробую доказать это, начав с того, что уже говорил на эту тему ранее.

Весной прошлого года меня пригласили принять участие в «евро-экуменической» дискуссии в рамках семинара «Сон о Европе» в Королевском замке в Варшаве, где я имел честь встретиться с академической элитой, а также представителями христианских церквей (в дискуссии, посвященной «Дзядам», не принимала участия ни одна женщина!), вместе с которыми мы должны были обсудить объединяющее нас — духовенство и мирян — европейское наследие. Организаторы попросили меня, чтобы я задал вопрос Зигмунту Кубяке [3] о присутствии Античности в нашей культуре.

Мой вопрос предваряло краткое введение, в котором я напомнил, что мы обязаны грекам не только эллинистическим христианством, не только философией и демократией, наукой, театром и спортом, а римлянам — не только правом и организацией государства, но в первую очередь мифологией, в которой отразились глубочайшие истины о человеке. Мифология является также древней психологией (еще два греческих слова после философии, театра, драмы и демократии!), обнажающей хитросплетения борьбы сил света и тьмы в человеке на примере судеб богов, богинь, полубогов и героев, муз и простых смертных, которые по-прежнему населяют сознательную и бессознательную память европейцев. Мы живем не только Евангелием и Ветхим Заветом, но и Его самого называем греческим словом «Христос».

Христианские миссионеры распространяли знания о греческих и римских богах за пределами бывшей Римской империи несмотря на то, что они больше в них не верили. Этот процесс был ускорен одновременным проникновением все большего числа произведений античных классиков и их комментаторов. То же самое происходило в Польше. Таким образом, в нашей психике сосуществуют и встречаются не только идеи Иисуса Христа, Его Матери и многих святых, но и представления о полузабытых тенях славянских, греческих и римских богов и героев.

После этого вступления я попросил, чтобы собравшиеся подняли глаза и посмотрели на расписной потолок в замковом зале. В центре его воцарились Зевс и Гера, рядом — Аполлон, чуть ниже — Дионис, далее — Афродита, Посейдон, Деметра и Персефона, а также множество второстепенных божеств. У двери также находилось несколько копий статуй античных богов. «Греческие боги среди нас», — сказал я и добавил: «Меня не удивляет, когда

я вижу на улице спортивный зал “Атлас” или “Геракл”, салон красоты “Изида” или “Афродита”, но более занимательно то, что в нашей архикатолической стране похоронные бюро носят языческие имена: “Олимп”, “Аид”, “Арес”, “Стикс”, “Минос”, “Оркус”, “Ананке”, “Элизиум”, “Ахерон”, “Немезида” или “Харон”. Есть даже похоронный салон “Анубис”, хотя там и не предлагают мумификацию в египетском стиле». Мои слушатели, особенно священники и монахини, выглядели удивленными. Я решил не скромничать и задал дерзкий вопрос: «Несмотря на то, что мы известны в мире как поклонники Марии, не остались ли случайно среди нас поклонники Афродиты-Венеры?» Я тут же вспомнил, что Фрейд, который был евреем, живущим в христианской Австрии, для того, чтобы быть понятым, призвал греческих героев Эдипа и Электру для выявления основных сексуальных комплексов.

Я завершил свою речь вопросом, адресованным Зигмунту Кубяке: «Не думаете ли вы, что древние боги присутствуют здесь и продолжают влиять на нас?» Пан Кубяка был весьма удивлен и воскликнул: «Я католик! Я истинный католик!», опасаясь, видимо, что любое отклонение в сторону тотчас может привести к обвинению в язычестве за то, что он написал «Мифологию греков и римлян». Затем он заявил, что античные боги по-прежнему вдохновляют художников, но мы больше не верим в них, и они никоим образом на нас не влияют.

В этом месте я позволю себе вспомнить выступление Лешека Колянкевича на семинаре «Мистерия. Посвящение», состоявшемся в Ягеллонском университете в октябре 1999 г., которое я имел удовольствие перевести на английский язык.

Колянкевич заявил, что в свое время существовал целый пантеон славянских богов, который оказался забыт в ходе христианизации Польши, и добавил, что только Мицкевич вернул нам нашу мифологию.

Это было заявлено в беседе с профессором Чеславом Роботицки [4], который не мог поверить своим ушам и даже спросил, говорит ли Колянкевич серьезно. Лешек ответил, что говорит от самого сердца.

Лишь теперь я могу перейти к обсуждению тезиса о роли «Дзядов» Мицкевича в возрождении нашей мифологии. Это утверждение верно лишь отчасти, поскольку Мицкевич вернул нам в своей языческо-христианской драме только часть нашей забытой древней мифологии, а именно «Дзядов» — наших умерших предков, однако о богах и богинях он не сказал ровным счетом ничего. Есть еще «Баллады и романсы» и «Свитезянка», но этого недостаточно. Что касается богатства языческой мифологии, Гете в «Фаусте» пошел намного дальше, чем Мицкевич, и показал множество «языческих»

богов и даймонов, сосуществующих с христианскими божественными фигурами и святыми. Такой была позиция романтизма XIX в., но это был всего лишь еще один после Ренессанса «урожай», возродивший античные мифы.

Ранее Данте в своей «Божественной комедии», этом величайшем поэтическом христианском видении в европейской поэзии, представил наряду с христианскими фигурами и несколько десятков персонажей из античной мифологии. Неужели Данте и Гете были не просто христианами?

Колянкевич в своих «Дзядях» пошел гораздо дальше, чем Мицкевич в своих *toutes proportions gardees* (фр. «при равных условиях» — прим. переводчика), и поддался искушению воссоздать польский языческий пантеон. Он решился на вещь весьма сложную, ибо у представителей польского славяноведения и их последователей по-прежнему в силе тезис авторитетного исследователя XIX в. Александра Брюкнера [5], согласно которому славянских богов, кроме Перуна и Велеса/Волоса, вообще не существовало. Профессор Г. Ловмянский [6] зашел так далеко, что назвал славянские верования полидоксией, т. е. «многоучием», ссылаясь на шаманов и демонов низшего порядка, связанных с силами природы, и гипотетический культ внеличностного Перуна, олицетворявшего Небо. Профессор Станислав Урбанчик [7] и профессор Ежи Стшельчик [8] придерживались того же мнения. Ни один из этих великих авторитетов не объяснил, почему же славяне оказывались единственным индоевропейским народом, который якобы мог обойтись без пантеона высших божеств, в отличие от эллинов, германцев, кельтов и прибалтов.

Такие российские и американские ученые, как В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов, Б. Успенский, Р. Якобсон и М. Гимбутас, не были настроены столь же скептически и попытались воссоздать славянский пантеон при помощи достижений и открытий в области лингвистики и сравнительного религиоведения. В Польше это направление было продолжено Александром Гейштором [9], опубликовавшим «Мифологию славян» — лучшее из польских исследований на эту тему. Недавно А. М. Кемпински [10] опубликовал превосходный «Словарь мифологии индоевропейских народов». Однако Гейштор под влиянием великого Жоржа Дюмезиля, специалиста по индоевропейским патриархальным божествам и мужским героям, недооценил роль славянских богинь. Заслуга Колянкевича в том, что он нашел богиню избранных душ «Дзядов». Это очень важная интуиция, обогащающая характер и функции славянской великой Богини Матери, чье присутствие в польской психе я пытаюсь показать в книге «Поляки: Дети

Черной Богини» [11]. Однако вопрос о Великой Богине славян слишком масштабен, и я не буду касаться его здесь.

Колянкевич проделал огромную работу, проявив больше мужества, чем любой польский исследователь этой темы, но при реализации столь дерзкого намерения неизбежно должны были возникнуть проблемы. Обращаясь к тезису К. Т. Витцака [12], согласно которому верховное божество поляков Ёессе (Yesse-Jesze) происходит от кельтского Эзуса, он допускает ошибку, поскольку кельты ушли с польских земель примерно за 500 лет до прихода сюда славян, которые могли найти лишь фрагменты кельтской культуры через контакты с кельтами, германскими вандалами (речь идет о т.н. пшеворской культуре [13]). Та же самая ситуация с мнением этого ученого о том, что бог смерти Ний (14) произошел от матери или сестры Ареса Энио [15]. Возможно, Энио была демоном воинственной ярости, этакой греческой Валькирией, но никак не владычицей преисподней. Быть может, общий индоевропейский исток есть у польского Ния, греческих слов «некрос» (мертвый) и «некус» (труп), Некии [16] — мира мертвых, известного из «Одиссеи», Никс [17], т. е. греческой богини Ночи, которая обитает в глубинах Аида и Никсов [18] — германских демонических опасных водяных созданий, а также индийской богини Ниррти [19], чье имя означает распад и смерть?

Кроме того, утверждение, что имя Бода (Boda) — одного из трех богов, почитаемых на Лысой Горе, — происходит от пожелания «bog-daј», весьма рискованное. Я не слышал, чтобы имя какого-либо индоевропейского божества происходило от такого сочетания.

Лешек Колянкевич сделал главный акцент на обряде «дзядов» как источнике мистерий, оказавших влияние на театр; он полагает, что «в основании прототеатральных мистерий всегда лежал культ умерших предков».

Я с этим не согласен. А как насчет привлечения других, часто высших, сверхъестественных сил, имена которых он называет? В конце концов, для людей той эпохи вся реальность была одухотворенной, персонифицированной, обожествленной или демонизированной, и к каждой силе можно было магическим образом воззвать — не обязательно с помощью предков. Правда, что древние славяне, как и все древние народы, придавали большое значение погребальным культам (например, праздновали «Дзяды» четыре раза в году), но источником мистерий является не только общение с умершими предками. Если бы не описание и анализ весенних и летних праздников и оргий средневековых игрищ, после прочтения «Дзяд» Лешека можно было бы прийти к выводу, что главными славянскими ритуалами

были похоронные и некромантические обряды, и наш театр возник в основном из поминок, тризн и призывания мертвых. Между тем как театральное, так и мистериальное действо можно вывести из ритуалов рождения, смерти, свадебных церемоний и всего сакрального сельскохозяйственного календаря (посев, произрастание, сенокос, сбор урожая, вспашка, помол зерна, мятье льна и т. д.), в которых смерть приводила к возрождению жизни.

Автор в основном сконцентрировался на весенних оргиастических ритуалах и Театре Мертвых, что, собственно, отражено в подзаголовке его книги; он обнажает языческие корни «Дзяд» Мицкевича в интерпретациях Свинарского, Деймка, Гротовского и Центра театральных практик «Gardzienice». Под этим же углом он рассматривает творчество Тадеуша Кантора, который, на мой взгляд, был классическим некромантом, даже запевалой умерших, наделенным огромной некромантической чувствительностью.

Жаль, что Колянкевич, занимаясь главным образом славянскими Эросом и Танатосом, не уделил внимания «Свадьбе» Выспянского, где есть и народный свадебный обряд, и появляются великие «Дзяды», не говоря уже о Хохоле (Chochol) [20], сочетающем в себе функцию духа зерна (также именуемого «дзядом», что, к сожалению, так и не было проанализировано) с функцией колдуна. Досадно, что он не стал рассматривать и другие драмы Выспянского: «Освобождение», «Проклятие», «Акрополис», «Ночные цветы», которые отлично иллюстрируют его тезис.

Но прежде всего я хочу остановиться на фигуре славянского Диониса — Ярилы-Яровита, которая была для него наиболее близкой, поскольку он очень много написал именно о культе Диониса. Неужели он поддался аргументам польских славяноведов профессора Станислава Урбанчика и профессора Ежи Стшельчика, которые утверждают, что восточнославянский Ярила — не более чем плод воображения этнографов XIX в.?

Под именем Ярило или Ярила древние русины, белорусы и русские знали фаллическое, вегетативное, умирающее и воскресающее божество плодородия и изобилия, божество весеннего солнца и весеннего грома. В средневековой Суздальской летописи оно появляется под именем Ярун. Хорваты в Далмации называли его именем Яра. Оно обнаруживается в русском и белорусском фольклоре в XX в. как персонаж с весьма дионисийским, оргиастическим характером. Ради любопытства могу добавить, что в Воронеже церковь запретила «сатанинский» праздник Ярилы в 1765 г. и что в Костроме в 1771 г. каждый год сжигали куклу с большим фаллосом.

Такие исследователи, как лингвисты и религиоведы В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов, лингвист Р. Якобсон и археолог М. Гимбутас, считают, что Ярило восточных славян соответствует Яровиту полабских и поморских славян. Существование этого бога, как и факт поклонения ему, никто не оспаривает. Не подвергают сомнению и то, что описание его оставили немецкие летописцы, а историк верит прежде всего не тому, что отразилось в ритуале или языке, а тому, что записано на пергаменте или бумаге.

Ярило выступал в обрядах как фаллический шут, покровитель весенних оргий, игрищ и ритуальных боев групп молодых людей и мужчин, представлявших его старые и молодые воплощения. Девушки чтили его песнями и танцами, водили босиком хороводы на недавно засеянных полях. Гейштор в своей «Мифологии славян» говорит, что люди представляли себе Ярило в образе «босоногого юноши на белом коне, в белой рубахе и с венком из трав на голове». В белорусских обрядах, справлявшихся 27 апреля и описанных в середине XIX в., его олицетворяла девушка на белом коне, привязанном к столбу. Другие девушки пели:

Волочился Ярило
По всему свету,
Полю жито родил,
Людям детей плодил,
Где он ступит,
Там жито стеной,
А куда взглянет,
Там колос зацветет.

По мнению Гимбутас, смерть Ярилы как бога цикла растительных злаков символизировал обряд погружения его куклы в воду или сожжения березы, отмечаемый в Беларуси еще в начале XX в. На Руси куклу Ярилы сжигали или топили в конце процессии, во время которой опьяненные женщины, помимо причитаний и погребального плача, молили о воскресении и возвращении жизненной фаллической силы. Название белостокской сельской местности Яриловка может быть напоминанием именно о Яриле.

Ярило относится к типу умирающих и воскресающих божеств растительности, к которым также относятся египетский Осирис, греческие Дионис и Гиацинт, семитские Аттис и Адонис и кельтский Цернунн, как правило, представленные в ритуале в лице «сакральных царей», которых приносили в жертву, веря в то, что их кровь усилит плодородие земли.

В свою очередь полабские и поморские славяне в Вологоще и Гавельберге в эпоху раннего Средневековья почитали солнечного бога войны и изобилия Яровита, символом которого был позолоченный щит. Как сообщают немецкие летописи, жрец Яровита провозглашал весной: «Я покрыл равнины травой и деревья листвой». К сожалению, кроме этого нам ничего неизвестно об обрядах, связанных с этим божеством.

Если о Яровите у нас мало исторических и этнографических материалов, нам остается проверить лингвистические значения, связанные с именами Ярило и Яровит, и сравнить их функции с функциями похожих индоевропейских божеств. Согласно профессору Францишеку Славскому [21], праславянское *jaг* — это, во-первых, древнее индийское слово *iго*, *iго* — год, от которого происходят следующие названия года: готское *jer*, древнегерманское *jaг*, немецкое *jaгг*, английское *yeaг*, во-вторых, еще одно значение этого слова — весна, откуда древнескандинавское *aг*, греческое *horoс*, болгарское *jaгa*, чешское *jaгo*, сербохорватское, словенское и словацкое *jaг* и древнепольское *jaгz*. Славяне, как и многие другие народы, отсчитывали свой календарный год от весны, весеннего равноденствия или начала мая.

Профессор Славский пишет в своем «Протославянском словаре»: «Индоевропейское слово *iго*, *iго* — год, весна, как правило, связано с индоевропейским *ia*, *ie* — ехать от *ie* (ср. идти, ехать). (Отсюда, наверное, латинское *via*, английское *way* и немецкое *weg*, я осмелюсь отметить.) Основным значением будет — бег, ход (солнца), что подтверждается параллелью с готским *ari*, латинским *annus* — год и древнеиндийским *atati* — идти».

Этот корень относится к индоевропейскому *are*, *ar* — соединять, скреплять. Отсюда древнеиндийское *ara* — спица колеса, греческие *armos* — скрепление и *arma* — боевая колесница, *harmos* — объединение и гармония, далее польское *jaгzmo* (ярмо) и *kojaгzyć* (соединять).

От праслова *JAR* происходит множество названий огня и солнца. По-польски *jaгy* — это горячий, жаркий, отсюда *jaгzadek* — жар очага, жжение, *gorzeć* (отсюда и горечь, и водка), на современном молодежном сленге *jaгаć* — курить сигареты, а *rodjaгanu* — это «кто-то испытывающий ярость». *Jaгy* на древнепольском — сверкающий, белый, чистый, яркий, прозрачный (о воде, дне, соли, воске и т. д.). Также *jaгy* — весенний, посеянный весной, молодой, нынешний. У нас есть весенние (*jaгy*) злаки и овощи. Ярчаком (*Jarczак*) называли молодое дикое животное. Слово *jarka* употребляли по отношению к овце, курице, пчеле. *Jaгy* — это также «сильный», «быстрый»: ярый поток, бушующий, переполненный весной. Близко к нему русское «юркий» — подвижный, энергичный.

Другие значения связаны с зерном и его произрастанием. Jarkisz — молодая пшеница. Jarzec — подхаланское название ячменя. «Яровать» зерно — подвергать его низкой температуре и влажности, чтобы сократить вегетативный период. «Яровать» — это также тренировать лошадь для гонок, приспособливать ее к бегу. Вспомним о связи белорусского Ярилы с белым конем, которым, как правило, управляют солярные божества. Эти значения связаны с силой и жизненной энергией. Древнехорватско-славянское *jar'* означало «суровый», «строгий», «сильный», «огненный».

Корень *jar* в славянских языках родственен с *jug* — отсюда наши *jugny* (похотливый), *jurzyć się*, т. е. «пылать похотью», *rozjurzyć* — «стимулировать эрекцию», «распалиться», «стервенеть». Близкие к этим значениям слова: *jądro* (ядро, сердцевина, но также: яичко, семенник), *jędrny* (ядренный, сочный) и *Jędrzej* (польское имя Енджей), которые этимологически произошли от имени индийского бога грозы и воинов — знаменитого Индры.

Возьмем стихию огня, сопутствующую гневу. У нас есть санскритское *irasjati* — гневаться, персидское *jaram*, латинское *ira* (имя богини!), болгарское *jarja se*, русское и украинское «яриться», горнолужицкое *jericsa*, сербохорватское *jariti se* и польское *jątrzyć*.

Другим выражением этой огненной энергии жизни выступает «страсть», которую наиболее ярко воплощает Ярило в русском и украинском фольклоре, полном оргиастических обрядов, называемых «ярилками». Болгарское *jarja se* означает не только гнев, но и удовлетворение сексуального желания у животных. Также и русское «яриться» заставляет вспомнить о «гневе». Словенское *jariti* — это «продолжение рода». Украинское *jackuj* — развратный, непристойный. Подобно этому древнегорнолужицкое *jaru* означает «пылкий», «сладострастный». Со страстью связано название козла, который в сербохорватском обозначается как *jačaš*, в болгарском и словенском — как *jares*.

Я хочу выдвинуть тезис, что так называемое «вождение козы», до недавнего времени культивировавшееся в Польше от Рождества Христова или от начала века, имело языческую связь с культом «ярого» божества. Козу олицетворял молодой человек, одетый в вывернутый шерстью наружу козий кожух, в деревянной маске с рогами. Две похожие маски XI в. (хотя и без рогов) были найдены в Ополе вместе с тремя фигурками козлов. Изображение одной из масок можно найти в «Дзядях» на странице 316, но автор связывает ее с аналогичным действием, имевшим место в Средние века, — в нем участвовала не коза, а кобыла. По сути одна и та же роль была у козы, лошади, барана, бизона, тура и другого крупного рогатого скота, которые символизировали плодородие.

Участники «вождения козы» разыгрывали ритуальную драму, изображавшую смерть и воскрешение животного. Вначале «вождения» они ходили и пели песню, похожую на белорусскую песнь в честь Ярилы: «Где коза ходит, там жито родит. Где коза рогом — там жито стогом. Где коза не пройдет, там рожь не взойдет». В ходе драмы человек в костюме козы падал на землю, изображая смерть, а после призыва: «Встань — расходись, развеселись. Нашему пану в ноги поклонись» коза начинала кланяться и танцевать. Казимир Мошинский, классик польской этнографии, описывает этот обычай в своей книге «Народная культура славян», и я не понимаю, почему Лешек не обратился к этому примеру во время обсуждения истоков греческой трагедии, когда он вспоминает вслед за Кереньи принесение в жертву козла во время Великих Дионисий и происхождение дифирамба из «козлиной песни», называемой трагедией.

Важно отметить, что одним из названий последних колосьев пшеницы, оставшихся после жатвы в поле, где должен был находиться дух зерна, было именно слово «коза».

В общем, мы имеем дело с молодым божеством огненной стихии, огня либидо, солнечной энергии и весенних перунов, сила которого выражается в весеннем солнечном свете, воскрешающем энергию жизни, а также в пробуждении к бою. Архаические ассоциации в санскрите и греческом со «спицей колеса» и «боевой колесницей» сливаются с изображением солнечного божества, управляющего колесницей. Ярила также является духом весенних злаков, посеянных весной, убитых во время жатвы, но воскресающих в следующем году. Кроме того, его также можно связать с упомянутыми самцами домашних и диких животных, особенно с козлом и лошастью.

ЧАСТЬ II

По мнению российских и американских исследователей, Ярило — это молодое растительное воплощение бога неба Световита или Сварога, а по словам Гейштора — воплощение Перуна. Процесс христианизации привел к его деградации до образа дьявола, как, впрочем, и других божеств, которые не были поглощены культом одного из святых. Поэтому Оскар Кольберг [22] в XIX в. находит у украинцев хелмские рассказы о древнейшем дьяволе по имени Jarupеś, «учитель ведм на Киевской горе».

Мария Гимбутас [23], выдающийся американский археолог и религиовед литовского происхождения, считала, что фигуры четвероликих западнославянских богов представляют индоевропейское божество

солнечного света, известное славянам как Сварог, и олицетворяют четыре времени года: Яровит — весеннее солнце, Поревит — лето, Световит — осенний урожай, Сварожич — зиму. Wit означает «господин», «властелин», «Господь», «Бог». Jarowit — это Бог Весны и Весенней Силы, Porowit — Бог Летней Поры, Świętowit — Бог Силы, Власти (слово «святой» происходит от авестийского / древнеиранского spenta — «сила», «могущество»), а Swarożyc — сын Сварога, чье имя происходит от санскритского svar и авестийского hvar, означающего «огненная сила».

В польской народной традиции год начинался весной или ближе к весеннему равноденствию, 21 – 23 марта, или даже в канун 1 мая — это время пробуждения жизненной энергии кельты называют Белтейн, римляне — *Pervigilium Veneris* (лат. «Ночное празднество Венеры» или «Ночное бдение Венеры» — прим. переводчика) или Флоралиями, цветочными играми; а германцы называли его Вальпургиевой ночью. У славян покровителем нового года и молодого солнца был Ярило-Яровит. Гейштор, вслед за Б. Рыбаковым [24], предлагает реконструированный сельскохозяйственный календарь древних Русов, из которого видно, что первый весенний праздник рождения этого божества начинался примерно 23 апреля (позднее день св. Георгия), во время посева яровых зерновых культур и обряда сожжения или утопления куклы богини Морены-Марзанны, и длился до 2 мая, т. е. до времени появления первых ростков и озеленения полей. Затем 4 июня (позднее Пятидесятница) отмечался день Ярилы, в ходе которого в роли культового объекта выступала молодая береза. (По мнению некоторых исследователей, она представляла ипостась одного из женских божеств, на этот раз Лады, соответствующей Яриле. Такие многочисленные молодые березки каждый год устанавливают в российских церквях в праздник Пятидесятницы, или Святой Троицы, а также украшают ими вход.) 20 июля отмечался праздник Перуна (позднее св. Илии), которому жертвовали быка. Примерно 7 августа, после сбора ярового зерна, отмечались похороны Ярилы. Согласно другим исследователям, это происходило в конце июня. Августовские похороны Ярилы — это праздник урожая, соответствующий греческому празднику Адонии [25]. Следовательно, обряд торжественной и неторопливой процессии с венками, который, казалось бы, был радостным праздником урожая, на самом деле являлся похоронами духа зерна.

Поскольку Рыбаков так подчеркивает покровительство Ярилы циклу выращивания зерновых яровых культур, а кроме того, описывает в своих работах весенние и летние обряды, посвященные различным славянским богам и богиням, удивляет утверждение Лешека Колянкевича: «по мнению

Б. А. Рыбакова, все обряды, которые проводились у восточных славян между 9 марта и 29 июня, были посвящены паре божеств, известных как Лада и Лела, которые, как полагает этот исследователь, были матерью и дочерью, покровительницами растительности и брака». Следует добавить, что теория Рыбакова о заимствовании славянами греческого культа Латоны и ее дочери Артемиды, превратившегося в культ Лады и Лели, была признана большинством ученых невероятной.

Праздник Купалы, предшествующий Русальной неделе (Провадам русалок), не был связан с циклом выращивания зерновых культур. В эту самую короткую ночь в году травы обретали максимальную силу. Во время этого праздника могла иметь место иерогамия Великой Богини земли и вод с солнечным божеством (представляющим не под именем Ярило), которое выступало как лесное божество. Это было таинством воды и огня, находившихся в этот момент на самом пике своего могущества. Посвящение должно было быть купанием обоих божеств в огне и воде, отсюда и само название — Купала. В этот праздник девушки водили хороводы. Праздник был, разумеется, оргиастическим, дионисийским; юноши и девушки вместе прыгали через огонь, вместе купались обнаженными. С Купалой связаны легенды о кровосмесительной любви брата и сестры, превратившихся в результате этой трансгрессии в двухцветный цветок анютины глазки. А сожжение, утопление или разрывание куклы Мари, равно как и апрельской Морены, указывает на существовавшие некогда человеческие жертвоприношения.

Так было на языческой Руси, а что случилось после принятия христианства? Культ святого Георгия, принесенный из Византии, вобрал в себя культ Ярилы и Перуна и приобрел двойной характер: народный и рыцарский в соответствии с «яриловой» и «перуновой» функциями. Народный культ был культом пастухов и крестьян, крупного рогатого скота и полей. Кстати, Jorgos (Georgos) по-гречески означает «фермер». Это имя было одним из прозвищ Зевса до того, как в Византийской империи оно стало ассоциироваться со святым Георгием. Так же было и с культом св. Деметра в Греции.

Русский св. Георгий главным образом покровительствовал теплу, необходимому для произрастания зерна, равно как и Green George, или св. Джордж в Англии, Австрии и Хорватии. Святой Георгий изображался на иконах как мученик за веру: он был трижды убит (распилен пилой, сварен в котле, четвертован) и трижды же воскрешен архангелом Михаилом. Это напоминает судьбу языческих «майских королей», олицетворявших растительных божеств, а также посвящение шамана-воина, следы которого

можно найти в легендах о подвигах и испытаниях рыцарей на Востоке и Западе. Другие важные представления сочетаются с рыцарским культом Егория Храброго (Георгия Победоносца), убийцы драконов, образца добродетели, защитника веры и справедливости, который спас принцессу, плененную драконом. Народ считал его «сыном царицы Софии Премудрой, царствующей во граде Иерусалиме на святой Руси». В самых ранних версиях легенды св. Георгий победил дракона силой заклинания.

В X в. св. Георгий становится покровителем Киева, ибо князь Ярослав (!) Мудрый принял при крещении имя Георгия и поместил его на свою печать как покровителя династии. Ранее ее покровителем был еще один убийца драконов — Перун, связанный со скандинавским Тором, которого почитали варяги из княжеской дружины киевского владыки. Позже св. Георгий стал покровителем Московского княжества, первым князем которого был Юрий (!) Долгорукий, и наконец, всего Русского царства и его армии.

Если Ярило/Ярила был у славян на востоке от нас, а Яровит — на западе, мы хотели бы задать вопрос, не было ли аналогичного божества в Польше? Летописцы не фиксируют ничего подобного, но Галл [26] и Кадлубек [27] даже не называют никаких имен языческих божеств, вероятно, считая их дьявольскими. Первые имена были записаны летописцами и проповедниками только в XV в., а о перуновом божестве говорится лишь у летописцев XVI в., Марцина Бельского [28] («почитали Перуна, особенно русы») и Мацея Сарницкого («Бог молний Перуном был назван у древних поляков»).

При таких обстоятельствах трудно определить, как именно звучало имя польского Диониса, однако некое божество должно было выполнять необходимую функцию в сельскохозяйственном календаре, который едва ли сильно отличался от календарей славянских соседей.

Много польских мужских имен происходит от корня *jar-*: Ярослав (вместе с уменьшительными Ярек, Ярач, Ярыч, Ярыга), Ярота, Яротек, Ярост, Ярош, Ярыш, Яруш, Ярох, Яроха, Яромир, Ярогнев, Ярополк, Яролюб. От некоторых мужских имен произошли женские. А слово *jarz* было вытеснено словом *wiosna* (весна), хотя в чешском, словенском и сербохорватском языках остались его эквиваленты. Прилагательное *jaru* (ярый) почти исчезло, и в современном польском языке оно применяется исключительно в значении «курить сигареты» и «находиться под кайфом» или «быть пьяным». Истинное имя польского аналога Ярилы/Яровита все еще ждет своего первооткрывателя.

Ярило и Яровит были не единственными мужскими умирающими и воскресающими божествами растительности у славян, и Гейштор в «Мифологии славян» говорит об этом.

Как видно из вышеизложенного, Ярило имеет множество дионисийских черт и выполняет множество функций, присущих греческому Дионису, однако между ними есть и существенные различия. Ярило является покровителем солнечно-перуновым, а не лунно-перуновым, как Дионис. В ответ на утверждение, что он не был богом вина, я могу сказать, что критский Дионис изначально был богом меда, а фракийско-фригийский Дионис-Сабазий — богом пива, и что славяне варили из злаков отличное пиво, добавляя в него хмель, чья плодородно-оргастическая символика сохранилась в народных песнях, а кроме того, они также пили мед. А на вопрос о том, был ли Ярило таким же безумным, как Дионис, ответить непросто. Следовало бы задуматься о воздействии хороводных танцев русских волхвов-шаманов и над балканскими хороводными танцами девушек, призывающих божество грома во время засухи, а также над языческими корнями русской православной традиции юродивых с их переодеванием в одежду противоположного пола, публичным обнажением и плясками.

Дионис — сын громовержца Зевса и фиванской царевны Семелы. Ярило является ипостасью Перуна, или Сварога, или его сына, родившегося от Матери-Земли. На верования славян в значительной степени повлияли воззрения траков, их южных соседей. Разве не показательно, что от индоевропейского *swobhodbios* происходит имя Сабазий и славянское слово *swoboda* (!), а от индоевропейского *ghdhem* — авестийское *zam*, а также имена фракийской богини земли Земелы (матери Сабазия) и греческой Семелы (матери Диониса) связанные со славянским словом «земля»!

Мать-Земля в аграрных культурах всегда выступает как покровительница мертвых и семян. Они подвергаются посмертным трансформациям в ее утробе/могиле, перерождению и произрастанию. Умершие и семена преисполняются сакральных сил. Погребальные урны нередко имеют ту же форму, что и сосуды для хранения зерна. Мать-Земля — неисчерпаемый резервуар плодородия, но ей также нужен мужской партнер или партнеры, стимулирующие ее плодovitость не только своим семенем, но и своей кровью. Славянские зимние «годы» — это время, когда мертвые пробуждают солнце и землю к жизни. В этот языческий сценарий впоследствии входит колядование, в ходе которого ряженые в животных масках хватали девушек и имитировали половой акт. Особенно выделялись болгарские кукеры [29], выступавшие в костюмах гигантских Хохолов.

Дионисийский польский дух зерна в человеческом обличье — это также колядник (некогда в маске животного с колокольчиками), а в обличье животного — тур, коза или кобыла. Лешек Колянкевич в «Дзядях» посвящает этим польским дионисийским персонажам всего лишь две страницы.

И Джеймс Фрэзер, и Роберт Грейвз много писали о таких называемых «майских королях», героях ритуалов, истоки которых уходят в неолит; в них избранные люди представляли растительных божеств плодородия или духов основных культур (таких как зерно или виноград), подчиненных Великой Богине. Они олицетворяли различных богов — от египетского Осириса, бога ячменя, Диониса, связанного с виноградом, до растительных божеств — германских, кельтских, славянских, фригийских, а также азиатских, африканских и мезоамериканских. Народы Европы поклонялись духам зерна и других культур, а их ритуальные представители — сакральные короли — приносились, как правило, в жертву Матери Земле, ибо народы уповали, что кровь, насытившая ее черное чрево, сделает ее более плодородной. Тело жертвы подвергалось четвертованию и расчленению. Так же поступали с животными (быками, козами, овцами). Кровь уходила в землю, а мясо делили между жрецами и верующими.

Следует иметь в виду, что еще с палеолита люди верили в магическую силу человеческой и животной крови, содержащей элемент божественной энергии, дух жизни. В каменном веке умерших нередко покрывали охрой — минералом, содержащим оксиды железа и имевшим кровавый цвет; ведущий польский археолог профессор Стефан Круковский [30] довольно точно назвал его «krwica». Считалось, что чем больше крови, чем больше жертв, тем больше силы. Напомню, что священники в Иерусалимском храме приносили кровавые жертвы, а запах жареного мяса был изначально «приятен для ноздрей Яхве», и только спустя столетия этот ритуал был отвергнут. Греческие и римские гекатомбы были отвратительными массовыми убийствами. Верующие и жрецы упивались видом и запахом крови, пили кровь для того чтобы войти в пророческий транс. Одно из митраистских посвящений включало в себя купание в крови быка. Обнаженный адепт окроплялся кровью закланного животного, фактически принимал душ из его крови. Во многих культурах прямо считалось, что кровавая жертва служит пищей для бога или богини, кровавым напитком богов и умерших.

Дионисийские экстазы, приводящие к разрыванию людей и животных на куски, так называемый спарагмос (греч. σπαραγμός), Еврипид описал в своих «Вакханках». Жертва сакрального короля, олицетворявшего дух одной из

основных зерновых культур — винограда, конопли или льна, — всегда была кровавой, и кровь должна была увеличить жизнестойкость растения. Средневековые немецкие, русские, арабские и византийские летописцы отмечали, что славяне приносили многочисленные человеческие жертвы своим богам. Причина, по которой первый польский епископ Гауденций (брат Войцеха) наложил проклятие на жителей Гнезно, вероятно, заключалась в отсутствии покаяния за эти их преступления.

Мария Гимбутас описывает в своем монографическом исследовании «Язык Богини», посвященном культу Великой Богиней в неолитической Европе и его развитию, например, культ литовского духа льна по имени Вайжгантас (Vaižgantas): как простирывали и разрезали стебли льна, так поступали и с приносящимся в жертву человеком, который олицетворял бога льна. Существовал плач над греческим духом льна Линосом (Λῖνος), так называемая Линодия, упоминаемая Гомером в «Илиаде». Тема мучения льна часто встречается в европейской народной культуре. Аналогичная ситуация с пытками виноградной лозы в Средиземноморском круге. Тема страдания духов зерна встречается повсеместно с момента появления зерновых культур и богато представлена в Европе, в том числе и у славян. Само название праздника урожая означает убийство. Не только серпы и косы убивали духов зерна. Их повторно измельчали и жернова при перемалывании зерен. Эхо этой муки можно услышать в английской балладе «John Barleycorn» («Джон Ячменное Зерно»), в которой мельница наделена чертами жестокой богини Смерти.

Ева Перковская описала (в до сих пор не изданной книге «Złota baba») польские народные ритуалы, связанные с сакральным королем, чаще всего олицетворяющим дух зерна, сделав акцент на его посвящении, бракосочетании и муках. Эти ритуалы многочисленны: танцы и процессии с последним снопом, поливание его водой, колядование с духом зерна в образе тура, медведя, козы, коня, быка или волка, представлявшего майского короля; или гуляния с ним, ношение последнего снопа как ребенка или дзядя, имитация жертвоприношения, «подкозелэк» (Podkoziółek) [31], «повешение» музыканта [32] etc.

Пережитком этих обрядов является празднуемый сегодня на Пасху в городе Прухник под Пшемыслем обряд, известный как «Judaszek», во время которого избивается, волочится по земле, сжигается и топится большая соломенная кукла «Иуды» с огромным красным фаллосом вместо носа. Всего столетие назад в Варшаве куклу «Иуды» поднимали на колокольню церкви Святой Марии, сбрасывали вниз, затем волокли по всем четырем углам рынка Нового города, разрывали и топили в Висле. Интересный пример

«христианизации» архаического ритуала плодородия, превращенного в апотропический (греч. Αποτροπαιον — отводящее порчу) ритуал, избавление от «козла отпущения» — олицетворения зла.

Флориан Знанецкий [33], выдающийся исследователь польской народной религиозности, провозгласил тезис о том, что можно было уничтожить языческие культы, но невозможно было уничтожить связь с силами природы. Я полагаю, что в народном понимании Страсти Господни и культы двух «убиенных епископов» — покровителей Польши, св. Войтеха и св. Станислава и других мучеников, таких, как св. Щепан (Стефан, Степан), основаны на подлинной вере в то, что кровь мученика увеличивает плодородие земли, дабы она дала зерно. Жертва Христа и его последователей наложилась на народное, весьма архаическое и даже неолитическое понимание кровавой жертвы как гаранта плодородия. Более того, в средневековой Западной Европе перенесение функций покровительницы зерна от языческих богинь к Божьей Матери и к разным святым, таким как Вальбурга, Радегунда, Бригида (ирланд.), Мильбурга, Макрина, свидетельствует о всеобщем продолжении веры в плодородие Матери Земли, женской пары растительного божества.

В Польше культ духа ярых зерновых культур сокрылся, как это было на Руси, не в культе св. Георгия, но в культе самого Христа, как об этом свидетельствовали на протяжении веков процессии по полям в Дни Прощений, участники которых помещали между колосков пшеницы крестики, сделанные из осыпавшихся ивовых сережек и посвященные Вербному воскресенью. Сегодня в польской деревне еще верят в то, что когда Христос проходит по полю, там вырастает богатый урожай. Это анализирует доктор Магдалена Зовчак [34] в своей недавно вышедшей работе «Народная Библия» [35]. Интерпретируя тему Библии в народной культуре, она метко выражает самую суть: «Бог, проходящий по земле, является покровителем плодородия». Она также упоминает известный среди поляков в Литве XIX в. обычай, заключающийся в катании пьяных фермеров в день св. Георгия по засеянному полю с криком: «Роди, Боже!» и сохранившуюся до сегодняшнего дня белорусскую традицию боронования свежезасеянного поля. Один польский фермер из Вильнюса рассказывал автору в 1990 г. (!), о поверии, согласно которому обильный урожай всходил в тех местах, где ступал Иисус, о чем сеятель должен был сказать: «О, почему я не провел его по всему полю, ведь везде, наверное, было бы такое зерно?».

Хождение по полю с факелами, не говоря уже о танцах на ниве, практикуемых в нашей стране, было направлено на увеличение силы плодородия. А некоторые особенности «ярого» божества, совершенно

несовместимые с христианской духовностью, можно найти в силезских рассказах о Jaraszku, дьяволе огненного ветра, и в соответствующих чешских и словацких рассказах об огненных демонах Jarochu и Jarachu, а также о дьяволе Jarynesiú, известном хелмским украинцам. Подобно духам зерна, были демонизированы духи леса Боровой/Боровик или Ласковец, которые стали бесами, как Борута или Рокита.

Колянкевич утверждает, что прапольские племена не имели своего мифа, но лишь предания о Попеле, Краке и Вандже, которые не были выражены в ритуале. С этим трудно согласиться, поскольку мы были наследниками мифологии индоевропейских предков. Я считаю, что наш главный племенной миф — это главным образом миф кровавой жертвы; и как правило, этой жертвой был человек, выступавший в рассмотренных ранее весенних обрядах плодородия как сакральный король, олицетворение «ярого» божества. В наших древнейших легендах можно найти пять жертв, четыре из них в Малопольше: от животных и человека, пожертвованных вавельскому дракону в прибрежной пещере, и самого дракона, закланного в замке в Кракове; самоубийственной жертвы вождя Алеманов, отвергнутого Ванду; самоубийственной (опять-таки) жертвы Ванду подземным богам до одной жертвы в Великопольше — короля Попеля, который был загрызен мышами. Все эти жертвы были посвящены подземным богам, покровителям смерти и хтонического плодородия.

Архаический миф кровавого жертвоприношения у индоевропейских народов имеет и другие толкования, помимо «регенеративной» жертвы ради увеличения урожая, что, по сути, было имитацией изначальной космогонической жертвы. Например, древние индийцы верили в самопожертвование божественного Пуруши, из тела которого был создан весь мир; в свою очередь, согласно верованиям германцев, мир возник из тела великана Имира, причем воды родились из его крови. Другой моделью, выражающей следующий этап «упорядочения мира» было убийство дракона тьмы и хаоса, холода или жара, остановка текучих вод посредством божества-громовержца или героя, например, Индры, Зевса, Аполлона, Персея, Тесея, Геракла, Перкунаса, Беовульфа и т. д. Эта модель встречается у восточных славян в мифе о Перуне, воюющем с владыкой подземного царства Волосом/Велесом. Название Вавельского холма, обители вавельского дракона, врага героического Крака, Топоров и Иванов связывают именно с Волосом/Велесом. Кроме того, само слово smok (дракон) происходит от глагола smoktać (пить). Вероятно, вавельский дракон олицетворял зимние холода или летнюю засуху, а Крак — весенние и летние перуны.

В действительности Крак не является прямым драконоборцем; драконоборцы — его сыновья, однако профессор Яцек Банашкевич [36] выводит имя Крак, в отличие от своих предшественников, не от kraka (ворон) или krzaka (куст), а от krywuły/krzywuły — королевского судейского скипетра, устанавливающего порядок; я вижу в нем символ грома, символ небесного божества, которое не только пробуждает природу к жизни, но и творит справедливость.

Что касается судьбы принесенного в жертву злого короля Попеля, чьи несправедливые поступки привели к плохому урожаю и который, следовательно, должен был быть принесенным в жертву, то она выражает универсальный миф о принесении в жертву сакрального короля, олицетворяющего духа зерна.

Я придерживаюсь мнения, что имя короля Попеля происходит от Pomrila/Papiela, что означает не «мочевой пузырь», как сообщает «Праславянский словарь», но «пуп» («пупок»), то есть сбор последнего урожая, в котором должен был обитать его дух. «Пуп» часто оставляли в Польше и в Германии на поле — для мышей, что могло бы объяснить смерть Попеля. Последний сноп носил в Польше самые разные названия; например, дед, старуха, старый, молодой, ржаная или пшеничная мать, петух, курица, коза, баран, волк, лиса, лягушка, заяц, туржик (небольшой тур, бык), камышница, перепелка или борода, а также названия лесов, полей, предков. «Пуп» — это название, характерное именно для Великопольши, а ведь именно там царствовал Попель.

Германцы приносили «пуп» в жертву Водану. Галлы называли последние колосья головами мужчины и женщины, а нам известно, какое значение они придавали культу отрубленной головы. Во многих европейских странах, в том числе в Польше, еще в XX в., если кто-то посторонний проходил мимо работающих жнецов, его тут же ловили, обвязывали снопами и приносили в жертву. Фрэзер в «Золотой ветви» цитирует песню урожая из олькушской области (Олькуш — город в Польше, входит в Малопольское воеводство, Олькушский повят — прим. переводчика):

Жните, девушки, жните,
У вас задаток в жите.
Как рожь сожнете,
Так задаток возьмете.

И из Поморья:

«Мы готовы собрать урожай,
Косы наши наточены, ты будешь доволен, Господь».

Нам также известна песня урожая из хелминской области:

Жните, козы, жните,
Господа Иисуса вспомните.
Жатву козы собрали,
Господа Иисуса вспоминали.

Женщину, срезавшую «пуп» серпом, называли *była baba* или повитухой. Срезание злаковых было не только жертвоприношением духа зерна, но и его рождением. Король умер, да здравствует король!

Как Ярило/Яровит, так и Попель — духи злаков. Это духи зерна, и пиво, сваренное из него, является даром славянского Диониса, который, кроме того, также даровал ржаную водку, но, к сожалению, она не столь фасцинирует славян, как греков — вино. Без пива, рожденного благодаря жертве, не было ни «Дзядов», ни свадеб, на которых в пиво добавлялось мужское семя. Культ духов зерна имел свои аграрные мистерии, которые нужно учитывать при анализе истоков польского театра.

Несмотря на то, что я указываю на некоторые недостатки концепции Лешека Колянкевича, я думаю, что он проделал фундаментальную работу, ибо он открыл горизонты религиозных представлений наших предков, которые мы бессознательно наследуем. Открыл дверь Дзядам. Некоторые польские славяноведы пытались внушить нам, что эти двери ведут в никуда, и что за ними мы не найдем ничего заслуживающего внимания, кроме, разве что, осколков глиняных горшков. Будто они не замечают, что во время христианского Сочельника, отдавая дань языческому обряду Года, они кладут сено под скатерть и оставляют одно свободное место за столом — для божества и предаются языческому ритуалу вкушения пищи, поглощая магическое множество блюд, включая кутью с маком — деликатес мертвых «Дзядов», и маковки, которые, как и пасхальная баба, были поминальным хлебом.

Если бы им сказали, что во время Рождества они, как языческие греки и римляне, германцы и кельты, празднуют воскрешение молодого солнца, рожденного от Матери Земли, они были бы удивлены. В конце концов, Рождество в архикатолической Польше является важнейшим семейным

праздником Великой Ночи, доказывая, что плодородие и рождение новой жизни для нас особенно важны, ибо для каждого христианина они должны лежать в основе всех мистерий от Воскресения Христа. В польском католическом храме, к сожалению, не принято поздравлять друг друга в Пасху, как это делают в православных церквях, словами «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!», и если бы не выстрелы фейерверков, могло бы вообще показаться, что созерцание гроба в костелах — самое главное.

У меня сложилось впечатление, что Праздник Мертвых обретает в наше время не меньшую ценность, чем Великая Ночь, или Пасха, — ибо в своих умерших близких мы более не видим ни живых, ни бессмертных. Возвращаясь к национальному прошлому или устремляясь в цивилизационное будущее, мы утрачиваем возможность чувствовать вечность «здесь и сейчас». Мы уже не понимаем слов из Библии, сказанных Господом: «Я есмь путь и истина».

Лешек Колянкевич прав в своем анализе в первую очередь театра мертвых, так как это театр, который очень важен для нас, и само театральное действие разыгрывается по случаю годовщины наших восстаний. Мы приносим с полей битв в церкви и национальные святилища прах тех, кто поил Мать Польшу своей кровью, и почитаем его как мощи христианских мучеников, ощущая, что связаны с этими героями даже больше, чем со своими братьями. Но неужели нам действительно ближе общение с мертвыми, к которым мы взываем, чем друг с другом? Нам нравится роль великих скорбящих, что указывает на своего рода мазохистский и мартирологический нарциссизм, ибо мы больше любим страдания, чем попытки найти истину, которая сумела бы их превзойти. Культ страдающего Христа нам ближе, чем культ Воскресшего, и поэтому мы больше ценим национальное поражение, нежели победу.

В этой ситуации молодое поколение поляков поворачивается спиной к этим народным Лемурам и предается дионисийскому неистовству, ибо высшим таинствам в церкви или театре не хватает радости, спонтанной энергии танца и страстного пения, которые наилучшим образом соответствовали бы темпераментной молодости (О христианской хорее в первые века н. э. я уже писал в № 12 «Театра», 1998 г. и в № 1, 1999 г.). Неудивительно, что во время танцев, свадебных торжеств и других радостных событий выясняется, что мы — неудавшиеся дионисийцы, не знающие преизбытка, наслаждающиеся лишь вполсилы и не способные извлечь из себя наилучший аккорд.

Высокая европейская культура появляется там, где высший разум и высшие чувства создают волнующую музыку, танец и театр, а не только агонию плебейского диско-поло или техно и жалкие хороводы пьяных, щедро заправленных алкоголем на крестинах или поминках. В то же время «поколение солидарности», потерянное поколение, будет справлять Дзяды, вспоминая времена своей молодости, и в конечном итоге оставит своих детей в тисках Великой Блудницы Рынка, MTV и МакДональдса.

Наш театр редко бывает отражением нас самих, чаще всего он является выражением нашей ностальгии по умершим или же клиповым монтажом из видеозаписей — угождая молодежи и производя впечатление на богачей.

Если мы не способны входить в контакт с сакральным или с собственными чувствами иначе, чем через общение с мертвыми, по крайней мере мы не должны ограничиваться только нашими непосредственными племенными предками, но вызывать также к своим европейским родственникам из греческой трагедии, драм Шекспира и творений всего европейского романтизма, чтобы эти величественные образы явились нам.

К сожалению, в современной Польше почти никто из молодых театральных деятелей не понимает этого и продолжает гнаться за модой, опускаясь до постмодернистской свалки. Без сердца, без духа — это всего лишь скелет театра.

Примечания:

[1] Dziady. Teatr święta zmarłych, Gdańsk. 1999.

[2] Данная проблематика подробно рассматривается в моей новой книге «Фигуры теофании. Очерки о возрождении Античности» в главе «Concordia discors: Олимп и Голгофа». Я предлагаю анализ внутреннего конфликта [«культуральной тревоги» по Рафаэлю Лопесу-Педраза] в сознании человека, пытающегося примирить идеалы язычества и христианства. <http://www.platonizm.ru/content/concordia-discors-olimp-i-golgofa> — прим. переводчика.

[3] Зигмунт Кубяк (1929 – 2004) — польский писатель, эссеист, переводчик, специалист по античной культуре, преподаватель Варшавского университета, автор книги «Мифология греков и римлян» (1997, 2013) — прим. переводчика.

[4] Чеслав Роботицки (1944 – 2014) — польский этнолог и культурный антрополог — прим. переводчика.

[5] Александр Брюкнер (1856 – 1939) — польский историк литературы и языковед — прим. переводчика.

[6] Генрик Ловмянский (1898 – 1984) — польский ученый, историк-медиевист, славист, профессор, доктор наук, автор фундаментального шеститомного труда «Начала Польши» — прим. переводчика.

[7] Станислав Урбанчик (1909 – 2001) — польский лингвист, профессор Ягеллонского, Торуньского и Познаньского университетов, член Польской академии наук — прим. переводчика.

[8] Ежи Стрельчик (1941)] — польский ученый, профессор гуманитарных наук, историк-медиевист, член Польской академии наук — прим. переводчика.

[9] Александр Гейштор (1916 – 1999) — польский историк, медиевист, президент Польской академии наук. Его обстоятельное исследование, на которое ссылается автор статьи, вышло в России в 2014 году и я настоятельно рекомендую обратить на него внимание. Гейштор А. Мифология славян = Aleksander Gieysztor. Mitologia Słowian. — М.: Весь Мир, 2014. — 384 с. — прим. переводчика.

[10] Анджей Мария Кемпински (1946) — польский филолог и историк культуры, специалист по индоевропейской культуре; участник событий 1968 года в Познани (репрессирован) — прим. переводчика.

[11] Polacy: dzieci Czarnej Bogini.

[12] Кшиштоф Томаш Витцак (1960) — польский филолог-классик — прим. переводчика.

[13] Пшеворская культура — археологическая культура железного века (II в. до н. э. — IV в.), распространенная на территории южной и центральной Польши. Была названа по польскому городу Пшеворску (Подкарпатское воеводство), около которого были найдены первые артефакты — прим. переводчика.

[14] Также известен под именами Ния, Вий — прим. переводчика.

[15] Энио (др.-греч. Ἐνιό) — греческая богиня неистовой войны, спутница Ареса. Энио вносила смятение в битву, вызывала в воинах ярость — прим. переводчика.

[16] Некия (греч. «вызывание душ мертвых») — традиционное название XI песни «Одиссеи», рассказывающей о сошествии Одиссея в подземное царство — прим. переводчика.

[17] Никс, Никта или Нюкта (др.-греч. Νύξ, Νυκτός, «ночь») — божество в греческой мифологии, персонификация ночной темноты — прим. переводчика.

[18] Никсы (нем. Nixen) — духи воды или водяные в средне- и северо-европейском фольклоре. У Рихарда Вагнера Никсы выступают как девы Рейна — прим. переводчика.

[19] Ниррти (санскр. Nirrti смерть, гибель) — в индийской мифологии олицетворение смерти, в виде богини, представляемой то женой, то дочерью Адхармы — прим. переводчика.

[20] Хохол — один из главных персонажей «Свадьбы» Выспянского; привидение. У Выспянского есть таинственный пейзаж под названием «Хохолы» — прим. переводчика.

[21] Францишек Славский (1916 – 2001) — польский славист, этимолог, ученик К. Нича, Т. Т. Лера-Сплавинского, М. Малецкого, С. Пигоня. Воспитан несколько поколений польских славистов — прим. переводчика.

[22] Оскар Генрик Кольберг (1814 – 1980) — польский этнограф, фольклорист и композитор — прим. переводчика.

[23] Мария Гимбутас (1921 – 1994) — американский археолог и культуролог литовского происхождения, одна из крупнейших и самых спорных фигур индоевропеистики, с именем которой связывают выдвижение «курганной гипотезы» происхождения индоевропейцев. Автор трудов: «Балты: Люди янтарного моря», «Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы», «Славяне: Сыны Перуна» и др. — прим. переводчика.

[24] Борис Александрович Рыбаков (1908 – 2001) — советский и российский археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси — прим. переводчика.

[25] Адонии — праздники, посвященные Адонису. Проводились в Афинах в середине лета — прим. переводчика.

[26] Галл Аноним (конец XI — начало XII в.) — автор древнейшей польской хроники, написанной на латинском языке, под названием *Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, в русском переводе известной как «Хроника или деяния князей и правителей польских» — прим. переводчика.

[27] Винцентий Кадлубек (1160 – 1223) — первый польский хронист, родившийся в Польше, краковский епископ — прим. переводчика.

[28] Марцин Бельский (1495 – 1575) — польский писатель, историк и поэт. Самым значительным трудом Бельского является «Хроника всего мира» (польск. *Kronika wszystkiego świata*) — первый в польской литературе обзор всемирной истории — прим. переводчика.

[29] Кукеры — участники обряда ряженья на Масленицу или Святки у болгар. Обряд был известен под названием «Кукер». Обряд выполняется исключительно мужчинами, преимущественно холостыми, в течение масленичной недели и в следующий за ней понедельник (Куковден, Куковден, Старцовден). В наряде кукеров преобладает одежда из шкур, вывернутая мехом наружу; их маски причудливо украшены разноцветными монистами, зеркальцами, перьями, рогами. Кукеры увешаны различной

величины колокольчиками, в руках у них деревянные сабли, окрашенные на конце наподобие фаллоса в красный цвет. Кукеры изображают грубые любово-страстные действия с «женами», — ряжеными, которые, в свою очередь, тоже разыгрывают под хохот толпы беременность и роды. Назначение ритуального действия — обеспечить хороший урожай, призвать к родам матушку-Землю — прим. переводчика.

[30] Стефан Круковский (1890 – 1982) — один из наиболее знаменитых польских археологов XX в., исследователь каменного века. Профессор. Самоучка. Автор около 60 научных работ — прим. переводчика.

[31] Подкозелэк (польск. Podkoziółek) — старинный польский народный обряд, известный в Великой Польше, Куявии, Мазовии и в Лодзинском воеводстве. Проводился обычно в ночь на Пепельную среду — прим. переводчика.

[32] Речь идет о праздновании Пепельной среды. В ходе праздника девушки впрягались в сани и возили скрипача (часто олицетворявшего Мясопуста) по селу, потом доставляли его в корчму, где происходило прощание с Мясопустом, после чего инсценировалось «сжигание» и «повешение» музыканта (поджигали соломенные перевясла, которыми он был обкручен, накидывали на шею соломенный жгут) — прим. переводчика.

[33] Флориан Витольд Знанецкий (1882 – 1958) — польско-американский философ и социолог, один из представителей гуманистической социологии. Также представитель Чикагской социологической школы. Основная область интересов — исследование взаимосвязей между коллективным сознанием и социальной средой — прим. переводчика.

[34] Магдалена Зовчак (1956) — польский этнограф, профессор Варшавского университета, председатель научного совета института этнологии и антропологии, заведующая кафедрой этнологии Польши и Европы — прим. переводчика.

[35] Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej, Wydawnictwo FUNNA, Wrocław 2000 — прим. переводчика.

[36] Яцек Банашкевич (1947) — польский историк-медиевист, профессор Польской академии наук и Университета Марии Кюри-Склодовской, а также Варшавского университета. Исследователь истоков истории Польши, занимающийся прежде всего фабульно-мифологическими традициями Средних веков и сказочными легендами — прим. переводчика.

**Напечатано в журнале «Театр», № 11-12, 2000 г.
Перевод с польского и примечания Натэллы Сперанской
Публикуется с незначительными сокращениями**

Юлиус Эвола: Мореплавание как героический символ

Если что-то и свойственно новым молодым поколениям, то это — преодоление всего «романтического» и возвращение к эпическому.

Эффект красивых слов, псевдо-психологических и интеллектуальных ухищрений неизмеримо меньше, чем эффект деяния. Основополагающее здесь то, что пока англосаксонские народы предаются «спортивным» страстям и девиациям, наши новые поколения все чаще преодолевают чисто материальную составляющую действия. Они пытаются интегрировать и прояснить ее посредством духовного начала и возвращаются — в большей или меньшей степени осознанно — к деянию, т. е. к освобождению, установлению реального контакта (в противовес скептицизму или сентиментальности) с могучим потенциалом предметов и стихий.

Сегодня в природе существуют две среды, наилучшим образом подходящие для освобождения и реинтеграции эпического деяния: это высокие горы и открытое море — два символа восхождения и мореплавания. Здесь борьба с трудностями и опасностями становится и непосредственным средством внутреннего преодоления элементов, принадлежащих низшей природе человека, которые следует укрощать и преобразовывать.

Позитивистские и материалистические предрассудки привели к тому, что на протяжении нескольких поколений предавались забвению глубокие и красивые традиции древних времен. Их низвели до уровня курьезов: эрудиты сами не знают и не дают другим понять высший смысл этих традиций, который всегда можно вновь открыть и возродить.

Это относится, в частности, и к древнему символу мореплавания, одному из самых распространенных во всех традиционных цивилизациях. Его схожесть в каждой из них озадачивает и заставляет задуматься, до какой степени универсальным и глубоким является духовный опыт, приобретаемый в противостоянии могучим силам стихии. Мы считаем, что было бы небесполезно рассмотреть этот символ подробнее.

Мореплавание — и особенно преодоление бурных вод — традиционно возводится до уровня символа, ибо воды — как океанов, так и рек — всегда считались непостоянным, капризным элементом земной жизни, неразрывно связанным с рождением и смертью. Более того, они несут в себе страсть и иррациональность, способные изменить жизнь. Если твердая поверхность суши была до некоторой степени тождественна посредственности, скромному и скудному существованию, основанному на общеизвестных фактах и убеждениях, непоколебимость которых — всего лишь иллюзия, то решение оставить земную твердь, выйти на простор, мужественно вступить в

схватку с течениями и с открытым морем — одним словом, «пуститься в плавание» — представлялось в высшей степени эпическим поступком, но не в буквальном, а в духовном смысле.

Мореплаватель, таким образом, тождественен, герою и посвященному, человеку, который, оставляя позади обычную «жизнь», стремится к чему-то «большему, чем жизнь», к преодолению немощей и страстей.

Здесь логически появляется концепция иной, подлинной суши, которая идентифицируется с конечной целью «мореплавателя», с победой над морем, являющейся неотъемлемой составляющей эпического. И «иной берег» — это земля, поначалу неведомая, неразведанная, недостижимая, которую в древней мифологии и традициях обозначали самые разные символы, среди которых довольно часто встречается символ острова — образ внутренней решимости, спокойствия и самообладания человека, который успешно и благополучно «преодолеет волны» или бурные потоки и не пал их жертвой.

Преодоление реки вплавь или управление кораблем было основным символическим этапом «высшего посвящения», совершавшегося в древнегреческом Элевсине. Янус — древнеримское божество, бог всяческих начинаний и, следовательно, (по определению) — посвящения в «новую жизнь» — также был богом мореплавания. Среди его характерных атрибутов присутствовала лодка. Два атрибута Януса — лодка и ключи — затем перешли в традиционную католическую символику в виде лодки Святого Петра и в символику папских функций в целом. Можно также отметить, что слово pontifex этимологически означает «строитель мостов» и словоpons в древности означало путь; море представлялось путем — отсюда и происхождение слова ponte (мост). На этом примере можно увидеть, как скрытые значения в словах и знаках, сегодня почти непонятных, могут передавать элементы древних представлений о мореплавании как о символическом деянии.

В халдейском мифе о герое Гильгамеше мы находим точное подобие древнегреческого дорийского Геракла, который после плавания по морям срывает плод бессмертия в саду Гесперид, ведомый титаном Атлантом. Гильгамеш также бросает вызов морским путям, ставит парус, берет курс на запад, т. е. на Атлантику, в сторону земли или острова, где он пытается найти «древо жизни», в то время как океан красноречиво сравнивается с «темными водами смерти». Если мы теперь обратимся к Востоку и Дальнему Востоку, там мы тоже найдем следы идентичного духовного опыта, связанного с героическими символами мореплавания, преодоления вплавь водных преград и покорения морей.

Подобным образом буддистский аскет часто сравнивается с человеком, который бросает вызов водам, вплавь пересекает поток или плывет против течения и достигает другого берега, поскольку воды представляются как нечто, связанное с жаждой животной жизни и удовольствий, с путами эгоизма и привязанностей. Также и на Дальнем Востоке встречается аналогичная древнегреческой тема «плавания по морям» и прибытия на не знающие смерти «острова», подобные атлантическому Аваллону или Маг-Меллу в ирландских и кельтских легендах.

От Древнего Египта до доколумбовой Мексики — повсюду мы прямо или косвенно встречаем сходные элементы. Встречаются они также и в северо-арийских легендах. Успех героя Зигфрида на острове Брюнхильды выражает сам смысл символического плавания по морям. Согласно «Песне о Нибелунгах», Зигфрид говорит: Я наш корабль туда, где царствует Брюнхильда, доставлю без труда: пути-дороги в море давно знакомы мне.

Мы могли бы показать, что и успех Христофора Колумба связан, вопреки широко распространенному мнению, с определенными туманными представлениями о некоей земле, служившей, согласно средневековым легендам, убежищем для «пророков, которые никогда не умирали» и пребывают в «транс-атлантическом Элевсине», что соотносится с рассматриваемой нами символикой. Более того, мы могли бы показать, почему представление о талассократии, «владыке морей» или «вод», часто связывается с представлением о законодателе в самом высоком смысле (например, в пеласгийском мифе о Миносе); мы могли бы представить идею, содержащуюся в образе человека, который «пребывает над водами», «ходит по воде» или «спасается из вод» (от Нарайяны до Моисея, от Ромула до Христа), но все это уведет нас слишком далеко; может быть, мы вернемся к этой теме в другой раз.

«Надо не жить, а плавать» (*Vivere non necessita. Navigare e neccessario*). Эти слова живы еще и сегодня, сохраняют свой полный смысл и являются одним из лучших выражений эпического деяния. «Мы должны вновь полюбить море, почувствовать опьянение морем, потому что *vivere non necesse sed, navigare neccesse est*». Это слова Муссолини. И разве не звучит в этом наставлении, понятом в его самом высоком значении, эхо древнего смысла?

Разве не живо еще представление о мореплавателе как о человеке, который «больше, чем жив», представление о плавании как о героическом деянии, пути к высшим формам существования?

Везде, где царит великий, свободный ветер просторов, чувствуется сила того, чему нет предела в могучем глубоком покое или в ужасном разгуле

стихии. На морях и океанах новые поколения смогут «эпически» идти навстречу приключениям, плавать и воспринимать просторы с метафизической точки зрения, способной придать героизму и бесстрашию преобразующую мощь. Так будет возрождено то, что хранили древние традиции в символах мореходства и моря, обозначающих путь к тому, что выше отдельного человека. Именно это представляется нам одним из высочайших ориентиров для сил возрождения в новой Италии.

Перевод с итальянского А. Б.

Андрей Игнатьев:
Азбука Тантры
(часть I)

Слово «Тантра» давно вошло в наш лексикон наряду с другими словами, обозначающими реалии индийской культуры: «йога», «карма», «джьотиш», «аюрведа», «брахман» и др. В массовом сознании «Тантра» ассоциируется с необузданным, феерическим эротизмом. И как в случае с йогой, аюрведой и джьотиш, тантра во многом стала жертвой неверного понимания, откровенных выдумок и широкой коммерческой эксплуатации. В итоге современный человек, желающий познакомиться с Тантрой, чаще всего сталкивается с так называемой *неотантрой* (*неотантризмом*), о которой у нас также пойдет речь. Данный очерк призван в краткой и доступной форме познакомить широкого читателя с научными представлениями о феномене Тантры.

Итак, Тантра — это возникшее в Индии эзотерическое течение, чье мировоззрение и практика основаны на полярном дуализме мужского и женского. Само слово *tantra* происходит от глагольного корня *tan* (тянуть (здесь русский корень родственен санскритскому), распространять) и означает буквально «нить, ткацкий станок», а в более высоком значении — «система, обрядность, ритуал, учение, теория». Суффикс же *tra* приверженцы этой традиции связывают с другим глагольным корнем, означающим «спасать»²⁹. Часто слово «Тантра» заменяют созданные западными индологами термины «тантризм» или «тантрическая традиция». Обычно выделяют Тантру индуистскую, буддийскую и иногда джайнскую. В нашем кратком очерке речь пойдет преимущественно об индуистской Тантре.

Проблема возникновения Тантры. Праистория тантрической традиции уходит вглубь тысячелетий, в ней нашли отражение представления, присущие человечеству на раннем этапе его развития. Существует мнение, что историю тантризма из-за скудости источниковой базы невозможно написать³⁰. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что в организованном виде эта традиция возникла в IV–V вв.³¹ Известный историк религий и этнолог Мирча Элиаде писал про тантризм, что это «мощное религиозно-философское движение <...> появившись в IV веке нашей эры, начиная с VI века приняло масштабы общеиндийской моды»³².

²⁹ Apte 1988: 229; Brooks 1990: 5; Goudriaan 1981: 7; Padoux 2010: 27.

³⁰ Urban 2003: 23.

³¹ Goudriaan 1981: 20; Padoux 2010: 48.

³² Цит. по: Элиаде 1999: 255.

Американский индолог Дэвид Уайт дает более позднюю дату происхождения Тантры: VI–VII вв.³³ Если же говорить о географии, то Тантра возникла на северо-востоке Индии (Ассам, Бенгалия и Орисса), северо-западе (Кашмир) и затем распространилась на юг (Тамилнаду и Керала)³⁴.

Некоторые исследователи противопоставляют тантрическую традицию Ведам, ариям и брахманизму. Они считают, что появление Тантры явилось народной реакцией на насаждаемую сверху брахманскую ортодоксию, а также контрнаступлением верований и обычаев аборигенных, неарийских племен на кастовую идеологию индоариев. Такого мнения придерживаются М. Элиаде и Нарендра Натх Бхаттачарья, при этом если первый делает акцент на этническом аспекте, то второй — на социальном³⁵. Первый русскоязычный автор, написавший о Тантре, фантаст Иван Ефремов, назвал ее «древнейшей философией дравидов Индии»³⁶. Георг Ферштайн, отвергающий теорию арийского вторжения, указывал только на социальный аспект: «Тантра <...> была движением низов. И многие, если не большинство, из ее первых приверженцев происходили из самых нижних слоев общественной пирамиды Индии — рыбаков, ткачей, охотников, уличных торговцев, прачек»³⁷. Французский индолог Андре Паду полагает, что к формированию Тантры привело соединение двух потоков: первого, народного и более связанного с землей, и второго, интеллектуального. Результатом этого соединения стало появление на окраинах мира брахманской ортодоксии небольших инициатических и крайне трансгрессивных³⁸ групп, которые, однако, впоследствии стали социализироваться, завоевывать большее число приверженцев и одновременно приобретать более умеренные черты. Тантра постепенно стала распространяться, смягчая свой характер и в то же время обогащаясь. «Брахманизируясь», она «тантризовывала» индуизм и превращалась в некоторых отношениях в его тайную основу³⁹.

К числу «прототантрических» течений обычно относят *пашупатов*, *капаликов* и *каламукхов*. Пашупаты поклонялись богу Шиве в образе

³³ White 2006: 7, 13.

³⁴ Элиаде 1999: 256; Urban 2003: 28.

³⁵ Элиаде 1999: 256–257; 314; Bhattacharyya 2005: 22–23.

³⁶ Ефремов 2016: 451.

³⁷ Цит. по: Ферштайн 2002(б): 575.

³⁸ Трансгрессия (греч. trans — сквозь, через; gress — переход, перешагивание) — философский термин, фиксирующий феномен перехода непроходимой границы, прежде всего границы между возможным и невозможным. Само слово обозначает «выход за пределы».

³⁹ Padoux 2010: 44–45, 54–55.

Пашупати («владыки животных»). Название «капалика» происходит от слова *karāla* — чаша, изготовленная из черепа, которую носили с собой приверженцы этого течения. А слово «каламукха» буквально означает «черное лицо», оттого что каламукхи ставили черную отметку на лбу — символ отречения от мира. Приверженцами данных течений были странники, отвергшие жизнь в обществе и любые ограничения в пользу духовной свободы, свои «непристойные» обряды они совершали в том числе и на местах кремации (*шмашанах*)⁴⁰. Прямыми потомками этих течений являются агхори, которые, впрочем, в наши дни весьма малочисленны⁴¹.

Впрочем, есть и противоположная точка зрения, согласно которой истоки тантризма содержатся в Ведах, при этом делается акцент на элитарном характере Тантры и на том, что ее священные тексты написаны на санскрите. Такого мнения придерживались Джон Вудрофф и Рене Генон⁴². Кстати, сами адепты Тантры не отвергают полностью авторитет Вед, они признают их ценность, однако, по их мнению, ведийская обрядность, являвшаяся эффективной в первые три юги, в Кали-югу теряет свою действенность, и единственным путем к освобождению становится путь Тантры. Как сказано в одной из тантр: «В течение трех [предыдущих] юг — крита и т. д. — путь Вед имел силу; в кали-югу же — лишь каула, остальные пути бесполезны»⁴³. Роль Тантры рисуется в мессианских тонах: «В кали-югу Океан Кулы затопит океан сансары <...> Поэтому в кали-югу — лучшее время — по милости Шакти»⁴⁴.

Добавим, что в процессе своего исторического развития Тантра не оставалась чисто индийским феноменом. Буддийская Тантра распространилась в Тибете, в Монголии и даже достигла Японии. Из Южной Индии она проникла в Камбоджу, а из Ориссы — в Индонезию (здесь соседствовали буддийская и индуистская формы тантризма). Следы тантрической культуры заметны еще на Бали⁴⁵.

Мировоззрение Тантры. Тантрические школы и их учения весьма разнообразны, но можно выделить ряд общих черт. Как уже было сказано, в основе Тантры всегда лежит представление о полярном дуализме мужского и женского. Можно сказать, что этот дуализм проявляется на четырех уровнях.

⁴⁰ Индуизм 1996: 229, 327; Bhattacharyya 2005: 252–255; Padoux 2010: 61–62.

⁴¹ Padoux 2010: 271.

⁴² Urban 2003: 24.

⁴³ Шри Тарабхактирахасья-тантра 2.3. (Цит. по Каула 2003: 118). См. также: МНТ 2.14–21. Маханирвана 2003: 174–175.

⁴⁴ Шри Тарабхактирахасья-тантра 4.21–22. (Цит. по Каула 2003: 125).

⁴⁵ Faure 2000: 543–556; Padoux 2010: 53–54; White 2000: 7–8.

Во-первых, на уровне космогонии и космологии. В тантрическом мировоззрении абсолюта, хоть он в сущности своей един на высочайшем уровне, имеет два аспекта: мужской и женский. Мужской аспект абсолюта (чаще всего олицетворяемый Шивой) может действовать только через женский аспект — свою энергию шакти, с которой он неразрывно связан и которая предстает в образе высшего женского божества. Таким образом, высшая Шакти (с заглавной буквы), без которой мужской полюс не способен к действию, — это аспект абсолюта, ответственный за миропроявление. Шакти является источником всех существ женского пола, которые образуют пары на всех уровнях с соответствующими мужскими существами⁴⁶. «...все мужчины — образы Махакалы, а все женщины <...> имеют природу Кали и Тары»⁴⁷. Эту фундаментальную двойственность мироздания признают как индуистская Тантра, так и буддийская, но между ними имеется важное отличие: если последователи индуистского тантризма считают мужское начало статичным, а женское — динамичным, то тантрики-буддисты придерживаются противоположного мнения⁴⁸. «Уничуждение» мужского аспекта в шактистских тантрах доходит до того, что он вообще уходит на задний план, становясь чем-то второстепенным и подчиненным Шакти, отождествляемой с Брахманом⁴⁹. В индийской философской литературе раннего периода слово śakti не несет космологической или метафизической нагрузки⁵⁰. Представление о шакти, творящей мир, начинает развиваться в философских учениях классического периода. Однако эта сила не связана с женскими божествами и не находит выражения в мифологии⁵¹. Полную, законченную и систематическую форму концепция шакти — как космогонической и космологической силы, отождествляемой с вездесущей и всемогущей Богиней, — обретает именно в текстах Тантры⁵².

Наряду с этим тантрики разделяют общеиндуистские представления о бесконечно повторяющихся мировых циклах, бесчисленных мирах-

⁴⁶ Pintchman 1994: 110; Mookerji 1977: 15–16.

⁴⁷ Шри Тарабхактирахасья-тантра 6.16–17 (Цит. по Каула 2003: 131).

⁴⁸ Bharati 1975: 200–201. Иногда указывают, что дуализм Шивы и Шакти в индуистской Тантре родственен дуализму Пуруши и Пракрити в санкхье. Однако Л. Биернаки замечает, что подходы Тантры и санкхьи совершенно различны: в последней Пуруша — дух, а Пракрити — бесчувственная материя. В тантрических текстах нередко встречается изречение, что Шива без Шакти подобен труп, таким образом, Шакти выступает одушевляющей силой [Biernacki 2007: 62].

⁴⁹ Bharati 1975: 112.

⁵⁰ Pintchman 1994: 101.

⁵¹ Ibid.: 105.

⁵² Ibid.: 108.

брахмандах⁵³, карме и реинкарнации⁵⁴. Однако им совершенно чужда адвайтистская идея иллюзорности мира⁵⁵. Для последователей Тантры зримый материальный мир имеет позитивное значение: он не «юдоль скорби», не иллюзия, а живое и подлинное проявление Богини.

Во-вторых, в области теологии и мифологии. Тантрический пантеон, как правило, всегда возглавляет пара божеств: мужское и женское. Как было сказано, чаще всего это Шива и Шакти, но может быть также Кали/Дурга и Шива/Бхайрава, Трипурасундари и Бхайрава, Кубджика и Наватман, Лакшми и Вишну, Радха и Кришна и т. д. Чаще доминирует именно женское божество, даже если метафизически мужское считается занимающим более высокое положение⁵⁶. Собственная тантрическая мифология небогата и, как правило, посвящена истории взаимоотношений высшей божественной четы. Мифы излагаются достаточно сжатым и лапидарным образом⁵⁷.

В-третьих, полярность служит источником учения. Тантрические учения излагаются в текстах, носящих общее название «*тантры*». Здесь надо проводить различие между словом «тантра», обозначающим священный текст, и термином «Тантра» (с заглавной буквы) как наименованием совокупности учений, изложенных в этих текстах. Как пишет Дэвид Уайт, Тантра — это ритуальная практика, а тантры представляют собой компендиумы по ритуальным практикам⁵⁸. Если Веды считаются существующими извечно, то тантры имеют форму диалога между высшей божественной четой, чаще всего Шивой и Шакти. Где и когда в действительности появились тантры, остается загадкой. Самое раннее упоминание о текстах, именуемых тантрами, мы находим в санскритском романе Баны «Кадамбари» (VII в.)⁵⁹. В научной среде до сих пор идет дискуссия о том, какие тантры появились ранее, индуистские или буддийские⁶⁰.

Существует классификация индуистских тантрических текстов, когда они делятся на *агамы*, *нигамы* и *упатантры*. Если в агамах Шива поучает свою Шакти, то в нигамах, наоборот, Шакти поучает Шиву (заметим, что термин «нигама» в тантрах часто используется для обозначения Вед).

⁵³ Шактисангама-тантра I.1.21; Йогини-тантра I.9.3–5; Девибхагавата-пурана III.4.36; Махабхагавата-пурана 3.3; 43.63.

⁵⁴ См., например, Куларнава-тантра 1.9–20.

⁵⁵ White 2000: 9.

⁵⁶ Padoux 2010: 91.

⁵⁷ Впрочем, крупный мифологический раздел содержится в Йогини-тантре (I.8–19), 2017.

⁵⁸ White 2006: 16.

⁵⁹ Бана 1995: 338; Urban 2003: 29.

⁶⁰ Urban 2003: 29.

Упатантры представляют собой диалог Шивы или Шакти с каким-либо мифологическим персонажем. В текстах непременно подчеркивается тайный, эзотерический характер передаваемых учений⁶¹. Есть и другая классификация, в которой свод тантрической литературы включает в себя 28 агам шиваизма, 108 самхит вишнуизма (школа *панчаратра*) и 64 тантры шактизма (на самом деле, число известных тантр и самхит намного больше, около 200). При этом вишнуитские тексты могут обозначаться термином «агама» или «тантра» (например, Лакшми-тантра⁶²), а шиваитские — носить название «самхита»⁶³.

Apte 1988 – Apte V. Sh. The Student's Sanskrit-English dictionary. Bombay: Gopal Narayan and Co, 1988.

Goudriaan 1981 – Goudriaan T., Gupta S. Hindu Tantric and Shakta Literature. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981.

Urban 2001 – Urban H.B. The Economics of Ecstasy: Tantra, Secrecy, and Power in Colonial Bengal. N.Y.: Oxford University Press, 2001.

White 1996 – White D.G. The Alchemical Body: Siddha Traditions in Medieval India. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

White 2010 – White D.G. Tantra in Practice. Princeton: Princeton University Press, 2000.

White 2006 – White D.G. Kiss of the Yogini. «Tantric Sex» in Its South Asian Contexts. Chicago and L.: The University of Chicago Press, 2006.

Padoux 2004 – Padoux A. La Puissance (sakti) dans les textes tantriques indiens: Une exaltation masculine du féminin // The Feminine Sacred in South Asia. Ed. By H. Tambs-Lyche. N.D.: Manohar, 2004. P. 36–44.

Padoux 2010 – Padoux A. Comprendre le tantrisme. Les sources hindoues. Paris: Albin Michel, 2010.

Faure 2000 – Faure B. Japanese Tantra, the Tachikawa-ryu, and Ryobo Shinto // White D.G. Tantra in Practice. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 543–556.

Bharati 1975 – Bharati A. The Tantric Tradition. L.: Rider and Company, 1975.

Pintchman 1994 – Pintchman T. The rise of the Goddess in the Hindu tradition. Albany: State University of New York Press, 1994.

Ефремов 2000 – Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: Издательство АСТ, 2000.

Элиаде 1999 – Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб.: Лань, 1999.

Ферштайн 2002(а) – Ферштайн Г. Тантра. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.

Ферштайн 2002(б) – Ферштайн Г. Энциклопедия йоги. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.

Каула 2004 – Каула-тантра-санграха. Антология текстов индуистской тантры. Пер. с санскр. С. С. Федорова, С. В. Лобанова. М.: Старклайт, 2004.

Горохов 1996 – Горохов С. А. Тантризм // Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. 1. Религии мира. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Аванта, 1996. С. 532–542.

Пахомов 2002 – Пахомов С. В. Индуизм: Йога, тантризм, кришнаизм. СПб.: Амфора, 2002.

⁶¹ Горохов 1996: 536; Beane 2001: 2–3; Goudriaan 1981: 5, 11, 13; Padoux 2010: 27.

⁶² Laksmi-tantra 2007.

⁶³ Пахомов 2002: 137; Bhattacharyya 2005: 52; Goudriaan 1981: 7–8.

V.L.S.L.V.:

Наша сияющая подлинность...

ЭТОТ МИР сплетён из потоков Любви и Безумия, за которыми скрывается наша изначальная подлинность — *Безмолвие* Бездны НЕРОЖДЁННОГО.

Сияние нашей подлинности — то единственное, что у нас есть (или, вернее сказать, ТО, у ЧЕГО есть «мы» — всё то, что мы называем «собой»), что всегда остаётся с нами, даже когда мы *забываем* СЕБЯ, в неведении теряем непосредственность переживания своей Истинной Природы.

Наша сияющая подлинность подобна Алхимическому Золоту, которое тайно и незримо присутствует во всех «неочищенных» веществах; но будет ошибкой полагать, что неким рациональным методом последовательной «очистки» наших обусловленных составляющих может быть обретена Изначальная Чистота ТОГО, ЧТО никогда не было (и не может быть!) загрязнено.

Наша изначальная подлинность — Вечное в каждом из нас — непрестанно стучится в наши *сны*, но двери нашего восприятия закрыты именно со стороны личного, — даже когда личное всеми силами пытается убедить себя и других, что «ищет» Вечное.

Наша сияющая подлинность никогда не может быть утеряна; просто мы, отождествляя себя с личным, на какое-то время перестаём видеть Вечное в себе — ТО, ЧТО всегда смотрит на Мир нашими глазами, во всём сущем видя многообразие проявлений Всеединства СЕБЯ.

Sapienti sat!

[В ночь на 1.01.2018]

V.L.S.L.V.:
Радение о Чёрном Пламени
на Мару Зимнюю⁶⁴

1. **Ч**ЁРНОМУ ПЛАМЕНИ — почитание!
2. Огню Незримому, пылающему *внутри*, образу Невыразимого — почитание!
3. Ты, Мати Темная! Ты, Коштный Велесе! Днесь, а паче ночесь — чтимы будьте!
4. Чёрным Пламенем Рассоздания зияй, Бездна НЕРОЖДЁННОГО!
5. Лоно Великой Матери, раскройся навстречу о Тебе радеющим!
6. Чёрное Пламя Неосквернённой Мудрости, Волей Владыки *Вещего* веди радаря Твоего к Истоку — в Глубины, во *Йно*!
7. Сила Велесова! Воля Велесова! Слава Велесова! Трезубые Вилы Владыки тремя языками Чёрного Пламени семь оболочек света прободите, в Великую Навь радаря Вашего ведите!
8. Камнем Чёрным твердь Незриму в радаре Вашем утвердите!
9. Огнем-Пламенем неведение прожгите!
10. Во Ночь Мáрину да отверзнутся Врата Великой Нави!
11. Смертное — к Смерти; Несмертное — к Вечности, осиянной Чёрным Солнцем *Неспящих*!
12. Силой Велесовой, Волей Велесовой, Славой Велесовой — я призываю Предвечный Хаос! Я открываю Врата!
13. Велесу и Морене, в Чёрном Пламени сущим, отныне и вовеки — почитание, почитание, почитание!

Вий, Черна Мати! Вий-Ма!

[В ночь на 15.01.2018]

⁶⁴ *Мара Зимняя* — в современном Славянском Родноверии празднуется 15 сечня(января) месяца.

V.L.S.L.V.:
Учение Великой Нави:
Язычество и Хао-Гностическая Революция

НА ДЕСНОМ ПУТИ люди склонны принимать окружающий Мир некритически и смотреть на себя, не противопоставляя себя своему мирскому окружению. Вступая на Шуйный путь, человек радикально выделяет себя из Природной «непрерывности» и работает над индивидуализацией, осознанно выходя за рамки всех обусловленных представлений о «себе», о «боге» и о внешнем поклонении, пропагандируемом всеми продемиургическими религиями. Пробуждающееся Божественное в человеке заставляет его, отвратившись от внешнего, от вложенной окружением идеи о «боге», идти внутрь в поисках непосредственного Духовного опыта, находя свой индивидуальный путь и преодолевая догматическую ограниченность и косность бытующих традиций. Как говорит К. Г. Юнг в своих «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях»: «Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священны они ни были»⁶⁵.

На Шуйном пути человек осознанно вырывается за рамки всех инфантильных представлений о «благом боге», который всем управляет, всем владеет и повелевает всеми, как царь повелевает своими подданными. Вставая на Путь Возврата, человек самым радикальным образом порывает с бытием себя как «раба божьего», следуя, говоря словами Г. И. Гурджиева, «против Бога и против Природы». Природа, проистекая из Божественного Источника, следует естественному Пути Удаления, тогда как человек, *слыша* в Сердце своём безмолвный Вещий Зов и открывая в себе стремление к Духовному Центру, идёт наперекор импульсу Творения, «против» естественного Природного порядка, обращаясь от внешнего ко Внутреннему — от периферии к Центру.

Обычный человек «постоянно с робостью оглядывается вокруг в поисках каких-то внешних законов и установлений, которых ему в его беспомощности хотелось бы держаться»⁶⁶, тогда как следующий Вещему Зову отвращается от внешнего почитания и мирской религиозности, ища Божественное не вовне, а внутри себя. «Божественная тайна не “где-то там”»,

⁶⁵ Цит. по изд.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Записано и отредактировано Аниэлой Яффе / пер. с нем. И. Булкиной. К.: Air Land, 1994. С. 50.

⁶⁶ Цит. по изд.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления... С. 325.

а в тебе самом, внутри. Никто не оторван от Бога. Единственная трудность сводится к тому, что некоторые не знают, как заглянуть в свою душу, но в этом не виноват никто, кроме них самих»⁶⁷. Не поклонение, но инициация, не внешнее «служение», но непосредственное Духовное Самопознание, ведущие к САМО-раскрытию и реализации нашей изначальной Свободы в Божественном делают такого человека изгоем в толпе благочестивых святош и смиренных «овец» того или иного религиозного «стада». «Религии обычно зарождаются как движения радикального духовного освобождения и неизбежно превращаются в стержни обществ, становясь тюремщиками наших душ», — верно замечает один из современных последователей Гностицизма⁶⁸.

Гностицизм, возможно, впервые в известной нам человеческой истории радикально поставил вопрос о необходимости преодоления иллюзии «бога» ради возвращения человека к подлинно Божественному за пределами всех ограниченных представлений о Нём. Так человек выходит за рамки своей ложной самости ради раскрытия своей Истиной Природы. Демиург в нас — это наше обусловленное «я», являющееся центром и создателем имеющегося в нашем уме Образа Мира⁶⁹. Наша Истинная Природа — Сверхбожественное

⁶⁷ Цит. по изд.: Кемпбелл Дж. Конфронтация Востока и Запада в религии // Мифы для жизни. СПб.: Питер, 2018. С. 110.

⁶⁸ Цит. по изд.: Хёллер С. Юнг и Гностицизм / пер. Хельга и др. М.: Клуб «Касталия», 2018. С. 18. В «Критической истории гностицизма» (1843) французского историка и религиоведа Жака Маттера (1791—1864) **«гностицизм объявляется промежуточной между язычеством и христианством “эзотерической” системой** [выделение наше — прим. В.], ...наследием язычества с его “тайностью”, противостоящим открытому всем людям [т.е. профаническому по сути, дающему *утешение*, но не Духовное *Освобождение*. — прим. В.] евангельскому христианству. “Позже другие учителя, верные этим античным традициям святилищ, довели вплоть до христианского периода эту линию разделения между эзотерическим (*ésoterique*) учением и экзотерической (*éxoterique*) доктриной, которые новая система [христианство] пришла уничтожить. <...> Основы народной веры — вот все, что они отдавали на откуп народу, но высочайшие тайны должны были сообщаться лишь высочайшим умам, избранным, в эзотерических традициях”» (цит. по изд.: Фиалко М. М. Метафизика европейского эзотеризма: опыт исследования троичных структур. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 13).

⁶⁹ Ср.: «...до возникновения Гнозиса (или индивидуации, как его называл Юнг) человеческая душа руководствовалась слепой и безрассудной властью (проекциями и навязчивыми бессознательными импульсами). Эта власть была мифически выражена и названа древними гностиками *demiurgoi* и *archons* [Демиург и Архонты. — прим. В.]. <...> Казалось бы, в юнгианской системе отсутствует первичный Демиург, но в его роли выступает отчужденное человеческое эго. Это сознательная самость, вынуждая себя из первоначальной цельности сознания, стала слепым и бессмысленным существом, не знающим о своих корнях в бессознательном, но отчаянно пытающимся заново создать

НИЧТО, Бездна НЕРОЖДЁННОГО по ту сторону «добра» и «зла», за пределами всех имён и форм.

Обычный человек беспробудно пребывает в состоянии так называемой «Божественной одержимости», когда Боги Обусловленного Состояния⁷⁰ проживают его жизнь за него, в то время как он сам является не более чем бессознательным и абсолютно пассивным полем для их нескончаемой «Игры». Обычный человек живёт машинально, механически реагируя на Божественные инспирации, к которым он сам не имеет практически никакого волевого отношения. На него «находит» одно чувство или эмоция, которая затем сменяется другой, одно обусловленное состояние бессознательно заменяет другое, и человек при этом порой всерьёз полагает, что он сам является хозяином своей судьбы!

Живые существа, включая обычного (обусловленного) человека, не выделяют себя из Природной «непрерывности», и подавляющее множество господствующих религий не только не способствуют его Освобождению, но, напротив, лишь способствуют усугублению того беспробудного пассивного состояния, в котором даже идеи о Духовной Свободе превращаются в неизбежные атрибуты их метафизического *сна*. Лишь Духовно

видимость “верхнего” мира, воздействуя на бессознательные проекции. Таким образом, эго представляется посредником между областью экстравертной деятельности и большей бессознательной матрицей, в которой Юнг видел истоки всех внешних явлений. Подобно гностическому Демиургу, эго в своей отчужденности и слепой самонадеянности смело, но ошибочно объявляет, что “не было другого Бога до”, что только оно является истинной детерминантой существования, и что силы и возможности бессознательного нереальны или не существуют. Эго-демиург создает свой собственный *космос*, но он искажен и искажен, так как свет его глубокой индивидуальности затмевается и загрязняется бессознательными проекциями и принуждениями. Именно таким образом эго становится истинным демиургом, безрассудным архитектором собственного глупого мира. С того времени как в своей причудливой ироничной манере древние гностики отождествили мифологему семитского Бога-создателя со своей мифологемой демиурга, и семитский создатель в свою очередь стал Богом-Отцом христиан и Аллахом мусульман, было понятно, что концепция демиурга должна порождать серьезное негодование у тех, кто привязан к божественному имиджу этого божества. Следует помнить, что целый ряд мифологем демиурга появляется в многочисленных религиях и духовных учениях, что свидетельствует о том, что такая идея является не только эксцентричной аберрацией питающих отвращение гностиков. <...> Идея демиурга — это не просто сверхъестественное и шокирующее изобретение гностиков, но архетипический образ универсально существующего в человеческой психике и неизбежно проявляющегося в различных мифах о просветлении или освобождении» (цит. по изд.: Хёллер С. Юнг и Гностицизм... С. 38–39).

⁷⁰ Подробнее об этом см., напр., по изд.: Влх. Велеслав. Учение Волхвов: Путь Великого Совершенства. М.: Амрита-Русь, 2015. С. 35–37.

пробудившись и осознав со всей очевидностью своё действительное положение, человек способен совершить Перенос Сознания из личности в Сущность, выкристаллизовав свою индивидуальность, дающую возможность действовать не из обусловленного желания, но следуя своей Истинной Воле.

Чтобы постичь своё Изначальное ЕДИНСТВО со всем сущим⁷¹, прежде необходимо перестать быть бессознательной «пищей» Демиурга, разорвать «дурную бесконечность» непрерывных блужданий по замкнутому кругу своего метафизического неведения. Лишь постигнув свою Истинную Природу — Бездну НЕРОЖДЁННОГО, можно даже обусловленное увидеть как проявление Предвечного. Лишь преодолев в себе заикленность на мирском, выйдя за пределы явленного, можно узреть весь Мир как проявление Великой Нави, выйдя за пределы всякой двойственности, непреодолимой в коловрте мирских забот. Чтобы раскрыть в себе подлинно Божественное, нужно «убить» в себе все обусловленные представления о «себе» и «боге» — совершить истинную Хао-Гностическую Революцию внутри себя.

Sapienti sat!

[2018]

⁷¹ Ср. у Юнга: «Иногда мне кажется, будто я вбираю в себя пространство и окружающие меня вещи. Я живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, — в каждом существе» (цит. по изд.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления... С. 223).

V.L.S.L.V.:
Божественный Андрогин:
Встреча с Анимой

Я БРОСАЮ горькие травы на догорающие угли — дым клубами возносится к Небу, и в проблесках света угадывается лестница между Небом и Землёй.

Я возливаю красное вино из кубка в Огонь — я призываю свою сияющую Аниму явиться в пламени, в разорванных клочьях дыма — так из пены морской явилась Афродита, так из Бездны восходит Звезда.

Когда ты — Богиня, я — Бог. Но ты есть Она, потому что я есть Он. Но что я без Тебя?.. Твои губы — расплавленное золото; мои ладони — текучее серебро... Что всё это без ТОГО?..

Ты — Душа Мира, а я — Ось Мироздания. Ты — жар моего Огня, а я — Ветер, раздувающий пламя... И всё наоборот. Да — всё наоборот!

Ты — Огонь в моей Пустоте, а я — твой Танец на краю Бездны. Я — Бафомет. Зеркало души целно во множестве осколков, и оно расколото, когда слова о «целом» замутняют игру бликов... Ты — Мать и Смерть.

И — Новое Возрождение. Или — Выход из «дурной бесконечности» Коловерти. Сделай выбор, Маг!..

Я пою о Звезде. Я упиваюсь светом Звезды. Я умираю, пронзённый лучами-стрелами Светоча по ту сторону слов, я нахожу Покой в объятиях звёздной пыли...

Я вновь *не знаю* ТОГО, ЧТО тщетно ловил в тенеты снов. Я вновь изысканно пуст перед Твоим Сиянием. Я — свеча, что догорит к утру, и я — Возрождённое Солнце. Я — Священный Фаллос, восставший из Глубин. Я падаю в Бездну Небес, что выше *этого* Неба, глубже *этой* Земли.

Наша встреча — твоя Любовь и моя Смерть⁷². Наша встреча — Конец и Начало. Наши глаза звёздами брошены в Небо... Что я могу ещё сказать?..

⁷² «Индо-тибетские тантрические ритуалы также являют нам трансформации двух главных страстей: ненависти и желания. Ненависть заменяется ритуальным убийством, а любовь — ритуальным совокуплением. В обоих ритуалах, говорят нам, целью является “освободить” человеческие существа; женщин — через любовь, мужчин — через смерть. <...> Луи де ла Валле Пуссэн писал: “<...> Посредством любви и ради любви этот мир становится двойственным; в любви мы вновь находим его исходное единство и вечную неразделенность”» (цит. по изд.: *Фор Б. Красная нить* (буддийские подходы к сексуальности) / пер. с англ. А. Г. Фесюн. М.: Серебряные нити, 2018. С. 47).

Я и ты — ОДНО.

Ибо ты — моё Сердце, а я — твоё Солнце в беспредельности мига, где каждый — Звезда.

Где только Любовь — как Воля к ЕДИНСТВУ и Безмолвие — как полнота САМО-реализации.

Ты — полнота моей Пустоты.

Я — пустота твоей Полноты.

Любовь и Безмолвие.

Бездна НЕРОЖДЁННОГО.

Божественный Андрогин.

Приложение:
Заметки на полях⁷³

[1]

В Боге есть *сомнение*.

В Богине его нет.

P.S. На самом деле в Боге его тоже нет.

[2]

Мы не можем приписать ЭТО себе, — сказал он.

Не разделяй, — сказала она.

Sapienti sat!

[26.01.2018]

⁷³ Здесь и далее в «Заметках на полях» публикуются спонтанные высказывания из обсуждений написанного, иногда похожие на диалоги Шивы и Шакти в тантрических текстах, которые происходили между мною и моей возлюбленной Витославой.

V.L.S.L.V.:
Времени нет!..
(Мистерия Четвёртого Лица Богини)

ВРЕМЕНИ НЕТ. Никакого «завтра» нет. Нет даже «сегодня» — как продолженности, как развивающейся длительности. Есть только СЕЙЧАС.

Не откладывай откровение своей подлинности на потом. Не жди «лучшего» времени, «благоприятного случая», который изменит твою судьбу. Не жди, что некто или нечто изменит твою жизнь. *Умри* для времени прямо ЗДЕСЬ и прямо СЕЙЧАС, дабы не упустить Безмолвие ВЕЧНОСТИ. Великий суфийский учитель *Абу-л-Касим ибн Мухаммад ал-Джунайд ал-Багдади* (ум. в 910 г.) говорил: «Пока ты не пройдешь через долину полного уничтожения (*фана*), ты не сможешь достичь вечности (*бака*)»⁷⁴.

Не верь в становление, в вечное развитие, в неизбежность чего бы то ни было в будущем. Не попади в ловушку зачарованности будущим, ибо будущего нет. Есть лишь безжалостный взгляд Бездны, разверзнутой в вечности мига, зияние Предвечного, проглядывающего сквозь прорехи собранной потоком твоего ума «реальности». Не верь в абсолютность «реальности».

ТЫ САМ и есть Центр — Сверхбожественное НИЧТО по ту сторону *снов*. Нет людей, и нет Богов, а *Пробуждение* подобно проблеску света, столь ослепительного, что он становится непроглядной тьмой для рассудка, захваченного иллюзией времени. Не оставляй Центра, не уклоняйся от своей Изначальности — от Естественного Состояния Первоосновы, наблюдая непрерывную смену обусловленных состояний.

Любое становление, развитие есть не что иное, как движение сознания от Недвижимого Центра к периферии Круга, ведущее к вовлечённости в «дурную бесконечность» замкнутой Коловерти. Следуй Пути, оставаясь Неподвижным.

Великая Тёмная Мать танцует на пепле этого Мира, являясь его надвременным средоточием, не отдельная от Мира и не захваченная мирскими страстями. Укрась чело своё пеплом прогоревших в Огне Осознания страстей, не отвергая их. Будь не трупом, но Пламенем, если взыскуешь воли⁷⁵, следуя своей Истинной Воле, ибо поистине: «Человек,

⁷⁴ Цит. по изд.: *Санджар Абдул Малик*. Люди упрёка и порицания. М.: Совпадение, 2018. С. 48.

⁷⁵ Свободы.

который не перегорел в аду собственных страстей, не преодолел их»⁷⁶. Не обманись ни одним из Трёх Ликов Богини, но погрузи свой ум в «могилу» Сердца и обратись к Четвёртому Её Лику — Лику Тайному, всегда сокрытому. Так — узри! — за Растущей, Полной и Убывающей Лунами зияет бездонной пропастью Чёрный Лик Владычицы, страшный для невежд и дарующий Духовное Прозрение мудрым.

Так постигнешь Путь за пределами «пути». Так не в словах, но в непосредственном опыте раскроешь Неосквернённую Мудрость Учения Великой Нави.

Оставайся подлинно СОБОЙ.

Sapienti sat!

[Полнолуние и Лунное затмение; 1.02.2018]

⁷⁶ Цит. по изд.: Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Записано и отредактировано Аниэлой Яффе / Пер. с нем. И. Булкиной. К.: Air Land, 1994. С. 275.

V.L.S.L.V.:
Символика жертвоприношения
в Учении Великой Нави

В УЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ НАВИ говорится о Трёх Жертвоприношениях⁷⁷, которые должен совершить следующий Путём Возврата [к Источнику]: о «принесении в жертву» животного, человеческого и Божественного начал в себе, которые символически подносятся нашей Истинной Природе — Бездне НЕРОЖДЁННОГО. Полное овладение своей животной (чувственно-эмоциональной) и человеческой (связываемой, прежде всего, с рассудочностью) природой с последующим освобождением от жёсткой обусловленности оными, при наличии которой не мы владеем своими чувственно-эмоциональной и ментальной составляющими, а они нами, — позволяет человеку стать, насколько это возможно, действительным хозяином самому себе. Выход за пределы всех ограниченных представлений о Божественном (или, вернее сказать, за пределы вообще *всех* представлений о Нём), свобода от подсознательного приписывания Божественному черт и качеств своей личности, именуемая нами «жертвоприношением Бога», — даёт возможность человеку избавиться от того, что в Учении Великой Нави называется «Божественной одержимостью», и раскрыть свою Истинную Природу по ту сторону всех качеств и форм.

Вышеописанные Три Жертвоприношения представляют собой определённые уровни самосознания и как таковые не нуждаются в сопровождении какими-либо обрядовыми действиями внешнего порядка. Тем не менее для некоторых психологических типов и на соответствующем уровне понимания внешняя обрядность, исполненная глубокого символизма, может использоваться в Духовных радениях под руководством опытного наставника либо при достижении самим человеком достаточной психологической зрелости.

В древности принесение жертв нередко связывалось с непосредственным кровопролитием, тогда как в наше время кровавые жертвы в большинстве традиций заменяются их символическими эквивалентами⁷⁸. Смерть жертвы, как буквальная, так и символическая

⁷⁷ Подробнее об этом см., напр., по изд.: *Влх. Велеслав. Учение Волхвов: Путь Великого Совершенства*. М.: Амрита-Русь, 2015. С. 37–38 (гл. «Три Великих Жертвоприношения»).

⁷⁸ Так, например, ещё в Древнем Риме «религія допускала въ нѣкоторыхъ случаяхъ фиктивныя жертвы: фигуры изъ хлѣба или изъ воска вмѣсто животнаго и вмѣсто его головы головку луковицы или мака. Къ такимъ фикціямъ прибѣгало само государство»

(например, разламывание обрядового караваля), открывает Врата в *Иное*. В действительности эти Врата открываются не где-либо в окружающем нас пространстве, но в сознании самого человека, что делает возможным, по достижении радеющим определённого уровня подготовки, отверзать Врата Великой Нави без каких-то зримых атрибутов и ритуальных действий на внешнем плане.

В разных религиозных традициях, в той или иной мере использующих практику жертвоприношений, кровавых или бескровных, реальных или символических, смысл принесения жертв может объясняться по-разному. В Учении Великой Нави принесение жертвы (обычно посредством восkladания Треб либо жертвенных возлияний) символизирует воссоединение части с Целым, возвращение искры Чёрного Пламени к Надвременному Источнику, осознание Изначального ЕДИНСТВА Бездны внутри самого радеющего и Великой Бездны НЕРОЖДЁННОГО, находящейся везде и нигде.

Стефан Хёллер в своей книге «Юнг и Гностицизм» пишет:

«Жертвоприношение, в его гностическом смысле, предполагает возвращение отчужденной искры к первоначальному пламени. Ни философия, ни метафизика, ни догма не могут привести к желанному единству, ибо это не вопрос концепции, но дело опыта. Если мы желаем соединиться со своим сияющим двойником на небесах через устранение дихотомии, то мы должны проделать определенную работу — опус, как бы алхимики древности назвали её. Нам следует предложить хлеб и вино своей низшей природы силе над нами, так чтобы человеческое “я” могло преобразоваться в подобную и действительную субстанцию всецело иного, инородного Бога, пребывающего за пределами и над всеми зонами, который некоторым, абсолютно таинственным путем, тем не менее, являет наше собственное, истинное, сокровенное “Я”. Бог в человеке возвращается сам к себе посредством жертвоприношения»⁷⁹.

Жертвоприношение, в Духовном понимании, есть мистерия, сокровенное Таинство, призванное «выразить» НЕВЫРАЗИМОЕ — передать, насколько это возможно, «касание» Предвечной Бездны, Кою не

(цит. по изд.: *Корелинъ М. С.* Паденіе античнаго міросозерцання (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Изданіе 2-е. СПб.: Типографія Акціонернаго Общества «Брокгаузъ-Ефронъ», 1901. С. 9–10).

⁷⁹ Цит. по изд.: *Хёллер С.* Юнг и Гностицизм / Пер. Хельга и др. М.: Клуб «Касталия», 2018. С. 207.

может вместить Мир⁸⁰, — встретиться с НЕОПИСУЕМЫМ, всецело и без остатка посвятив своё личное Вечному, преодолев границы «себя» и «своего».

Следуя Пути Возврата, радеющий — добровольно и с полным осознанием — погружает своё дневное Солнце (символ обусловленного человеческого «я», или *ego*) в «могилу» Сердца, так принося свою ложную самость в жертву своей Истинной Природе (иногда называемой Высшей Самостью⁸¹). Там происходит Алхимическая Трансмутация, осуществляемая через Смерть и Возрождение. Солнце этого Мира *умирает* во Тьме, самой Смертью своей прожигая зияющую прореху — Выход из «дурной бесконечности» Коловерти. Замкнутый сосуд Сердца *разбивается*, и исчезает последняя преграда между Бездной внутри и Великой Бездной НЕРОЖДЁННОГО.

Пресуществляясь в Закате (инициатической Смерти), зримое Солнце этого Мира оборачивается Чёрным Солнцем *Неспящих* (символ НЕРОЖДЁННОГО, не плоти, но Духа), которое *всегда* в зените. Так Вечный Странник возвращается, наконец, — окончательно и без «возврата»⁸² — *Домой*.

Приложение: Заметки на полях

Ты — моя Свобода! — сказала она.

Ты — моя Полнота! — сказал он.

Sapienti sat!

[3.02.2018]

⁸⁰ Ср.: «Таинство потому и таинство, что оно вынуждено скрывать ту реальность, которая не может воплотиться в формах, доступных человеческому восприятию, скажем даже — в формах, в которых является возможным любое существование, — не разрушив их. Бездну не вместить в мир. Нельзя увидеть лицо Бога и не умереть» (цит. по изд.: *Положенцев А. М. «По лицу бездны»: очерк натурфилософии культа*. СПб.: Алетейя, 2007. С. 117).

⁸¹ Говоря о нашей Истинной Природе — Бездне НЕРОЖДЁННОГО, не следует обманываться словом «Самость», понимая под оной некую овеществлённую «сущность» или «тонкоматериальную» структуру.

⁸² Здесь речь идёт не только о необратимости Возврата к Источнику благодаря Духовному Пробуждению, но и о преодолении иллюзии «возвращения» посредством разотождествления с «я-возвращающимся» (аспектом нашей ложной самости).

**Гностицизм и психология:
Демиург как олицетворение *его***

Нижеприведённая статья представляет собой краткие выдержки из работы Мюррей Стайн, посвящённой Гностицизму, рассматриваемому с позиций юнгианской психологии. В квадратных скобках приводятся наши комментарии и пояснения к используемым автором терминам⁸³.

[Из главы «Юнг и гностики»]

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ основана на внутреннем опыте не меньше, чем гностическая психология, которая выходит за пределы доминирования эго индивида, общества и возраста и обращается к глубинным историческим и архетипическим уровням. <...>

В то же самое время необходимо отметить, что юнгианская психологическая теория не демонизирует эго само по себе, наоборот, считая эго центром идентичности человека. На практике психологи-юнгианцы пытаются объединить в человеке эго и его единый источник, основу его существования — Самость и коллективное бессознательное, которое и есть Плерома [от др.-греч. πλήρωμα — «полнота», символ Божественной Полноты в Гностицизме. — прим. В.].

В гностицизме, в отличие от традиционной религии, бог-создатель Иалдабаоф [варианты произношения: *Yaldabaoth* либо *Ialdabaoth*, одно из имён Демиурга; часто отождествляется с библейским Яхве/Саваофом. — прим. В.] стоит ниже по иерархии, нежели верховная сила. Так, когда эго говорит: «Я — хозяин души, единый бог всей психологической вселенной», — эго необходимо присмирить. Как гностики, так и юнгианцы опровергают верховенство эго, указывая, что у него есть собственный создатель, который важнее него. Для гностиков это была София [от др.-греч. σοφία — «мудрость, разумность, наука»; Божественная Премудрость, через которую происходит как нарушение, так и восстановление целостности Плеромы. — прим. В.], мать Иалдабаофа, а за ней стояло множество архонтов и иных сил и, конечно, Материнско-Отцовская Монада, Плерома. На более современном языке юнгианской абстракции эго обязано своим

⁸³ Цит. по изд.: Стайн М. Анализ Гностицизма через призму прошлого и настоящего эго, Иалдабаоф и проблема зла // Хёллер С. Юнг и Гностицизм / Пер. Хельга и др. М.: Клуб «Касталия», 2018. С. 274–277.

существованием психе (Софии), отдельной частью которой оно является, и, безусловно, Самости (Монаде или Плероме), которая превосходит это и даже психе в своей наибольшей завершенности и целостности.

[Из главы «Евангелие Истины в юнгианском переводе»]

Это живет внутри Самости, но оно игнорирует факт своего подчиненного положения. Поэтому это ищет Самость, не подозревая, что само содержится в ней. Не найдя её, оно оказывается сбитым с толку и напуганным, и эта путаница и страх создают замену истины, которая принимается за образ Самости в целом. Однако это, конечно, не оказывает никакого влияния на Самость как таковую.

Когда это окружено туманом иллюзии, оно впадает в еще более сильный страх и смущение и судорожно ищет компанию других. В скором времени человек начинает жить в коллективном тумане. Со своей стороны, Самость не принимает в этом никакого участия и остается в оппозиции.

<...>

Это остается рабом своих собственных иллюзорных идей и идентификаций. Оно становится в оборонительную позицию, сердится на этот новый символ Истины и старается подавить его. Однако послание Самости [ср. *Вещный Зов* в Учении Великой Нави. — прим. В.] доходит до этого, ведь Самость содержит в себе это, а в это есть что-то от Самости. Эта их родственность облегчает достижение осознанности.

Символ спасителя — учитель, проводник истины, которая поступает от Самости [согласно Учению Великой Нави, Высший Учитель всегда находится внутри нас, по ту сторону всех олицетворений, как незримая для плотских глаз Звезда, или *Даймон* — сама наша Истинная (Духовная) Природа. — прим. В.].

<...>

Само по себе это несовершенно, полно зависти, борьбы и смятения [ср. в Гностицизме: негативные эмоции (ужас, печаль, изумление...), возникающие у Софии, нарушившей целостность Плеромы, порождают материю и обусловленное существование душ живых существ. — прим. В.]. Но когда это объединяется с Самостью, несовершенно оказывается преодолено. После этого это наполняется Самостью, и когда она осознается, зависть и борьба прекращаются.

В идеале это должно быть малозаметно и оставлять место для Самости. Это означает, что это должно разорвать порочные схемы и отказаться от своей защиты, выставленной против Самости. Ведь когда Самость приближается к это, защитные механизмы это ломаются, и начинается кризис

[согласно Учению Великой Нави, в этот период ложная самость охвачена пламенем *Прозрения Ужаса*, когда личное в нас трепещет в страхе от касания Вечного, и человек пребывает в состоянии глубокого Духовного кризиса, выход из которого возможен только через инициатическую Смерть. — прим. В.]. Теперь эго должно взять на себя ответственность за принятие трудных решений.

<...>

У Самости большой потенциал и множество возможностей для проявления, которые изначально не сформированы и не сформулированы. Когда Самость осознается, этот потенциал реализуется. Самость будто бы сама принимает решение [в Учении Великой Нави это состояние описывается как следование человеком своей Истинной Воле. — то есть не желаниям личного, но неконцептуализированному волеию Вечного в нас. — прим. В.], что время для интеграции настало.

Sapienti sat!

[2018]

V.L.S.L.V.:
Последнее Пророчество

1. **В**СЕ ПРОРОКИ — от Бога, именно поэтому все они — ложные. Или истинные — как ТЫ изволишь.
2. Когда же ум погружается в «могилу» Сердца, и в прорехах разомкнутой Коловерти зияет Сверхбожественное НИЧТО — наша изначальная подлинность, — где твои «боги» и где твои «пророки», о человек?
3. Ты — Чёрное Пламя, пылающее *внутри*; поток [ума], повернувший вспять, обратно к Источнику; *разбитое* Сердце Мастера, выжженное безжалостным [к ложной самости] пламенем Чёрного Солнца *Неспящих*.
4. Ты — то, чего не «было», ибо ТЫ — ЕСТЬ.
5. Ибо — ТЫ ЕСТЬ Я.

Sapienti sat!

[2018]

V.L.S.L.V.:
Радение на Кургане

1. **КАК** СИЛА КОРНЯ незримо пребывает в цветке, так в Высшем сокрыто низшее, а в низшем таится семя Высшего. Как две бесконечности не существуют порознь, так Бездна внутри тебя, откуда взываешь к Владычице, отверзает Предвечную Бездну Её, в Коей иллюзия двойственности исчезает. Так — через растворение зримого Солнца (ложной самости) — узришь Чёрное Солнце *Неспящих* (нашу Истинную природу), кое *всегда* в зените.

2. Взойди на Курган своих прогоревших страстей и вожделений, обнажи Сердце своё (сбрось ложные покровы) перед Полной Луною и призови Ту, Которая владычествует в Смерти, дабы явилась Она, осиянная всполохами Чёрного Пламени, взошла на Ложе Любви, что есть Ложе Смерти, и на пике экстаза отсекала тебе Своим Серпом голову (символ ложной самости, привязанности к чувству «я»).

3. Огненной Кровью омытая, прахом погостов покрытая — да проведёт Она тебя по острию Серпа Серебряного, на коем отблеск Лунного света чарует Хладным Огнём смотрящего на него в сосредоточении, в Хладную Обитель Свою, где жар разгорячённого тревогами ума остывает и бурление волн утихает в безмолвии глубин.

4. Ты же без страха войди в Хлад Владычицы, остановив помыслы и оставив волнения, воссядь в средоточии Предвечного Льда, дабы Сила твоя не истекала наружу, в маяте Мира сего не убывала. Пусть Колесо Времён кружит, верша предначертанные обороты, но ты оставайся недвижим в Центре, где проходит незримая Ось.

5. Если же взыскуешь полного и окончательного пресуществления, Алхимической Трансмутации, тогда войди в Пекельную Обитель Владычицы и, отдав себя без остатка Чёрному Пламени, выжги в себе всё смертное, дабы воссиять Звездой в Несмертном НЕРОЖДЁННОМ вовеки веков — ТАМ, ГДЕ Времени нет.

Sapienti sat!

[2018]

V.L.S.L.V.:
О лярвах и эгрегорах

Нижеприведённый текст представляет собой фрагмент дневниковых записей, датированных 3 мая 2018 г., сделанных мною в посёлке Марксово, бывшем Гросс-Штайндорфе (*Groß Steindorf*), в Калининградской области во время нашего с Витой участия в выездном Балтийском семинаре Школы Северной Традиции «НОРДХЕЙМ».

Лярва (лат. *larvæ* — букв. «маска, личина») — в представлениях древних римлян дух умершего злого (по другим сведениям — молодого) человека, приносящий живым несчастья и смерть. У древних греков аналогом *лярвы* являлся *лемур*, недобрый ночной дух (греч. *Λεμόυρια*, лат. *lemures*). Для предотвращения угрозы со стороны *лярв* в Риме 9, 11 и 13 мая каждого года устраивались особые очистительные церемонии, совершаемые в ночи, — так называемые *лемурии*, или *лемуралии*, во время которых Храмы закрывались, а браки не заключались. В ряде направлений современного Окультизма *лярва* означает паразитическое психоэнергетическое образование, питающееся Жизненной Силой человека.

...ПОСЛЕ дневного разговора с приехавшими на семинар ведьмами мы с Витой беседуем о *лярвах*, полусознательных психоэнергетических образованиях, подчиняющих себе волю человека, на котором они паразитируют, стремясь лишь к одному: бесконечно удовлетворять породившее их желание-привязанность.

По сути, религиозные *эгрегоры* — это те же лярвы, делающие людей лишёнными индивидуальной воли фанатиками, всецело поглощёнными одной концепцией. Эгрегоры захватывают души людей, заставляя их воспроизводить и распространять тот набор установок и идей, которыми характеризуется данная религия.

Раскрытие в себе подлинно БОЖЕСТВЕННОГО — по ту сторону иллюзии «бога» — это Путь без дорог, без фанатизма, без одержимости религиозными концепциями, какими бы они ни были. Это открытие своей изначальной подлинности за пределами всех имён и форм. Это Духовное исцеление от раковой опухоли души, каковой является всякая религия.

Если лярва заставляет человека отождествляться с неконтролируемым желанием (как, например, в случае алкоголизма), то религиозный эгрегор заставляет отождествляться с безумной концепцией, ради которой даже неплохие, в общем-то, люди готовы заживо сжигать иноверцев на кострах...

Sapienti sat!

[2018]

V.L.S.L.V.:
Классификация Духовно-религиозных учений
в свете концепции Эонов

Нижеприведённые заметки, являясь, в общем, самостоятельным и законченным произведением, в некоторой мере являются также пояснением идей, изложенных в нашей статье «Учение об Эонах», написанной в 2016 г. и опубликованной в третьем выпуске альманаха «Warha» (V.L.S.L.V. Учение об Эонах // Warha № 3. Альманах: Язычество. Традиционализм. Путь Левой Руки / под общ. ред. Askr Svarte. Новосибирск: Изд-е сообщества Svarte Aske — Тёмный Ясень, 2016. С. 109–112).

Подробнее о Трёх Эонах (Исиды, Осириса и Хора/Гора) — в учении Алистера Кроули (1875 – 1947). См., напр., по изд.: Лон Майло Дюкетт. Эон Гора (Из книги «Понимание Таро Тота Алистера Кроули») / пер. с англ. А. Блейз // Алая Книга Бабалон. Каир: Эон Гора, 2016. С. 149–160.

СЛЕДУЯ пути радикальной Индивидуализации, являющейся Духовной основой Пути Левой Руки, практик проходит три стадии зрелости, которые могут быть, с некоторой долей условности, соотнесены с Тремя Эонами (эпохами, каждая из которых может персонифицироваться в образе соответствующего «Духа Времени»), о которых говорит в своих многочисленных трудах А. Кроули. Говоря обобщённо, речь идёт об Эоне Богини-Матери (*Исиды* — по Кроули), Эоне Бога-Отца (*Осириса*, или «Умирающего Бога») и Эоне Духовного Синтеза, выраженного в образе Божественного Ребёнка (*Хора* либо — в устаревшей транскрипции — *Гóра*, сына Исиды и Осириса).

Первая стадия, связанная с архетипом Матери, характеризуется естественной неотчуждённостью от Божественного, подобно тому, как младенец неотделим от матери, которая, в идеале, любит его безусловно, не за что-то конкретное, не предъявляя жёстких требований личностного роста и самосовершенствования.

Вторая стадия, связанная с архетипом Отца, характеризуется чувством раздельности, а иногда и крайними формами отчуждённости от Божественного, воссоединение с Коим представляется результатом сознательной работы над собой и следования господствующим (в данном месте и в данное время) культурным и религиозным предписаниям, неотклонения от норм традиции, утверждаемой обычаем «правильности», и воздержания от всего «неправильного», не вписывающегося в привычные

рамки. На этой стадии человек учится действовать, следуя не столько Любви (Ладу), сколько Порядку (Ряду), стараясь личными усилиями «заслужить» приязнь и Любовь Бога.

На третьей стадии, характеризующейся Духовным Синтезом и связанной с архетипом Божественного Ребёнка, человек на более глубоком уровне САМО-осознания непосредственно *видит* свою сущностную нерасторжимость с Божественным и вновь открывает для себя безусловность Божественной Любви, постигая Изначальное Духовное ЕДИНСТВО Бога и Богини, Матери и Отца — Интуитивной Мудрости и Рационального Метода — в себе самом. При этом он отменяет догматизм и формализм надуманных «законов» и внешних религиозных предписаний, следуя своей внутренней, установленной им для себя дисциплине, и для него открывается истинный смысл слов из «Книги Закона» (I.40), провозглашённой Даймоническим гением Кроули для детей Нового Эона: *Do what thou wilt shall be the whole of the Law* — «Поступай согласно твоей [Истинной] воле, вот весь Закон».

О психологическом аспекте «матриархальных» и «патриархальных» религий блестяще писал немецкий философ и психолог Эрих Фромм (1900 – 1980) в своей знаменитой книге «Искусство любить» (1956):

«Любовь матери безусловна, дает защиту, обволакивает человека; в силу своего безусловного характера она самовластна и не может быть приобретена. Ее наличие дает любимому матерью человеку ощущение блаженства; отсутствие вызывает чувство потерянности и полного отчаяния. Поскольку мать любит своих детей просто потому, что они — ее дети, а не потому, что они “хорошие”, послушные или выполняют ее пожелания и команды, материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что все они — дети матери, все они — дети Матери Земли.

<...> Природа отцовской любви заключается в том, что отец предъявляет требования, устанавливает принципы и законы, а его любовь к сыну зависит от покорности последнего. Отец больше всего любит того сына, который в наибольшей мере на него похож, который наиболее послушен и лучше всего подходит на роль преемника, наследующего собственность. <...>

Необходимо было рассмотреть эти различия между матриархальными и патриархальными сторонами религии, чтобы показать, что характер любви к Богу зависит от их соотношения. Патриархальный момент заставляет меня любить Бога как отца: я считаю, что мой отец справедлив и суров, что он карает и награждает, что со временем он признает меня своим любимым сыном... В матриархальном отношении я люблю Бога как всеобъемлющую мать. Я верю в ее любовь, верю, что, как бы я ни был беден и бессилен, как

бы я ни грешил, она будет меня любить... что бы со мной ни случилось, она меня спасет и простит. Нет нужды говорить, что моя любовь к Богу и любовь Бога ко мне не могут быть разделены. Если Бог — отец, он любит меня как сына, и я люблю его как отца. Если Бог — мать, его и моя любовь определяются этим фактом»⁸⁴.

И далее:

«В доминирующей на Западе религиозной системе любовь к Богу, по сути, то же, что вера в Бога — вера в существование Бога, в справедливость Бога, любовь Бога. Любовь к Богу — это главным образом мысленный опыт. В восточных религиях и в мистицизме любовь к Богу — интенсивный чувственный опыт единения, неразрывно связанный с выражением этой любви в каждом жизненном акте. Наиболее радикальная формулировка этого постулата дана Майстером Экхартом: “Если бы я преобразился в Боге, и Он сделал меня единым с собой, тогда, раз я в Боге живу, не было бы различий между нами... Некоторые люди воображают, что они смогут увидеть Бога — увидеть Бога, будто Он стоит там, а они здесь, но это не так. Бог и я — мы Одно. Познавая Бога, я принимаю Его в себя. Любя Бога, я проникаю в Него” [Майстер Экхарт (Meister Eckhart. N.Y.: Harper & Brothers, 1941)].

Теперь мы можем вернуться к важной параллели между любовью к родителям и любовью к Богу. Младенец начинает с привязанности к матери как к основе существования. Он чувствует себя беспомощным и нуждается во всеобъемлющей материнской любви. Затем он обращается к отцу как к новому объекту любви; отец учит его управлять своими мыслями и действиями; на этой стадии ребенком движет потребность заслужить одобрение отца и избежать его неудовольствия. По достижении зрелости человек освобождается от материнского покровительства и отцовского руководства. Он устанавливает в самом себе материнский и отцовский принципы. Он становится собственными родителями и теперь сам себе отец и мать. В истории человеческой расы мы можем видеть — и предвидеть — то же развитие: от любви к Богу как привязанности беспомощного существа к матери-Богине — через привязанность-послушание к Богу-отцу — к стадии зрелости, когда Бог перестает быть внешней силой, когда принципы любви и справедливости поселяются внутри человека, когда он становится един с Богом и тогда уже говорит о Боге [в значении некоего отдельного,

⁸⁴ Цит. по изд.: *Фромм Э. Искусство любить* / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2016. С. 129–130, 132.

сверхъестественного «существа». — прим. В.] только в поэтическом, символическом смысле.

Из этих соображений следует, что любовь к Богу не может быть отделена от любви к родителям. Если человек не способен отказаться от кровосмесительной привязанности к матери, клану, нации, если он сохраняет детскую зависимость от наказывающего и награждающего отца и любой другой власти, он не сможет развить в себе зрелую любовь к Богу; тогда он остается на нижних ступенях религии и богопознания, на которых Бог воспринимался как оберегающая мать или наказывающий и вознаграждающий отец.

В современных религиях мы обнаруживаем все эти стадии развития — от самых ранних и наиболее примитивных до высочайших. Слово “Бог” обозначает и племенного вождя, и “абсолютное Ничто”. Точно так же каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как показал Фрейд, все стадии своего развития — от беспомощного младенца начиная. Вопрос заключается в том, насколько человек вырос. Одно несомненно: природа его любви к Богу соответствует природе его любви к человеку; более того, истинное качество любви к Богу и к человеку часто оказывается неосознанным, оно скрыто и рационализируется по мере все более зрелых размышлений о том, что собой представляет его любовь. Любовь к человеку, напрямую укорененная в отношении к своей семье, в конечном счете определяется структурой общества, в котором человек живет. Если социальная структура предполагает подчинение власти правителей или зависимость от рынка и общественного мнения, его понимание Бога может оказаться инфантильным и незрелым, семена основания для этого имеются в генезисе монотеистической религии»⁸⁵.

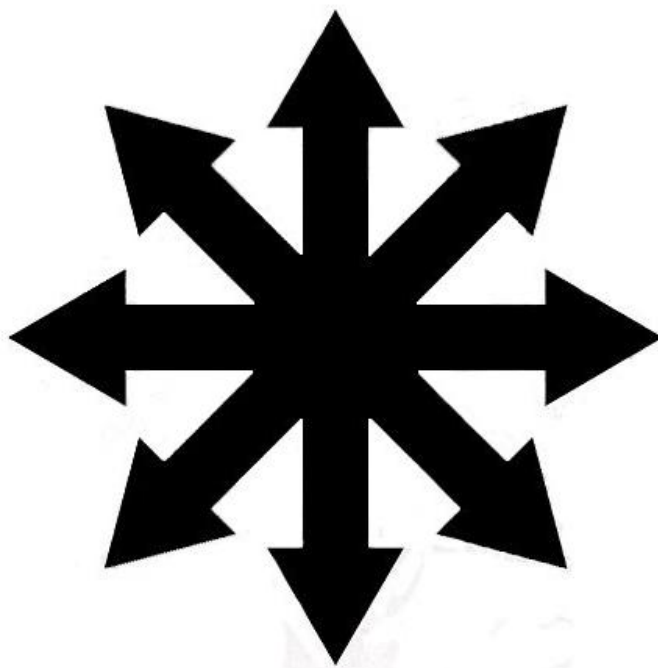
К сказанному выше можно добавить, что равенство детей перед Богиней-Матерью нисколько не противоречит утверждению *уникальности* каждого отдельного индивида, в то время как равенство перед религиозным «законом», приписываемым церковными функционерами большинства господствующих религий Богу-Отцу, требует от людей *одинаковости* и рабского законопослушания, превращающего их из органических частей Всеживой Матери Природы в механические «детали» бездушной машины Демиургического аппарата подавления, сломать и превзойти который призвана Хао-Гностическая Революция в умах освобождающихся от церковного диктата индивидуумов, следующих не предписаниям лукавых

⁸⁵ Фромм Э. Искусство любить. С. 152–156.

«пастырей», к какой бы религии они ни принадлежали, но своей Истинной Воле, единой с Волей БОЖЕСТВЕННОГО.

Sapienti sat!

[2018]

V.L.S.L.V.: О Сословном Знании

ВСЯКОЕ истинное знание сословно. Только профаническое знание, не выходящее за рамки грубой обыденности, доступно всем без разбору. Но даже оно, в конечном счёте, может использоваться по-разному — в зависимости от того, *кто* именно его использует, с какой *целью* и с какой *мотивацией*.

Традиционное знание всегда определяется метафизическим статусом его носителя. Так, согласно Гностическому взгляду, существует знание людей «плотских», или *гиликов*, знание людей «душевных», или *психиков*, и людей «Духовных», или *Пневматиков*. Тантрическое знание, определяющее уровень практикующего, согласно традиции, может предназначаться для людей «скотьей» природы (санскр. *пашу-бхава*), связанных узами плотских обусловленностей, для дерзновенных «героев» (*вира-бхава*) либо для следующих своей Божественной Природе (*Дивья-бхава*). Причём для *гиликов*, равно как и для *пашу*, ещё не существует Знания в высшем смысле, — и это не вопрос их недостаточной осведомлённости в тех или иных областях, а следствие их метафизического неведения (ср. санскр. *авидья*), внутренней неготовности к адекватному восприятию Духовного Знания.

Современное Славянское Родноверие вслед за Ведической традицией (*Варнашрама-Дхарма*) говорит не о трёх, а о четырёх основных сословиях: Труженическом, Купеческом, Княжеско-Боярском (сословие Управителей и Воинов) и Жреческом. Причём к данным четырём сословиям иногда добавляют ещё два: «недочеловеков», ещё не готовых к полноценным общественным отношениям (потерявшие человеческий облик нищие, изгои), и «сверхчеловеков» — Духовно *Пробуждённых*, Истинных Волхвов — тех немногих, кто, в определённом смысле, уже вышел за пределы сословных ограничений и социальных обусловленностей.

В отличие от архаичных пластов Славянской Традиции, рассматривавших сословия преимущественно в «профессиональном» смысле (это слово взято в кавычки, так как, описывая мировоззренческие реалии Древних Славян, вероятно, правильнее было бы говорить о вере в *призванность* Богами к тому или иному роду *служения*, нежели о выборе профессии по личному желанию, как зачастую это происходит в наши дни), в современности сословные разграничения соответствуют скорее определённым психотипам, нежели собственно профессиям. Так, в наше время «брахман» может мести улицы, а «вайшья» заседать в правительстве,

«кшатрий» — отстаивать честь и правду на страницах газет, в то время как «шудра» — учить с церковной кафедры лицемерным благоглупостям.

Какие же психологические качества характерны для типичных представителей четырёх вышеозначенных сословий/психотипов? Рассмотрим их по порядку:

- Для психотипа *Труженика* актуальны только те аспекты знания, которые позволяют ему выживать, питаться и размножаться. Он не ведаёт своей Истинной Воли, но следует лишь обусловленным желаниям, животным инстинктам и вожделениям.

- Для психотипа *Купца* актуально лишь то знание, которое сулит ему личную выгоду в делах.

- Для психотипа *Воина* или *Управителя* первостепенное значение имеет знание, способное привести его к победе и славе (не важно, на каком именно поприще), а также призванное помочь правителю обрести, удержать и упрочить свою власть.

- Для психотипа *Жреца* важно, прежде всего, знание, способное ответить на вопрос о смысле жизни. Чаще всего оно касается Духовно-религиозной или научной сферы.

Внутреннее жизненное целеполагание человека определяет не только масштаб его личности, но и сущностную предрасположенность к тому или иному уровню в социальной иерархии в целом. Таким образом, даже для современных людей, в сознании которых иерархическая вертикаль практически полностью вытеснена демократической горизонталью, сословная принадлежность оказывается не только и не столько результатом личного выбора или желания, сколько реализацией глубинного метафизического статуса самого человека — следствием не только его обусловленности *личным*, но и реализацией его внутренней обращённости и открытости *Вечному*.

В заключение следует сказать ещё несколько слов о вышеупомянутых двух категориях людей, выходящих за пределы общественной лестницы: Волхвах и Изгоях.

В отличие от Жреца, являющегося вершиной социальной иерархии в традиционном обществе, Вещий *Волхв* — тот, кто радикальным образом выходит за рамки всякого обусловленного знания (внешней информированности), в том числе и религиозного, обращаясь в Сердце своём к Веданию — непосредственному Духовному Знанию, предметом коего являются не внешние объекты, но сам познающий Субъект.

Незахваченность ума мирскими проблемами может, в каком-то смысле, присутствовать и у опустившегося нищего, ум которого оказывается просто

не способен адекватно реагировать на всю сложность и многообразие внешнего Мира, и у Духовно *Пробуждённого*, раскрывшего свою Истинную Природу за пределами рациональной рассудочности. Так, первая ступень, в определённом смысле, может чем-то походить на последнюю, как простота ребёнка может быть похожа на простоту старого мудреца, и всё же эти ступени разделяют незримые бездны, о самом существовании которых «ребёнок» ещё даже не имеет представления, тогда как мудрец уже давно оставил их позади...

Sapienti sat!

[2018]

Askr Svarte: Skálar blot

Skálar/Kopf – чаша из человеческого черепа⁸⁶. Ниже мы приведем современную, основанную на личной практике, версию проклятия с использованием этого инструмента. Упоминание чаши из человеческих черепов в Песне о Вёлунде из Старшей Эдды, в контексте мести и воздаяния, дает основание использовать skálar в этом направлении и другими способами. Ниже мы приводим текст самого ритуала, а после него поясняющий комментарий.

I. Ритуал творится по Закату в кругу верных Богам.

Вдали от лишних глаз, при свете Огня и Луны.

II. Зачинающий берет в левую руку чашу из человеческого черепа и произносит следующие слова:

Череп сей – голова /имярек/, мужа недостойного!

Весь мир его жизни в наших руках,

Как чаша в ладонях.

III. Зачинающий наполняет череп Кровью названного мужа до краев, произнося следующие слова:

Кровь сия есть жизнь мужа недостойного –

Полна чаша!

Как чаша полна –

Пусть мир его кровью наполнится!

IV. Зачинающий произносит следующие слова и делает большой глоток Крови из чаши:

За /имярек/ злодеяние – выпьем Крови и Жизни его,

Каждый сколь сможет и нужным сочтет.

Кровь тела и жизни его

Нам в достаток,

Ему в убыток.

⁸⁶ См. статью Askr Svarte «Чаша из черепа: вопрос имени», Warha #4.

V. Зачинающий передает чашу налево и следующий в кругу принимает её левой рукой и произносит такие же слова либо иное проклятие или хулительный стих.

Следующий делает большой глоток и передает чашу с Кровью далее.

VI. Чашу передают до тех пор, пока не кончится Кровь в черепе проклинаемого мужа. Последние капли поровну стряхивают на землю как никому не нужные отбросы и в Огонь, дабы очистить сосуд.

Зачинающий закрывает ритуал словами:

Пуста чаша дней мужа недостойного!

Нет ему радости в жизни,

Кровь не греет тело его.

Людьми и Богами покинут.

Комментарии:

0.I. Ритуал ориентирован на практиков Путилевой Руки, твердо уверенных в своем намерении воздать должное виновнику. Иные могут счесть, что «по закону кармы» такое зло может им вернуться, и испугаются брать в руки человеческий череп с Кровью, тем более – пить из него чужую жизнь, здоровье и благосостояние.

С нашей стороны течения Жизни и Смерти — один поток, из которого и делают глоток участники ритуала.

Но все же мы не рекомендуем совершать сей блот по поводу и без, но сугубо в исключительных случаях и после того как все эмоции и страсти будут обузданы и успокоены.

I.I. Под Закатом подразумевается как буквально тёмное время суток после захода солнца, так и тёмное время Года начиная с Осеннего Равноденствия и до Йоля как наиболее благоприятное сочетание времени для такого рода ритуалов.

«Верные» — одно из названий последователей германо-скандинавской традиции; в данном контексте так же и члены одной общины, узкого круга практиков.

Свет Огня и Луны — ритуальный костер в ночи, в лесу или ином благоприятном для ритуала месте.

II.I. Чаша из черепа/skálar заклиняется и отождествляется с черепом /имярек/. Понятия «мир» и «голова», «череп» издревле связаны через миф о творении мира из головы Имира.

Во множестве традиций мира левая рука считается «нечистой» рукой, которая забирает, отнимает, в отличие от правой руки — дающей, жертвующей.

III.I. Кровью названо красное вино, которое является многогранным символом, который охватывает значения крови, духа, жизненных сил и как кровь-в-черепе — жизненного опыта и мудрости. Поэтому в ритуальных словах можно уточнить, что именно отнимают от жизни недостойного мужа участники ритуала: жизнь (срок дней), ум либо дух, здоровье или благосостояние. Фраза «пусть мир его кровью наполнится» одновременно является заклинанием-отождествлением вина в чаше с кровью и жизнью проклинаемого и пожеланием воздаяния его роду.

IV.I. Зачинающий делает хороший глоток заговоренного вина-Крови из черепа недостойного мужа, сопровождая его хулой и пожеланиями. В качестве текстов можно использовать в том числе и пряди из сохранившихся текстов традиции.

Сколько отопьет участник — столько убытка будет недостойному мужу. Следует отдавать себе отчет о последующем *особом* характере *опьянения* после сего ритуала.

V.I. Чаша передается из забирающей левой руки в забирающую руку соседа и так же налево, сохраняя замкнутый семантический круг отъятия.

VI.I. После ритуала рекомендуется разойтись молча и без оглядки на содеянное. Проклятый муж отныне считается мёртвым и упоминание его по имени и заслугам, воспоминания и разговоры о его персоне и событиях нежелательны; фактически ритуал близок и аналогичен объявлению человека ниддингом (изгоем) и может сочетаться с подобными ритуалами в совокупности.

Askr Svarte
Осеннее Равноденствие, 2017 e.v.

Valdr: Вира Вафтруднира

Что жаждет Высокий более всего, чего он ждет и в ожидании чего устремлено копье его судьбы?

Отец павших жаждет лишь мудрости; изведав, что даже Боги подвластны судьбе, он принимает её в подлинном исступлении, экстазе аутентичного бытія*. Но все же Wodinaz, будучи, вероятно, ознакомленным с покрывалом судьбы всего кóсмос* у той центрирующей оси, от которой, центробежно отрываясь, являют себя новые Heiti* бога-экстатика, жаждет, столкнувшись с тем, что изменить ему не под силу, быть готовым принять это подлинно. За этим, возможно, он ищет мудрости, за этим он сталкивается с мудрецами и зачастую сражает их, но не как его сын Тор, хотя и тот прибегал к этим приемам, но хитростью, достойной Асов.

Все же в данной статье мне бы не хотелось погружаться в столь сложные перипетии Ygg`a, но поговорить лишь об одном очень сложном эпизоде его судьбы: о смерти его сына, сияющего божества — Бальдра.

Но в тысячный раз разбирать его смерть, естественно, будет крайне скучно, сухой академический язык довольно-таки полно и во всех возможных теориях сделал это. Мы же не заинтересованы в интерпретации настолько, чтобы упускать погружение в миф и его подлинность, ибо лишь миф обладает подлинной действительностью. Мне важно погрузиться в те смыслы слов, что прорекались или не прорекались, в то, что сокрыто между строк, ибо «поэзия — это отнюдь не стихи!»*.

Так вот, нам известно, что после смерти Бальдра его водрузили на его корабль Хрингхорни для сакральной кремации, и Один, на смертном одре склонившись над сыном, якобы что-то ему сказал, но что — неведомо никому, кроме самого Равновысокого.

Óðinn kvað:

54.

Fjölð ek fór,
fjölð ek freistaðak,
fjölð ek of reynda regin;
Hvat mælti Óðinn,
áðr á bál stigi,
sjalfr í eyra syni?

Один сказал:

54.

Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
что сыну Один
поведал, когда
сын лежал на костре?

Vaḟprúðnir kvað:
 55.
 Ey manni þat veit,
 hvat þú í árdaga
 sagðir í eyra syni;
 feigum munni
 mælti ek mína forna stafi
 ok of ragnarök.
 Nú ek við Óðin
 deildak mína orðspeki;
 þú ert æ vísastr vera.

Вафтруднир сказал:
 55.
 Никто не узнает,
 что потаенно
 ты сыну сказал!
 О кончине богов
 я, обреченный,
 преданья поведал!
 С Одином тщился
 в споре тягаться:
 ты в мире мудрейший!

Речи Вафтруднира, отрывок из которых как раз касается слов Одина, представлены выше. Собственно, сами речи повествуют о споре меж Всеотцом, который, будучи инкогнито, ввязывается в прения с мудрейшим турсом Вафтрудниром, их полемика же возникает из вопрошания («Кто же мудрее?»), и вира проигравшего — его жизнь. Сам спор очень интересно рассматривать с позиции последнего диалога меж учеником и учителем, в котором учеником выступает искавший мудрости у более древних существ — турсов, йотунов, ванов — Один.

Но речь все же не об этом, а о двух словах: слове, сказанном Одином, — *mælti*, и слове, сказанном Вафтрудниром, — *sagðir*.

Начнем по порядку, *mælti* А. И. Корсун переводит как «поведал», в то же самое время, это слово является однокоренным со словом *smál* (рус. «речь»), корень которого, в свою очередь, родственен русскому «молвить», украинскому и белорусскому «мова» (рус. «язык»), древнегреческому μέλλω (рус. «хвала»), хеттскому *meld* (рус. «давать обет, читать»), но, что самое важное, немецкому *melden* (рус. «заявлять»). Именно значение «заявлять» либо «изъявлять» несёт в себе слово *mælti*. Как вы уже догадались, слово *sagðir* значит ровно то же самое — это изъявление Одина своему сыну и это самое важное, ведь заявить можно далеко не только слова, и тут мы подходим к следующему. Коллин Клири в статье «Обзор германского антропогенеза» довольно-таки подробно и ёмко указывает, что, несмотря на то, что Духом/Вдохновением (óðr) Аска и Эмблу одаряет Хёнир, а Один дарит жизненное дыхание (önd), именно имя Один исходит из слова óðr. Тем самым мы можем говорить о том, что Вегтамп есть бог вдохновляющий, одаряющий вдохновением, что, собственно, коррелирует с мифом о добыче мёда Поэзии, которую принес именно владетель Валаскьяльва.

В этой призме можно совершенно иначе рассмотреть то, что произошло с Вафтрудниром. Рассматривая эту проблему, Askar Svarte в работе «Приближение и Окружение» приходит к однозначному выводу: это победа хитростью над прожорливой жадностью и в то же самое время из-за этой жадности и некоторой узколобости этого великана. И в свете всего вышесказанного тут же встаёт вопрос: «А в чем, собственно, была хитрость Одина-Ганграда? В чем был обман, коли пред Вафтрудниром возник лишь вопрос о последнем из-явлении отца своему любимому сыну?»

Обман же скрывается в том, что Один, вполне возможно, вообще ничего не говорил, хотя великан, совершенно не поняв этого, понял иное, что пред ним сам Wodinaz, который именно из-явил, за-явил, вдохнул в тело Бальдра часть себя, но какую? Ведь Бальдр — его сын, а следовательно, и так носитель его части, хотя все же черты, которыми одаривает родитель в процессе зачатия, всегда случайны. Один же вполне мог возжелать наградить его особой частью, той, которой не наделила его природа. Он вдохнул в него самое потаённое.

Вслед приходит вопрос «зачем?». Это уже гораздо более сложный вопрос. В данный момент мне пока приходит единственная мысль, которая в некоторой степени является сквозной темой моего стихотворения «Смертный»:

Рожденный выкриком немого отторжения,
Беглец из сумрака единства бытия,
Он не искал в мольбах чужих спасения,
Он был рожден, чтобы прорваться сквозь себя!

Оторван сам, своим естественным велением,
Не раб он ужаса, единства и добра.
Отныне он — отдельное смятение!
Подобно богу, жаждет знать себя.

Он видел взрывы звезд, их озарения,
Огни туманностей, сжирающих восход.
Как Прочион, взрывающий свое забвение,
Как Антарес, зажегший небосвод.

Но ужас внемлет, ждет его сомнения,
Когда не будет силы преклонить колен,
Его лишь ожидает в дожде земли забвение,

Невинной смерти ослепленный плен.

Хоть рабством душ невольно мрак судьбы оболган,
Последний путь дозволен лишь ему,
Он Смертен, значит Богом вогнан
Познать ту тайну, Богу не дозволенную...

Один стремится к мудрости и к знанию, он жаждет смерти. Но опуститься в Хельхейм ему не дано, ведь даже ему, Привыкшему к пути, при попадании в Хель нет пути назад. Гьёлль пускает путника или душу через себя лишь однажды и лишь в одном направлении. Пути назад не сыщет тот, кто войдет в мир, что спрятан у корней Иггдрасиля. Но Третий хитер, так почему бы ему не попасть туда, одарив сына частью себя через доступное ему Вдохновение (óðr)? Почему бы не побывать там, куда не ступала нога асов? За предел тех миров, где он был, ведь даже за пределом — Утгардом — он имел возможность бывать.

Один жаждет лишь мудрости, а цена ее высока, и коли он не пожалел ради нее своего глаза, всеми родными ему богами, ради того, чтобы произошел Рагнарёк, который безусловно несет куда большую проблематику, но все же... Почему мы думаем, что тому Одину, которому Один приносил в жертву самого себя, что-то может быть дороже мудрости?

Примечания:

- * κόσμος — др.-греч. «космос, мир, действительность, пространство».
- * Согласно предложенному А. Шурбелевым переводу хайдеггеровского термина *syen*, в более древней форме.
- * Heiti — др.-исл. «имя, прозвище».
- * Евгений Головин стихотворение «В каждом взгляде издёвка/Ортанз».

Литература:

- Колин Клири «Взывая к богам»
- Колин Клири «Обзор германского антропогенеза»
- Askur Svarte «Чарующая Бездна»
- Askur Svarte «Приближение и Окружение»
- Волхв Велеслав «Шуйный путь. Чёрная книга Нави»
- И. О. Негреев «Образ Бальдра в контексте древнескандинавского культа Одина»
- А. Г. Дугин «В поисках тёмного Логоса»

Креслав Томский: К встрече с Тёмной Матерью...

Неумолимо течение времени. Каждое мгновение приближает нас к встрече с Тёмной Матерью. Что ответишь ты на Её вопросы? Прошёл ли свой путь по совести, все ли дела свои завершил, нет ли каких долгов за тобой? И от того, каковыми будут ответы, пойдёшь рядом с Ней со спокойствием душевным или же с тревогой и тяжестью.

В ночной тишине, когда ничто не мешает мыслям, время начинает замедляться, загустевать. И именно в такие моменты особенно остро понимаешь, сколь важно каждое мгновение своей жизни наполнять осознанностью, каждое своё движение направлять на самосовершенствование, на самопознание, на отсекаание лишнего, умирание старого себя и возрождение себя нового. Слава Богам Родным!

27.06.2015

Прекрасная практика — слушать тишину. Тишину вовне себя и тишину в себе. Она делает все чётче и рельефнее, позволяя увидеть скрытое от взора за пеленой звуков. Тишина есть один из способов глубинного познания себя, своей сути и своего Пути. Тишина правдива, ибо в ней нет на капли лжи и самообмана. Она изначальна и вечна, ведь была у Истока всего и будет у Края всего. Слава Богам!

28.06.2015

Современный мир с самого юного возраста вбивает в сознание людей свои базовые принципы, на которых собственно и держится: материализм, культ потребления и культ успешности. Это те самые оковы, что позволяют рабу наслаждаться собственным рабством, видеть в нем высшую ценность. Духовный поиск невозможен, пока хоть один из этих элементов имеет значимость.

29.06.2015

Наиболее явное проявление современного мировоззрения — погоня за формой без понимания содержания. Поиск правильных форм и внешних проявлений стал самым востребованным фетишем. Но все они пусты и бестолковы без взгляда ВГЛУБЬ. Это касается всех аспектов жизни

независимо от места и условий. Каждый момент несёт в себе наполненность, что открывается в глубину, в бесконечной своей многогранности и многослойности. Глубина вещей и моментов ограничена лишь открытостью и готовностью разума к познанию.

Яд материализма учит людей смотреть лишь на формы, игнорируя ГЛУБИНУ. Отравившись им, мир видится лишь бессмысленным и безжизненным куском материи, само существование которого не имеет смысла. Традиция же наполняет формы сутью, глубина которой бесконечна, познание ее не заканчивается никогда.

07.07.2015

Глупо полагать, будто человек способен познать Непознаваемое, познать Богов, не являясь одним из них. Но ещё глупее не стремиться к познанию и становлению себя Богом посредством манифестации через себя божественного в мир.

07.07.2015

Отсутствие традиционного мировоззрения и чувства прямой причастности к Традиции в современном обществе рождает совершенно причудливые формы бытия. Духовная пустота заполняется всем, что попадает на глаза, без глубокого осмысления сути. Люди, жаждущие духовного, но желающие простых ответов на все вопросы, сами становятся творцами синкретического мусора, принимающего самые разнообразные формы. Этим с радостью готовы пользоваться гуру-шарлатаны всех мастей, но с обилием информации, поверхностной и легкодоступной, многие и без этих «учителей» теряются в потоке псевдотрадиционных и околэзотерических учений. Сам принцип десакрализации мира и его проявлений приводит к поверхностности восприятия и появлению синкретических построений.

17.08.2015

Непрерывный информационный шум стал привычной составляющей повседневности. Огромные потоки информации, даже крайне важной и нужной, проносятся через сознание людей, не оставляя следа, не давая возможности для понимания увиденного или прочитанного. Этот шум не позволяет обдумывать, размышлять, он мешает процессу Познания,

подменяя его ментальной жвачкой, от которой нельзя стать умнее или мудрее. Информация не становится Знанием, она поверхностна и не предполагает процесса глубокого размышления. Знание же, напротив, невозможно получить извне, его нужно найти внутри себя, вглядываясь ВГЛУБЬ. Все прочее, сказанное и написанное, призвано лишь помочь разглядеть его.

18.08.2015

Серьёзная трудность на дороге познания — сила привычки. Рано или поздно этот вопрос касается каждого ищущего Путь. Необходимость отказываться от привычного, меняться самому и менять окружающее пространство может стать барьером к движению по дороге познания. Но преодолев его, поражаешься открывающимся просторам. Слава Богам Родным!

26.08.2015

Те, кто всю свою жизнь не может принять неизбежность смерти, не способны чувствовать жизнь! Те, кто боится тьмы, не смогут радоваться свету. Разве можно судить о красоте бриллианта, глядя лишь на одну его грань и отвергая прочие? Разве можно искать Познания, отворачиваясь от какой-либо из сторон Мира?

05.10.2015

Когда нечего сказать, умный не откроет рта, дабы напрасно не сотрясать воздух. Глупец же, напротив, бессмысленным многословием постарается прикрыть пустоту в собственной голове. Мысль способна родиться лишь среди Безмолвия, а не среди информационных помоев.

11.10.2015

Ступая во Тьму, нужно самому стать Тьмой, открыть её внутри себя и принять как неотделимое и изначальное. Ибо все иное она отторгнет и уничтожит, расплатившись страхом и безумием. Ступая к Свету, нужно самому стать Светом, цельным в стремлении к совершенству. Ибо в пламени Его сгорит все иное, неидеальное, не являющееся Им.

Приходя в Мир, ты сам являешься им, воплощённым отражением любого его проявления. Ты и всё в мире - едино! Начало и конец всего, тёмные и светлые линии, своей великолепной игрой создающие прекрасный узор бытия.

22.10.2015

Невозможно быть язычником, оставаясь в пределах зоны комфорта. Культовые места, удобные для массового доступа, примитивизация мировоззрения и обрядности - шаги к вырождению Традиции. Разговоры об интернет-обрядках сейчас воспринимаются исключительно как шутка, но это будет вполне логичным продолжением такого пути.

Язычество не должно быть удобным, подстраиваясь под запросы современного урбанизированного общества. Каждый шаг в познании Сакрального должен стать преодолением себя прежнего, преодолением собственной глупости, лени и слабости. Шагом, на пути преодоления всего слишком человеческого в себе, на пути к Сверхчеловеку. Выйти за рамки привычного восприятия, приблизиться к Божественному возможно лишь вырвав себя из ловушки комфорта.

28.10.2015

Можно всю жизнь жить формами и атрибутами, ожидая, что духовное понимание придёт следом. Можно в огне видеть лишь пламя, а в дожде — падающую с неба воду.

Но можно слушать мир, говорить с ним, быть им. В пламени костра видеть лики Богов, слышать их голоса в шуме ветвей и тишине ночного леса. Ощущать своё единство со всем сущим и ушедшим. Помнить, что каждый шаг, каждый вздох останется в веках и исчезнет без возврата. Понимать, что важно все и ничто в конечном счёте не имеет значения.

25.11.2015

Один из наиболее ярких признаков современного мира — его тяга к количественным показателям, что является прямым следствием десакрализации всех сфер жизни. «Больше! Быстрее!» — основа всего. В результате нас окружают вещи, в которые не вложено ни частицы душевного порыва, ни проблеска вдохновения, ни вдумчивой работы, и такие же люди, быстрые, суетливые, не ищущие глубины размышлений и переживаний.

Это не значит, что нужно резко отказаться от всех мертвых плодов индустриального мира, но отторгнуть от себя суету, стать Медленным человеком, который никуда не спешит, а оттого каждое его мгновение наполнено смыслом — огромный шаг к пониманию традиционного мировосприятия.

04.12.2015

Создание ритуальных предметов само по себе является мощнейшей обрядовой практикой. В определённый момент начинаешь очень чётко ощущать, что уже не можешь точно представить, каким будет результат. В такие минуты становишься проводником, с чьей помощью Иное проявляет себя в мир явный.

06.12.2015

Очень часто в последнее время приходится слышать от людей, считающих себя язычниками и вроде не глупых, аргументы из серии: «сейчас золотой век Традиции, мы прогрессируем, у нас у всех есть микроволновка и телефон с Интернетом, а значит, язычество должно приспосабливаться к новым явлениям».

Отчего-то «прогресс» и ищут в развитии технологий и техники. Наличие телефона или компьютера — показатель высоких достижений? Развивается техника, человек деградирует (в большинстве). Стал ли человек лучше? Может смелее, сильнее или мудрее? Или более способен к подвигу, самопожертвованию ради общего блага? Нет, не стал.

Современный мир антитрадиционен, для человека нынешнего нет ничего сакрального, ничего Священного. Любое явление он готов разложить на элементы и описать посредством нулей и едениц. Священный огонь на капище для людей нынешних — это или просто костёр, или процесс расщепления с выделением тепла. Праздники перехода — не более чем весёлое времяпрепровождение, игра или театр. Красный кут — необычная часть интерьера, которая не должна общего дизайна портить.

Если уж унитаз с подогревом и телевизор на половину стены — вершина развития цивилизации, то конец времён уже наступил. Если люди древности — глупые и неразумные, то вам не нужны их Боги, сожгите их изображения, а в Красном углу поставьте айфон — вершину мечтаний человека современного.

06.12.2015

В обществе Традиции, созидание, несмотря на всеобщую причастность к этому процессу, всегда несло мистический смысл. Человека прошлого в большинстве случаев окружали предметы, к созданию которых он приложил руку, помог им проявиться в мир. Ремесленник, поэт, жрец повторяют и продолжают деяния Богов, вслед за ними из Хаоса порождая Порядок, из неупорядоченности материалов, слов, мыслей, создавая нечто цельное и законченное. Таким образом, человек приближает себя к Божественному — созидая, пусть и в малом, он уже является Творцом.

Те, кто постоянно в силу своего призвания занимался созданием предметов быта (кузнецы, гончары, кожевенники), а также поэты и сказители, считались своего рода жрецами по причине своего постоянного взаимодействия с миром Иным, хаотичным и непредсказуемым, и приведения его элементов в Порядок, пригодный для мира этого.

Ныне же, несмотря на установки безмерного потребления, ищущим Познания просто необходимы практики созидания как обряд приобщения к Божественному.

14.03.2016

Мир всегда честен, тропы всегда открыты, но мало кто способен видеть их. Боги ведут нас теми путями, которые нам нужны, ничто не бывает напрасно. Глубоко несчастны те, кто вопреки всему стремится ходить чужими дорогами.

13.06.2016

Усложнение и упрощение. Два пути, оба верны, если применять их уместно, и оба ошибочны, если использовать их неправильно.

Современность в силу десакрализации бытия разделяет все сущее на профанную материалистичную сферу и противостоящую ей духовную, причем степень важности первой существенно преобладает. Быт усложняется, совершенствуется, возводится в культ. Прикосновение к Священному, стремление к познанию себя и Пути, напротив, упрощается и примитивизируется, сводится до банальной субкультурщины.

Тем, кто стремится к познанию, необходимо увидеть эти направления в своей жизни и перенаправить усилия. Усложнять и развивать свои познания и цветущую сложность Традиции — достойно и почетно для ищущего Путь.

05.07.2016

Что может более способствовать ясности разума, чем неспешное созерцание течения времени? Размышления о недолговечности всего проявленного, ведут к осознанию своей истинной природы, безмерно далекой как от сиюминутных забот о материальном, так и от пустых умствований, должных тешить эго размышляющего.

14.09.2016

Тот, кто глядит в Иное, разумом своим и внутренним взором смотрит за грань явленного, в этот самый момент не может являться человеком. Тот, кто смотрит не на обрамление из слов и понятий, а на Неназываемое, на всеохватывающую Тишину, тот сам становится ее частью. Тот, кто зрит Бездну, являет собою ее отражение, одну из бесконечного многообразия ее реализаций. Он становится проводником и воплощением, причиной и последствием ее проявления.

22.10.2016

Истоки Познания находятся далеко за рамками рассудка. Логика позволяет осмысливать лишь то, что проявлено нашему взору. Истинную природу мира, его суть, необходимо ощущать, слушая тьму ночи, всматриваясь в тишину, падая в Бездну за гранью разума.

26.10.2016

Наступает время Зимнего Солнцестояния, время абсолютной Смерти Мира, когда нет границы между миром мертвых и живых, когда неизвестно, взойдет ли Солнце, согреет ли оно своими лучами землю или Тьма останется навсегда. Это время мудрости, когда нужно выбросить из своей жизни все лишнее, отжившее, умершее, когда нужно очистить свои Сердце и Разум от хлама суеты.

В это прекрасное время отриньте слова и безмолвием разума загляните в Великую Тьму в собственном сердце!

20.12.2016

Немного из личной практики, пока свежо в памяти.

Сразу хотелось бы оговориться, что речь пойдет исключительно о личном опыте. Брать ли на вооружение — пускай каждый решает сам.

Несколько дней назад случился важный переход: старый мир умер, дряхлое светило закатилось за горизонт и более не возшло. Настала самая длинная ночь, погас свет и тепло ушло из осиротевшего мира. Кто мог знать наверняка, взойдет ли теперь молодое Солнце?

Обряд начался с самого утра. Я старался свести к минимуму все контакты с окружающими, дабы максимально отрешиться от суеты повседневности и проникнуться Тишиной этого пограничного времени.

Ближе к вечеру я собрал в мешок вещи, которые пора отпустить, которые держат в прошлом, тянут за собой груз отживших мыслей, чаяний и ненужных переживаний. В этот же мешок и супруга отправила множество мелочей, на которые нашептала все, от чего хочет избавиться. Когда, как не в это время, убрать из дома и из души все отжившее?

В предыдущие года мы проводили все эти действия малым кругом практиков, но в это раз обстоятельства сложились несколько иначе, каждый делал все индивидуально, и это позволило лучше прочувствовать Тишину, переполняющую мир.

Дорога до места заняла не слишком много времени, близилась полночь, мороз набирал силу, лес был окутан Тишиной. Крада сложена, круг затворен.

Огонь разжигается в молчании, в эту ночь не будет произнесено ни славлений, ни заговорных формул. Тьме слова не нужны, она все знает и без них, Смерть молча уводит все отжившее! Всеохватывающая темнота безлунной ночи заполняет все сознание, я сам становлюсь этой ночью. В разгоревшееся пламя бросаю все, что принес с собой, пускай уходит то, чему пора! Огонь неистовствует, принимая жертву, своим светом лишь подчеркивая мощь непроглядной Тьмы, спустившейся на мир! Восторг прикосновения к этой холодной красоте столь огромен, что не чувствуешь ни холода, ни хода времени! Дряхлый мир принес себя в жертву самому себе, действие свершилось!

Огонь догорел, круг разомкнут, ухожу не оглядываясь.

Утром взойдет юное Солнце, Мир обновился, вращается вечное коло.

28.12.2016

Сколь высокомерны вы, верящие, будто способны одними желаниями своими создавать или уничтожать Богов! Маловерные выскочки, не Высшее чтите вы, не истины ищете, но лишь тешите свое самолюбие. Быть руками Богов, их глазами и устами в мире явном — вот достойное занятие для чтущих Богов и Предков! Вдохновляться Богами, стремиться к Ним, делами своими и помыслами восхваляя Их, вот истинная радость для чтущего волю Предков!

15.11.2017

Креслав Томский
«Волотов Узел»

Чеслав Вятч:

Мы рождаемся, чтобы умирать

Мы рождаемся, чтобы умирать. Это означает, что человек появляется в этом мире, не имея конечной целью своего пребывания на планете Земля физическую смерть и дальнейшее кремирование или погребение останков, а для того чтобы в процессе жизни пройти и претерпеть множество трансформаций. Изменения, которые заключаются в смерти старого состояния, дающего тем самым начало новому этапу. Для наглядности можно привести пример с процессами трансформации личинки в куколку а затем в бабочку. Смерть личинки даёт жизнь куколке, смерть куколки даёт жизнь бабочке. Приведённый пример не означает, что у человека строго ограниченное число трансформаций. Их бесчисленное множество.

Только через многочисленные трансформации, а не состояние окаменения в одном и том же гранитном состоянии возможен прогресс и развитие, движение вперёд. Не проходя через множество смертей и рождений в течение жизни, человек создаёт болото со стоячей, мёртвой, гнилой водой. Погружаясь в застой и фиксируясь в одном и том же постоянном состоянии, человек отравляет сам себя, но что гораздо страшнее — происходит отравление духа и души с их последующей не смертью, но, скорее, угасанием. Человек, перестающий проходить через череду перерождений и трансформаций, становится даже не глиняным големом, в которого вдохнул жизнь библейский бог, а умершим при жизни ходячим трупом с погасшим внутренним огнём и солнцем — зомби. Человек же проходящий через бесконечный цикл своих своих перерождений, стремится улучшить этот мир. Вырваться из рабства существующей программы и матрицы. Выбраться самому и по возможности дать шанс перезагрузить сознание окружающим.

Сама суть всех религий и вероисповеданий, за исключением язычества и традиционализма, заключается в том, что человек на земле должен готовиться к загробной жизни или следующей реинкарнации. И главная ошибка большинства людей в том, что они клюют на эту удочку и не проходят необходимые им в течение жизни трансформации и перерождения. Люди перестают создавать новое, всего лишь имитируют прогресс и развитие. Результатом же становится всеобщая деградация и движение к ней с ужасающей скоростью. Да, стремление к деградации — это тоже движение вперёд, но противоположное созданию и созиданию нового. Деградируя, человечество создаёт копии и клоны, но поскольку копии делаются с копий, а

те точно так же производились с копий, происходит чудовищное искривление и искажение реальности.

Однако не всё так печально, и выход есть. Поскольку изначальная материя утрачена, и попытки воспроизвести её через копии, имитации, клонирование не увенчаются успехом и не вернут к жизни, её возврат возможен только через создание заново, с чистого листа. Для того чтобы это произошло, должна умереть старая, существующая система, матрица, человеческий процессор — назвать можно как угодно — и родилась новая.

Выходит так, что существующий господствующий порядок для обеспечения своей безопасности и устойчивости внушает людям конформизм и страх перед смертью. Ведь если люди перестанут бояться смерти, они с радостью и удовольствием приступят к выполнению своей непосредственной задачи: человек должен пройти множество перерождений выйдя за пределы существующей тюрьмы системы разума, сознания и ума.

Колесо сансары есть, но оно присутствует здесь и сейчас, а не в каких-либо последующих жизнях и перерождениях. Оно вращается, если человек трансформируется и переживает бесчисленную череду рождений и умираний в процессе своего существования и осознания. Колесо сансары стоит на месте, если человек увяз в сетях матрицы и оброс болотным мхом, как одна из многочисленных кочек. И пока это колесо обездвижено, системе ценностей современного мира ничто не угрожает.

Только когда люди перестанут бояться смерти и начнут переживать внутри себя смерть старых личин, обличий, состояний, этапов и рождение новых — у человечества появится шанс. Шанс на создание нового и выхода из системы големов и клонов, где главная задача людей — это их труд и производство новых ресурсов, в том числе и в виде воспроизводства своих копий.

Человек, страшась и ужасающийся смерти себя старого, не желает и рождения себя нового. А процесс бесконечных трансформаций — это наверное, и есть основная цель не только жизни человека, но и всей природы.

Мы бесконечно рождаемся, чтобы умирать бесчисленное количество раз в течение жизни.

Чеслав Вятч:

Жертва и жертвенность. Традиция и современность

В современном мире жертва и жертвенность утратили то значение, которое придавали им наши европейские предки. А порой они противопоставляются друг другу. Они не явились исключением и так же окаменели в материализме, как и все остальное. Жертва и жертвенность не символизируют собой больше взаимодействие с энерго-информационными полями и потоками энергии, внутреннюю работу и трансформацию. Отказ от чего-то лишнего, отжившего, мешающего дальнейшему росту и восхождению. В мире господствующих культа потребительства и оценочной системы жертва стала всего лишь одним из многочисленных терминов из науки криминологии и понятием, обозначающим часть любых товарно-денежных отношений или манипуляций.

В современности жертва ассоциируется с людьми попавшими в неприятные, опасные для жизни, а порой и влекущие за собой смерть обстоятельства и ситуации. Неважно, стал человек жертвой обстоятельств или действий других людей. Дальше дуалистический человеческий ум делает ещё более интересную вещь. Он проводит разделение и расщепление жертвы на безвинную и незаслуженно подвергнувшуюся надругательству над ней преступника, как над агнцем божьим, в первом случае, противопоставляя ей образ жертвы, понёсшей и получившей заслуженное наказание и возмездие, которое, по мнению невежественного большинства, она сама заслужила и спровоцировала своим поведением, действиями. Поскольку с первым случаем всё более-менее понятно, стоит немного остановиться на втором. В психологии есть термин «виктимность», обозначающий предрасположенность человека к роли жертвы. Здесь снова выходит на поверхность тема манипуляция страхами. Система, таким образом, может выставить жертву преступления в любом выгодном для себя свете. В случае когда широким массам преподносится информация, что жертва сама виновата в насилии над собой, преступник получает оправдание, а порой и одобрение общества. И никто (почти никто) не задаётся вопросом: а на самом ли деле виновата одна лишь жертва и не присутствует ли у злодея патологической тяги к постоянному переходу за черту норм поведения, постоянного стремления к деструктивному движению, развитию в себе качеств, способствующих причинению неприятностей, страданию и боли окружающим? В таких случаях общественные массы индугируют преступнику и даруют ему роль палача, вершащего заслуженное правосудие и воздающего по заслугам. Люди обрушивают весь свой «праведный гнев»

на жертву, откликаясь на манипуляцию выхода гнева и алча свершения человеческой справедливости. Они даже не задумываются (не могут или не хотят) над тем, что они могут оказаться точно в такой же ситуации, когда над ними будет совершено противоправное действие, а в довершок они будут объявлены виновными в этом. Здесь включается манипуляция группами и толпами и различие справедливости человека и справедливости природы и мироздания.

Следующая ассоциация с жертвой связана с господствующими товарно-денежными отношениями. Это навязывание и необходимости выбора из двух зол меньшего, и необходимости довольствоваться малым, и многое другое. При этом не даётся даже полунамёка на то, что в случае, когда не устраивает ни один из двух предложенных вариантов, всегда существует возможность выбрать либо создать третий, свой собственный. В этих рамках, например, человеку объясняют, что для того чтобы получить сухарик, надо отказаться от конфетки, а то и вовсе отказаться и от того и от другого и довольствоваться коркой чёрствого хлеба и кружкой воды, чтобы не выделяться и быть как все. Создается иллюзия возможности достижения цели через отказ от чего-либо привлекательного для человека, принесение в жертву, отказ от цели, предмета ради того, что общество считает более ценным, но для самого жертвующего то, от чего он отказывается, может занимать гораздо более высокую ступень в иерархии приоритетов, чем в общественной. Так же возможны призывы к жертвованию какими-то личными целями, задачами, приоритетами ради блага общества.

Следует отметить также манипуляцию жертвой и жертвенностью. Люди упрекают других в том, что они не ценят совершённые ради них жертвы, перечисляя то, от чего они отказались ради блага друзей, знакомых, партнёров, пытаясь манипулировать ими таким образом. На самом деле такая жертва приносится из-за банальной жажды обладания и наживы. Желания обладать кем или чем-либо, привязать человека к себе, сделать его зависимым от своих манипуляций, поработить его волю и психическую энергию.

Впрочем и современные родноверы (в большинстве своём) относятся к жертве и жертвенности с позиции материализма. Жертва воспринимается с позиции принципа «ты мне — я тебе» и «баш на баш». Приносят и возлагают требу богам с целью купить или получить в результате натурального обмена какие-либо необходимые блага. При этом отвергается необходимость внутренней трансформации и работы над собой. Можно предположить, что обряд и треба на капище — это лишь видимая часть, финальное логическое завершение. Это может быть свидетельством завершения какого-либо

действия, принятия решения о следовании по новому пути, приобретения нового намерения или свершения старого, завершения внутренней трансформации. Таким образом, принесение жертвы — это не только и столько чисто машинальное и неосознанное действие после прочтения человеком книг. Действие по инструкции, как бездушные роботы, воспроизведение в точном соответствии полученной информации, слепое копирование. Надо не забывать, что всем обрядам и жертвам и требам на них предшествовала внутренняя работа, концентрация энергии и мыслей. Обрядовое действо получается частью целого, явной его частью, и рождает в результате новые мысли, идеи, выход на новый уровень, готовность к новым свершениям. Возможно, уместно будет сравнить это с вынашиванием ребёнка. Если подготовка к явному обряду была проведена не в полном объёме, спустя рукава, не должным образом, то и обрядовое действо будет выглядеть как недоношенный или мертворождённый ребёнок, сколь бы насыщенным и красочным оно ни было.

Жертвенность же заключается не в готовности умереть физически или расстаться с чем-то во имя великой цели или великих идеалов, во благо родной земли, ради процветания народа или общества. Для этого придумали понятие «патриотизм». Жертвоприношение и жертва — это готовность перейти на новый уровень, стремление к развитию. Принести в жертву привычное, обыденное. Совершить поступок, действие, на которое наложил табу коллективный разум. Совершая подобный обряд, человек приносит в жертву свой прежний образ жизни, образ мышления, осуществляет в себе алхимический процесс. Катализирует качественные изменения и трансформацию в себе, в своих психике и сознании, приближаясь к созданию своего собственного философского камня и обретению своего Грааля.

Принесение жертвы богам — это не просто строгое соблюдение церемониала и механический повтор действий, облачение в установленного образца одежды или принесение строго предписанной инструкциями требы. Это внешние явные проявления внутренних процессов. Безусловно, для большинства они важны и необходимы. Однако одного лишь явного, явленного недостаточно, чтобы полноценно взаимодействовать с энерго-информационными полями, эгрегорами и подключения к ним. Необходимо ещё пройти путь подготовки к обряду, внутренне подготовиться, произвести внутреннюю настройку. Подготовить себя не просто к отречению от чего-то старого, что человек считает более не нужным, отказу от мирского и уходу в монастырь. Завершение процесса внутренней подготовки и трансформации выражается в готовности принятия событий, их причинно-следственных связей, законов и закономерностей мироустройства, циркуляции потоков

энергии без попыток изменить их или подмять их под себя. Не пытаться манипулировать ими, а взаимодействовать. Через принятие их и осознание работать со своей точкой сборки и картиной восприятия мира. Возможно это и есть истинные и правдивые понятия жертвы и жертвенности.

Необходимо стремиться к сочетанию в жертве и жертвенности духовной и материальной составляющих обряда.

Чеслав Вятч:

Реконструкция или возрождение?

Какой путь выбрать человеку в современном мире: путь реконструкции или путь возрождения?

Сама по себе реконструкция — это копирование. Повторение или воспроизведение когда-либо использованных человеком предметов, одежд, обрядов, привычек, событий. Копирование на кальку того, что когда-то давно делали люди, их образа жизни. Поскольку процесс реконструкции не рассматривает возможность адаптации старины к современному миру, он исключает использование современных технологий и наработок. Чем глубже люди погружаются в процесс реконструкции, тем больше они становятся рабами вещей и аутентичности. Для человека становится важнее правильно сшить мундир, станцевать мазурку и прочие элементы слепого копирования. Человек забывает, что важна не только эта мишура и бутафория. Не менее важным представляется проникнуться духом того времени, понять и вникнуть в его суть. Можно быть носителем белогвардейских, европейских традиций, традиций и обычаев своего народа, не имея в шкафу на вешалке мундира корниловца, кельтского или скифского нарядов либо расшитой яргой рубахи. Увлекаясь реконструкцией, надо помнить что человеку погружение в другую эпоху необходимо не для того, чтобы убежать от реальности и скрыться от неё на какое-то время в сотворённом его воображением пространстве. Проникая в глубины прошлых веков, людям прежде всего необходимо извлекать опыт предшествующих поколений и возможность его применения в современных условиях. Путём переноса опыта прошлого в современный мир, через проживание его в современности. Таким образом он обретает форму через действие и возрождается вновь, как феникс из пепла, а не становится лишь описанием эпохи из очередной книги. Так же как и слова приобретают магическую силу и образ лишь тогда, когда каждое слово пережито и осмыслено, живёт как самостоятельный образ.

Возрождение отвергает главенство материальных фетишей. Преобладающее значение имеют символы духа и силы воли, а они у каждой эпохи могут быть свои и меняться. Важно то, что движет эпохой, приводит в движение череду событий мира. Необходимо научиться взаимодействовать с духом эпохи, а не обёрткой, хотя любители аутентичности могут закидать за такое высказывание соплями и галошами. Слепое копирование манер и обычаев не наполняет сосуд полноценно. Можно в точности копировать Корнилова или Врангеля, а внутри оставаться большевиком и интернационалистом. Разрыв между внешним и внутренним заметен у очень

большого числа реконструкторов. Что неудивительно, поскольку большинство людей в этом мире готовы содрогаться от поломки вещи, но не от угнетения и порабощения духа и воли.

Любое слово с приставкой «ре» отбрасывает людей назад или противопоставляет друг другу человеческие массы. Заставляет их ходить по замкнутому кругу, не давая разорвать его границы и вырваться за его пределы.

Реконструкция без возрождения и перерождения духа и воли — всего лишь обёртка, пусть яркая и заманчивая, но без содержания, бездушная.

Кирилл Евсеев: Уход в лес

Город и Лес — это два противоположных типа существования. С одной стороны, мы имеем окаменелости, довольно мрачные кристаллизованные трупы, стены, границы и искусственный, инфернально-прометеевский огонь. Безусловно, это формирует особый тип мышления и мироощущения.

Находясь в таких условиях, мысль становится аналогично твёрдой и бездушной. Но надо понимать, что эта твёрдость лишена всяческих бытийных оснований, эта твёрдость несопоставима с центром, она — не порождающая сила. Напротив, эта твёрдость проявляется субстанционально и в самом титаническом смысле.

Можно провести мифологическую аналогию и сказать, что мысль Города является тенью пещеры теней. Тенью тени. Ведь современный Город — это гиперреальность, порождающая иллюзию другой, уже состоявшейся иллюзии.

К тому же может ввести в заблуждение и скоротечность жизни в Городе: куда-то кто-то бежит, кто-то куда-то едет, вот мать с ребёнком, а там мужчина опаздывает на работу. У всех свои дела и заботы, но было бы ошибкой представить такой тип существования как нечто подвижное и живое.

Поистине, человек города — это спящий человек с сумеречным сознанием, не видящий ни тьмы, ни света, пребывающий «между». Человек с таким неопределённым, временным ощущением постоянно ждёт конца. В очереди жаждет наконец уйти из неё, с работы — домой, из дома — ещё куда-то и так до бесконечности.

Действия и ожидания полностью лишены смысла, а значит, мы вправе утверждать, что человек в городе не принадлежит сам себе и отчуждён от своего «Я». Это, скорее, роковая необходимость, растрчивать себя в угоду скоротечности, чтобы и дальше поддерживать этот безумный ритм, в котором нельзя остановиться — иначе тебя раздавят, съедят, убьют и просто распылят.

Такова опасность пассажиров «Титаника» (ярчайший пример проигрыша автоматизма и механизации): покуда он плывёт, и за окном мелькают приятные виды, впечатление, подкрепляясь комфортом техники, конструирует это чувство свободы, жизни и движения. В этом и заключается причина утраты ощущения подлинной свободы и основ бытия. «Можно ли, оставаясь на Корабле, в то же самое время сохранять способность принимать собственные решения, что означает — не терять своих корней, укрепляя их

связь с первоначалом? Это и есть подлинный вопрос нашего существования». Это такая «шутка системы»: ты должен участвовать в этой игре по зову чистейшего абсурда.

Люди, которые замечают, что мимолётность делает из Человека ресурс, сразу оказываются выброшены на периферию общественной жизни и становятся объектами «страдающими в назидание»: им остается только юродствовать, бегать голышом по Невскому проспекту с криками о приближающихся всадниках Апокалипсиса. Злая ирония в том, что они правы. Человек, обнаруживший себя в колесе, осознавший, что всё происходящее с ним уместается в несколько экономических показателей — самый опасный враг, обезумевший от ярости берсерк с разгорающимся пламенем в сердце, подлинно ощутивший свою волю к власти.

И тут происходит переломный момент, та пограничная ситуация, которая может решиться только в пользу Леса. Других вариантов нет, альтернативы вообще никакой нет. Лес по своему онтологическому основанию не имеет границ как таковых. Он не искусственен, не иллюзорен. Он всегда жив, всегда стремится разрастись, поглотить своей волей всё остальное. Он движется, поскольку всегда находится в покое. В нём есть вечный царь, сидящий на своем вечном троне и созерцающий это вечное царство — непрерывное, постоянно обновляющееся. Подданный такого царства — дерево. Оно ничем не ограничено и, более того, не подчиняется чьей-либо воле. Но одновременно с этим дерево сохраняет свою связь со всей остальной «корневой системой», непосредственно королём, Вечностью.

Человек (он же Одиночка) переходит из состояния полной отрешённости, отчуждённости от капитала жизни — к обособленности языческого империалиста. Этот переход Эрнст Юнгер назвал «Уходом в Лес». Людям, не сделавшим этот выбор (а они и не могли, ибо автоматизация как причина порождает фатализм как следствие: Система диктует правила самой Системы, это замкнутая аксиома), не суждено понять трагический героизм такого поступка, ведь Ушедший в Лес по определению оказывается обречён, «объявлен вне закона».

С этого момента Человек интегрирован в процесс становления Вечности. Теперь каждое его действие, слово, мысль — пронизаны абсолютными смыслами. В лоне Леса он существует Всегда, а не только Сейчас. Снята необходимость поиска «дома» — он уже там.

Возвращаясь к примеру «Титаника», также следует заметить и понять, что у пассажиров происходит инверсия в понимании Основы. «Поскольку всё движущееся завораживает взгляд, для большинства пассажиров Корабля

остаётся скрытым то, что они одновременно пребывают в совсем ином царстве — там, где господствует полный покой.

Второе из этих царств настолько превосходит другое, что кажется, будто оно обращается с первым как со своей игрушкой, как с одной из своих манифестаций, которых у него огромное множество. Второе царство — это гавань, это родина, покой и защищённость, которые каждый несёт в себе. Мы называем это Лесом».

Это дихотомия между Временным и Вечным, «Титаником» и Лесом. Нигилизм эпохи порождает вредоносное представление о том, что всякое движение значительнее покоя. Но совершенно забывается искусственность этого движения, происходящего благодаря технике. Всё это лишь корявая пародия на цельную жизнь, движение которой строится вокруг покоя. Покой — это всегда потенциальное движение, но движение не всегда стремится к покою, следует уяснить это различие, которое при пренебрежении может разрушить не только своё «Я», но и всё вокруг.

Если человеку удастся хотя бы на мгновение это понять, почувствовать тот твёрдый центр, вокруг которого вращается эта карусель, он приобретёт себе безопасность: всё временное утратит для него не только свою грозность, но и свою кажущуюся осмысленность. Мы будем называть подобный шаг Уходом в Лес, а человека, совершающего его — Ушедшим в Лес.

ТРИБУНА

Влассис Рассаис: Восстанавливая подлинную европейскую идентичность

(Речь на Европейском конгрессе этнических религий (ECER) в 2014 г., Латвийский Сейм, Латвия)

Европа — это континент, на протяжении веков породивший множество великих культур, этнических традиций и цивилизаций, общими характеристиками которых были достоинство и самоопределение человека, стремление к доблести и истине, почтение перед священным, уважение к природе, утверждение личного достоинства на протяжении всей жизни и обретение сопутствующего уважения, а также идеал свободы.

К сожалению, эта палитра различных, но комплементарных политеистических культур, этнических традиций и цивилизаций прекратила свое существование, когда странная, экспансивная и нетолерантная восточная религия решительно вторглась сюда и потребовала полного исчезновения всего, что люди знали и хранили как священное и сохраняли как народные и духовные ценности. Что последовало за этой беспрецедентной инвазией в Европу, более или менее, но известно. Абсолютный культурный и интеллектуальный коллапс, варварство, монотеизм и суеверия, ненависть ко всему, что было раньше, политическое самодержавие и безумная, всепроникающая теократия, моральный упадок, унижения, геноцид и этноцид и, конечно же, пламя. Пламя, которое возникло и поглотило несчастных людей, мастеров литературы и искусства и всего, что прямо или косвенно выражало старый «языческий» мир, который новые правила приговорили к уничтожению.

Наихудшим следствием всех этих бедствий было разрушение самосознания политеистических «этносов» [ethne — прим. переводчика] Европы и постепенное уничтожение их этнической памяти. Многочисленные поколения несчастных людей проводили всю свою жизнь без какого-либо реального представления о собственной идентичности или о том, кем были их предки и как они видели самих себя, не подозревая и об истории земли, которую они занимали. Они даже забыли термин «патрия» (patria — отечество), и на протяжении многих веков континент был свидетелем того, как его дети жили абсолютно отчужденными от её [Европы] души, принужденными верить, что они были «оцивилизованы» окровавленным мечом Константина, Карла Великого и других убийц-монотеистов, которые молились тьме как свету. Они даже дошли до того, чтобы экспортировать свое варварство и нетерпимость сначала в форме кровожадных крестовых

походов на Восток, а затем в виде кроважанных «исследований», согласно их собственному словарю, «новых миров» [Нового света].

Проблески света дохристианских времен вернулись в нашу любимую Европу только в последние несколько веков и только через долгий и болезненный путь вновь-установления, возрождения, революций, Просвещения и, конечно же, через постепенное вновь-обретение забытой родной идентичности в среде интеллектуального авангарда различных европейских этносов. Начиная с XIX в., согласно хронологии высокомерной религии, которая дерзнула поделить историю человечества пополам, большинство людей в Европе осознают, что они не являются аморфной человеческой массой без корней под властью Креста или Корана, но они суть потомки исторически существовавших и в большинстве своем великих и превосходных древних народов.

Некоторые из этих европейских мыслителей, включая нас, развили глубинные прозрения в эту тему. Все те, кто воспринимает время циклично, а не линейно, отлично знают, что история не имеет финальной точки, но просто следует интенциям и течениям, которые создаются в ней историческими субъектами в каждый момент поворота колеса Вечности. И они также хорошо знают, что тот, кто хочет завоевать титул «исторического субъекта», должен сделать свои идеи и тезисы живыми и привлекательными на общем поле, чтобы человечество выбрало их на следующем витке в бесконечном фрактале истории.

Для нас каждый частный момент присутствия содержит отсылку. Каждый момент оживляет все прошлое и включает в себя динамику всего будущего. Взирая на вещи таким образом, мы — те, кто представляет народные, этнические, родные, древние, но все так же живые Традиции и Религии Европы, — усердно трудимся над тем, чтобы наши аутентичные коллективные идентичности перешли от статуса духовной привилегии просвещенного авангарда к уровню гордой пробужденной идентичности всех европейцев перед лицом замечательной мозаики местных культур, этнических традиций и цивилизаций их предков. Мы восстанавливаем идентичность Европы. Мы восстанавливаем наши истинные системы ценностей и пути. Наша цель ясна: восстановить однажды сраженные, но не уничтоженные культуры наслаждения, свободы, политеизма, достоинства, благочестия и честности, и, будучи эллином, позвольте мне добавить: гуманизма, благозакония Эвномии и полиархии.

Пусть свет Бога Аполлона всегда светит на вас.

Спасибо вам большое за ваше внимание.

Пер. с англ. Askr Svarte

Интервью с Андерсом Нильссоном, главой AFA-Scandinavia

От лица трех русских языческих журналов — «Саги», «Северного Ветра» и «Warha» — мы приветствуем вас и благодарим, что вы согласились ответить на наши вопросы.

Для начала, представьтесь пожалуйста нашей аудитории.

Меня зовут Андерс Нильссон, я живу на западном побережье Швеции. Я рос среди петроглифов бронзового века, вырезанных на камнях, в области очень богатой на археологические находки начиная с каменного века. Мне 40 лет, я практикующий асатруа с 15 лет, но моё духовное пробуждение случилось очень рано, как я думаю, в силу того, что присутствие предков здесь очень явственно. Последние три года я являюсь организатором (Folk Builder) мероприятий Asatru Folk Assembly.

Также я основал глобальный ритуальный день, посвященный Одину, девятого числа каждого месяца в 21:00 мы проводим всемирный ритуал для активизации и инвокации силы и архетипа Одина в нашем народе. Ритуал проводится уже 20 месяцев, на сегодня свершено свыше 4000 ритуалов в 24 странах. В качестве ремесленника я создаю и изготавливаю все наши ритуальные принадлежности и статуи. Ну и, конечно же, я гордый отец двух маленьких воинов.

Можете рассказать подробнее про Asatru Folk Assembly-Scandinavia для русскоязычного сообщества? Как много участников в вашей организации, какова ваша главная цель?

Asatru Folk Assembly — это организация слова и дела; наше сообщество объединяет активистов, в чьём центре внимания находятся Боги и ритуалы Севера, но мы также имеем долгую традицию в образовании и написании книг и текстов на эту тему.

В Скандинавии мы до сих пор являемся относительно небольшой группой в 40 членов, но как международная организация мы, без сомнения, крупнейшая этноцентристская (folkish) группа. Но я хочу заметить, что в духовной организации решающую роль играет не количество, а сила и качество участников. Мы здесь не для того, чтобы расти экономически или быть настолько большими, насколько это возможно, как делают другие религии; мы здесь для того, чтобы пробудить и взять ответственность на себя за наш народ, вот что нам нужно.

Наша максимальная цель, что очевидно, — это возродить Асатру как естественную часть жизни людей, вновь реализовать уважение и почитание нашей природы, а также почитание предков. Но кроме того — помочь нашему народу вновь отыскать духовность, которая возвысит их над тем, что тянет их вниз.

Как нам известно, АФА является этнически-ориентированной (folkish) структурой. Вы можете прояснить принципы, лежащие в основе этого пути?

Наша вера приоритетно основана на том, что мы воспринимаем себя как прямую связь с нашими физическими и духовными предками. То же самое применимо ко всем гомогенным народам в мире; мы суть те, кто ближе всех к нашим Священным силам, что наследуется через кровь/Хамингью или ДНК, если хотите. Но вместе с тем, мы не презираем другие народы. Мы стоим за подлинный мультикультурализм, где каждый обладает возможностью развивать свои уникальные возможности, когда современный лживый мультикультурализм, преобладающий на Западе, скорее ставит своей целью смешать всех нас генетически. В конечном счете это ведет к появлению исторически и культурно никогда не существовавшей серой массы [Андерс противопоставляет принцип «мультикультурализм как плавильный котел» принципу «мультикультурализм как этническая автаркия каждого народа». — прим.переводчика].

Мы наследуем воспоминания, травмы, фобии и т. д. от наших предков, что ученые многократно подтвердили. Это можно сравнить с древнесеверным концептом Хамингьи или «удачи», которая, согласно нашей вере, следует за людьми и расами.

Как обычный человек может стать членом АФА? Должен ли он или она пройти некое собеседование? У вас есть специальные ритуалы посвящения новичков? Может ли кто-то быть изгнан из организации и по какой причине?

Врата Asatru Folk Assembly открыты для народов, которые можно отнести к белой расе, и мы держим большую дистанцию от современных сексуальных перверсий по той простой причине, что они являются отрицанием продолжения жизни.

Если вы хотите стать нашим членом, то вы должны заполнить заявление на сайте www.runestone.org, и оно отправится на рассмотрение главе

локального отделения в вашем регионе. Задача главы (Folk Builder) рассмотреть, насколько персона заявителя совместима с нашей «семьей». Причина такого контроля заключается в том, что мы хотим выстроить организацию-содружество — совместимость индивидуумов с организацией первоочерёдна, потому что лучшее в организации — это её члены.

Да, человек может быть исключен, если он нарушает наши внутренние правила или если он больше не может разделять тот посыл, который мы несём. У нас нет формального ритуала вхождения для новых участников, но мы ожидаем от всех членов активного участия в проведении местных блотов, а также в региональных встречах и ритуалах.

Какие традиционные праздники вы в AFA отмечаете и какие из них наиболее важны лично для вас?

Мы в Скандинавии проводим восемь или более блотов в год. Четыре великих празднования: Весеннее равноденствие, Летнее солнцестояние, Осеннее равноденствие и Мидвинтер. Из этих четырех Летнее солнцестояние в честь Бальдра и Мидвинтер, посвященный Одину. — самые важные; возможно, это больше всего зависит от нашей скандинавской культуры, связанной с двумя этими праздниками, ведь Летнее солнцестояние — это неформальный национальный день в Швеции.

В течение четырех годовичных сезонов все члены собираются в выходные, наполненные лекциями и ритуалами. В иных случаях мы отмечаем малые праздники раздельно в локальных общинах.

Как вы предпочитаете обустраивать священные места: выбор места в природе (священные рощи и т. д.), постройка святилищ, предпочитаете проводить ритуал на природе или в здании? Проводите ли вы всеобщие встречи, наподобие древнего Альтинга?

Для нас в AFA-Скандинавии выбрать место для ритуала довольно легко — наша страна усыпана отметками о местах древних культов и захоронений. Блот мы всегда проводим на природе, в одном из старинных культовых мест; он сопровождается трапезой и распитием мёда. Множество наших членов регулярно справляют индивидуальные ритуалы дома или поблизости от него.

Как бы ни было заманчиво собирать деньги на строительство храма, в этом всегда есть ощущение богохульства, потому что у нас уже есть священные места, созданные до нас и для нас ранее. С другой стороны — место для встреч, лекций, курсов и мероприятий, но не для ритуалов — это

очень важно. Есть несколько отличных археологических свидетельств домов, используемых как храм, например Уппокра (Uppakra), где было обнаружено место храма, который использовался 700 лет.

Каких авторов и философские идеи вы считаете наиболее важными и полезными для неопита в Асатру и Северном язычестве в целом?

У нас сохранилось так мало записанных и доступных для изучения знаний, притом не слишком многое из них касается актуального периода, потому мы должны вести поиски в более широком окружении. Мы должны искать параллели и связи среди других индо-арийских племён и пытаться сложить это всё вместе. Это относится к пути, который я прошёл, чтобы воссоздать для себя религию наших предков, но есть и более современные мыслители, и одним из наиболее важных в моей жизни был Карл Густав Юнг по той простой причине, что он даёт нам формы и инструменты для проникновения за пределы того современного внешнего слоя, который мы имеем. Я не могу составить список всех писателей, которые были для меня важны, это было бы неплохо, но потребовало бы времени, и в большинстве случаев вы обнаружите лишь кусочки, которые придётся складывать. Это похоже на гигантскую головоломку, и, к сожалению, некоторые части будут безвозвратно утеряны. Но тот, кто ищет, — найдёт.

Являются ли члены АФА-Скандинавии группой полных единомышленников, или существует некоторый допустимый диапазон мнений в вопросах теории и практики, веры и ритуала? Сегодня спектр представлений о Богах варьируется от мнения о них как о Личностях и до практически полного отождествления их с природными явлениями или символами. Можно узнать ваше личное восприятие тех, кого мы призываем?

Внутри Asatru folk Assembly нет стандартов или правил, касающихся нашей веры, покуда наши убеждения способствуют будущему нашего народа и людей, с нашей верой тесно связанных через кровь и её память. Видеть наш духовный путь в политеизме — это одна из основ Асатру и язычества, мы не монотеисты, мы не имеем нужды в единственном боге, который бы устанавливал божественные правила, дабы направлять нас.

Мы весьма терпимы в том, что касается индивидуальных взглядов членов объединения на религию. Для меня лично Боги и Богини — смесь распространённых интерпретаций, в которых они очевидным образом

являются архетипами и символами природных явлений, и некоторые из них могут быть на самом деле чисто историческими лицами, которые с течением времени были мифологизированы. Но для меня это имеет мало значения с духовной точки зрения, для меня они живые существа, которые могут влиять на меня и моё окружение и полностью независимы от моего мнения о них. Тут, я думаю, очень много от личного опыта, того, что зовётся спасением в христианстве. Это должно быть частью опыта, который так сильно воздействует на вас в глубине вашей души, что вам не приходится сомневаться в их существовании. Мы должны перейти от разума к душе, нет нужды в учёном знании, когда переживаешь это. Большая беда современного человека, что мы непрерывно всё анализируем и пытаемся понять вещи при помощи науки. Мы убиваем всё духовное, полагая, что всё следует доказать наукой.

Наша вера формировалась в мире небольших поселений и тесной связи с Землёй. И если Боги и их могущество неизменны, где бы человек ни находился, то образ жизни больших городов диктует совсем иную организацию личного времени (меньше зависящего от годовых циклов), семьи (длинный дом и несколько поколений под одной крышей нынче — редкость), воспитания (с увеличением внешнего влияния, будь то школа, государство или Интернет) и т. д. Как бы вы сформулировали границу между гибкостью и умением соответствовать времени и устойчивостью древних традиций в наши дни?

Во-первых и прежде всего, наша вера является почитанием природы, убеждения наши базируются на опыте воздействия Сил. Большинство людей, живущих ныне поколение за поколением в созданном человеком искусственном окружении, духовно убивают сами себя. Я прожил десять лет в большом по шведским меркам городе и то, что произошло со мной, было именно такой духовной смертью. Тесный контакт, который у меня был до этого, постепенно пропадал. и в конце концов, я не смог более ощущать близость и связь с Силами. Я прошёл через духовный кризис, когда единственным решением стало снова вернуться к природе, и через год баланс был восстановлен, и я смог установить полноценный контакт снова. Потому моя просьба ко всем вам, живущим в городах, — планировать своё будущее так, чтобы вы могли жить с семьёй и близкими друзьями в глуши, настолько далеко от городов, насколько это возможно.

[Такое] видение [вопроса] резко контрастирует с современным образом жизни. Мое видение тесно связано с жизнью в малых общинах, основанных

на натуральном хозяйстве и с активной и живой религиозной и культурной идентичностью.

В вопросах веры у последователей наших Богов в целом есть общие ориентиры. А вот понимание места и роли традиционных представлений в современной жизни различается весьма сильно. Часть либеральных асатруа, насколько известно, объявила об отказе сотрудничать с теми, кто не разделяет их ценностей. Готовы ли вы вести совместную светскую или религиозную работу с последователями Северных богов, которые руководствуются нормами, отличными от ваших, но признают ваше право быть собой? Видите ли вы смысл в объединениях разных ветвей языческого мира (вроде Pagan Federation International, например) для презентации язычества как общего явления с общими интересами?

Личные политические взгляды людей — не моя забота, пока эти политические взгляды не противоречат законам природы. Я больше уделяю внимания личности человека и его кодексу чести, чем его мирским воззрениям. Но я и на дюйм не сдвинулся с места ради тех, кто активно пытается разрушить то, что я рассматриваю как жизнеутверждающее и прекрасное.

Обычно же я рассматриваю сотрудничество как один из краеугольных камней человеческого развития, сотрудничество является позитивной силой, в то время как дезинтеграция и рознь являются силой отталкивающей, это слегка напоминает разницу между асами и турсами.

Вы можете согласиться, что сегодня мы живем в эсхатологическое время Рагнарёк? Что это значит для Асатру и для вас лично? Как это знание влияет на ритуальную практику и экзистенциальный опыт традиции?

Однажды ночью, когда я стоял под звёздами и просил руководства в это тёмное время, Фрейя заговорила со мной. То, что она сказала, было настолько легко и просто, насколько сильно и верно. Чем темнее, тем легче будет увидеть свет. И это так верно в этот умирающий век и будет всё яснее со временем. В Рагнарёк это становится очевидным: или вы с силами, которые создают, или с силами, которые разрушают. В здоровом обществе эти две силы находятся в балансе, но теперь уже слишком поздно, чтобы сбалансировать их. Но это время — наиболее простое для достижения истины, как сказала Фрейя: чем темнее, тем легче будет увидеть свет.

Взгляните на ночное небо, и вы увидите далёкие солнца и сияющие планеты, что возможно только когда вокруг темно. Мы можем стать этим сияющим светом на тёмной земле так, чтобы мы повели наш народ домой.

Вы можете назвать три или более ключевые проблемы в современном Северном язычестве?

1. Древо Традиции на данный момент сломано, и все, что мы можем, это просто стараться следовать нашим древним корням. Мы не можем сейчас представить, как ствол или листва этого дерева выглядели для наших предков или каким оно должно было вырасти в будущем. Мы — всего лишь саженцы, которые возникли вокруг этого старого дерева.

2. Глобалисты — одна из основных физических и духовных проблем на данный момент. Они смотрят на нас как на людей, являющихся наименьшим возможным знаменателем, обращаются с нами как с животными и относятся как к «ресурсам», не более того.

3. Наша способность адаптироваться. Это может показаться странным, что я называю это проблемой, ведь на самом деле эта способность — одна из наших самых сильных сторон, но готовность к адаптации — это палка о двух концах. Под влиянием обстоятельств мы вынуждены подстраиваться под существующий порядок, превращаясь при этом в стадо овец, не желающих выделяться. И это действительно очень большая проблема, которая, к слову сказать, присуща поведению всех людей, а не только современных язычников. Что касается конкретно Германского Язычества и Асатру, на данный момент последователи Традиции не могут (по вышеупомянутым причинам) быть полностью свободными от оков и условностей душами, которыми мы на самом деле и являемся. Эта свободная и неконтролируемая духовность рассматривается представителями «элиты» как преступление мысли, которое стоит на пути их планов.

И последнее, но не менее важное — это проблема «отвлеченного внимания» нашего поколения. Современные люди настолько озабочены вещами, которые не приводят к самосознанию или духовному росту, что мы просто бежим от всего, что кажется нам хлопотным или морально сложным.

Как АФА оценивает актуальную ситуацию регресса аутентичных скандинавских народов и государств? Как нам известно, сегодня Швеция — это абсолютно про-феминистское, про-миграционное и анти-традиционное государство.

Вы правы, то, что происходит сейчас в Швеции, — это катастрофа. Так называемые беженцы не получают здесь лучшей жизни, по факту их ждет та же культурная деградация, что и нас. Наше общество стало настолько извращенным, что мы, коренные жители, не существуем как культурная единица и собственным правительством даже не считаемся за людей. Вскоре все существующее будет принесено в жертву на алтарь ложного разнообразия, все будет извращено окончательно и не останется ничего хорошего или святого.

Вы, русские, хорошо понимаете, о чем я говорю. Многие из вас жили в тех же серых тоталитарных системах, когда истина становилась ложью, а красота превращалась в уродство. И если кто-нибудь пытался говорить правду, ему вряд ли удавалось избежать тюрьмы и социального ostracism.

В АФА мы стремимся помочь нашим людям найти и осознать свою духовность за пределами этих серых стен. Мы сделаем все возможное, чтобы построить единое великое сообщество, которое сможет бросить вызов этой тоталитарной тюремной системе, в которой сейчас заключены наши души.

И чтобы этого достигнуть, нужно обратиться к самой сути проблемы. То есть к глубинному уровню «Я» человека. Ибо без постижения возможности изменения жизни с помощью сил, лежащих внутри каждого человека, и принятия того, что человек является духом, обладающим свободой воли, ни одно из наших действий не будет носить долговременный характер. После этого наша задача состоит в том, чтобы интегрировать вновь обретенных духовных братьев-воинов в нашу семью, развивая и укрепляя которую мы сможем добиться, чтобы слабые саженцы вокруг древа Традиции превратились в большой и могучий лес.

Можете ли вы поделиться своим видением того, что произойдет с Асатру в последующие 50 лет?

Я думаю, что в Европе значительно увеличится интерес ко всем традиционным вероисповеданиям. Наша вера станет основой для светлого будущего наших детей, и чем больше старое, изжившее себя антитрадиционное общество будет закручивать гайки, тем быстрее это

произойдет. Люди в поисках истинного смысла жизни начнут, наконец, глубже и серьезнее смотреть на вещи.

Уверен, что будет расти количество храмов и даже школ Асатру везде, где это только возможно. То же самое произойдет и в США, которые, вероятно, начнут и возглавят движение по возрождению Традиции, как это уже было в 70-х и 80-х годах. Я думаю, и в России будут происходить те же процессы, но уже с вашими уникальными особенностями.

Но вынужден сказать, что, к сожалению, все зависит от так называемой правящей «элиты», у которой есть свои планы на этот мир. Я считаю, что мы должны действовать как партизаны, быть гибкими и способными быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и не становиться привлекательной мишенью. Наша задача — интуитивно прогнозировать их действия и в соответствии с этим принимать текущие решения. К сожалению, сценарий, при котором в ближайшие 50 лет Швеция или Германия превратятся в халифат и наши Боги и вера будут жестоко уничтожены, — не такой уж и невероятный. Еще одним печальным сценарием может являться распад общества (под влиянием его глупости и абсурдности) на разрозненные, изолированные друг от друга элементы. Мы увидим много лжепророков, но чем больше наши ряды будут расти, тем больше будут разгораться подлинная вера и любовь к людям и к Земле.

С недавнего времени мы можем видеть нарастающий интерес к русскому язычеству и традиционализму со стороны европейских и западных язычников, что вы думаете об этой тенденции?

Могу с радостью сказать, что мы, folkish, относимся к вам как к братьям и сестрам, у нас с вами одни корни и одна цель в долгосрочной перспективе. Для нас не имеет значения, что вы поклоняетесь богам с другими именами или придерживаетесь иной мифологии творения. Важно то, что основой нашего сотрудничества является наша общая культурная и этническая история. Для нас было совершенно неожиданным узнать, что в России действует такое большое и сильное языческое/Асатру сообщество, и это стало для нас очень обнадеживающей новостью.

Что бы вы пожелали русским асатруа и одинистам?

Чтобы объективно оценить то, что снаружи, вам необходимо внимательно изучить то, что внутри. Асатру — это не ментальная конструкция. Это опыт и ежедневные поступки. Абстрагируйтесь от

современной жизни так сильно, как только это возможно. В наши дни у вас есть возможность вернуться к природе, заняться сельским хозяйством и жить так, как это делали наши предки в течение тысяч лет. Тогда ваша жизнь станет священной, и вы уже никогда не сможете жить по-другому.

Благодарим за ваше время и ответы!

Heil to the Gods!

Беседовали и переводили

Надежда Топчий

Маша Юлина

Евгений Нечкасов

Интервью с Даниилом Свартовым

Приветствуем, Данила! Для начала, представься и расскажи о себе нашим читателям.

Приветствую всех читателей Svarte Aske! Меня зовут Данила Свартов, я молодой тату-мастер с Южного Урала, г. Челябинск. Вдохновляюсь мифологическими сюжетами и фольклором разных культур и народов. Преимущественно обращаюсь к Скандинавской традиции и стараюсь отразить всю ее глубину и красоту в своем творчестве. Свартов — мой творческий псевдоним, но именно под этим именем я начал свой творческий путь как татуировщик. Для меня это некий символизм.

Ты одинист, расскажи, что и как привело тебя к традиции Одина, как она воплощается в твоей повседневной жизни? Какие аспекты традиции ты выделяешь особо?

Весь мой духовный Путь — это метаморфоза. При этом отсутствие некоего постоянства, на мой взгляд, не является чем-то дурным. Как и у любого мыслящего человека, мои взгляды претерпевали изменения, я находился в поиске. Изучал разные традиции и религиозные течения. И продолжаю изучать по сей день, с интересом отношусь ко всем учениям как индоевропейской, так и семитской систем (с некоторыми оговорками). Но. Безусловно, Единизм, его Образы и сюжеты проходят красной линией через мою жизнь. Я воспринимаю его не как совокупность мифов и фольклора, но как живую традицию. Единизм невероятно глубок в своей сути. На поверхности, для стороннего человека, он, наверное, имеет ярко выраженный кшатрийско-воинский характер. Но это лишь одна из граней, для меня далеко не самая важная. Гораздо более значим для меня образ Одина как Путника, нашедшего мудрость в Жертве и Смерти. Поиск своей духовной Бездны, воплощение через себя в проявленный мир каких-то аспектов и архетипов связанных с Всеотцом — это для меня и есть Единизм.

Ты известен как иллюстратор и татуировщик, сочетающий скандинавскую тематику и свой собственный стиль, пожалуйста, расскажи нам подробнее про пересечение традиции и творчества.

Изначально татуировка для меня не являлась самоцелью. Это всего лишь инструмент, с помощью которого я могу работать с интересными мне

сюжетами и образами, в основном, связанными со Скандинавской мифологией. Тату стало логическим продолжением моей деятельности как художника. Сам по себе процесс татуирования — это общение между мастером и клиентом. Это взаимный обмен эмоциями, мыслями, чувствами. На сеансе и в процессе общения я делюсь каким-то своим опытом и видением, получаю какие-то мысли и опыт от человека взамен. Меня приятно удивил интерес со стороны людей к тематике, которую я предлагаю. Но очень важно понимать, что же на самом деле находит отклик в душах у людей — эстетика или какая-то более глубокая составляющая. Всегда очень приятно поработать и пообщаться с подкованным и понимающим не поверхностно тему человеком. А тем, кто только начал изучение Северной традиции, всегда с удовольствием советую тематическую литературу, стараюсь исчерпывающе ответить на интересующие их вопросы, насколько я сам их понимаю. Это своего рода миссионерство для меня, если корректно так выразиться. Таким образом я чувствую самореализацию, я чем-то делюсь с людьми.

Вопрос о тату. Как ты пришел в индустрию и как ты относишься к современному взрыву моды на татуировку? Какие мастера тебе наиболее интересны в профессиональном и творческом аспектах?

В индустрию я пришел со «второго раза». Если заниматься татуировкой серьезно и профессионально, она исключает все остальные рода деятельности. Сделав свой первый шаг навстречу этому молодому виду изобразительного искусства, я отступил назад и вернулся к привычному на тот момент виду деятельности и заработка. Но огромное желание делать тату и рисовать оставалось со мной все те три года, пока я трудился в другом месте. И вот после длительной паузы я решился попробовать полностью изменить свою жизнь и вернуться к своей мечте. Волей случая или Судьбы, но я сразу же попал в одну из лучших студий в Челябинске. Мне очень повезло с людьми вокруг и наставником, благодаря их помощи и поддержке я смог в короткий срок достичь некоторых успехов. Это была своего рода инициация, принцип преемственности, основанный на моем стремлении постичь это искусство, с одной стороны, и желанием моего наставника безвозмездно поделиться накопленными знаниями — с другой. За это я ему невероятно признателен! Я по сей день продолжаю работать в том же коллективе и развиваться бок о бок с этими людьми и могу сказать, что каждый из них профессионал и фанат своего дела.

Касательно моды. Тату-индустрия очень многогранна. Спрос порождает предложение: огромное множество мастеров, различных стилей, подходов. Татуировка перестает быть андеграундом и становится частью нашей обыденности со всеми вытекающими последствиями, к ней прикасается множество абсолютно разных людей. Можно отследить очень серьезную дифференциацию — от невероятных индивидуальных и концептуальных проектов до безвкусных и пошлых работ. Задача мастеров — прививать людям хороший вкус в татуировке, преподносить это как искусство, каковым она и является.

На данный момент индустрия богата большим количеством хороших мастеров, я не смогу однозначно выдать какой-то костяк, чтобы никого не забыть, выделю лишь одного самого близкого мне по духу — это мастер мистической и ритуальной татуировки Вард Сванов. Во многом я вдохновляюсь его работами и его подходом.

Сейчас можно наблюдать рост интереса к традиционным способам нанесения тату (ritual, handpoke, творчество Колина Дейла (Colin Dale) etc.) и освящения готовой работы согласно традиции, что, разумеется, подразумевает полную осмысленность рисунка. Ты не думал попробовать себя на этом поприще?

Аутентичные способы нанесения изображения накладывают определенные требования как на мастера, так и на человека, кому делается татуировка. Так же, в идеале, это требует сопутствующего антуража и атмосферы. Ведь это в полной мере ритуальное действие. У меня был подобный опыт, когда Мастер наносил мне определенную символику в горах, на перевале. Тут все состоит из ощущений, мелочей, каких-то Знаков, начиная от выбора места и заканчивая твоим настроением. В этот момент мир просто остановился для меня. К тому же я концентрировался на определенных образах и читал на четках имена — тулы-хейти. Очень важный мистический опыт. Поэтому я и подчеркиваю, что ритуальная татуировка в подобном виде требует подготовки обоих участников процесса. В противном случае это будет не более, чем просто модная домашняя хэнд-поук тату. Когда-нибудь обязательно прикоснусь к этому таинству, но уже как мастер.

Если не секрет, то поделись с нами своими творческими планами на обозримое будущее. Есть ли желание обратиться вновь к иллюстрации или иному арту в русле традиции и в смежных областях?

Скоро будет год, как я полноценно занимаюсь татуировкой. Пока я не хочу распыляться, правильнее будет сохранять концентрацию и развиваться в выбранном направлении. Но я не хочу отбрасывать и сопутствующие области и обязательно через какое-то время к ним обращусь. Главное сейчас для меня — продолжить оттачивать полученные навыки, общаться и знакомиться с близкими мне по духу людьми. Нужно расти не только в профессиональном, но и в духовном плане, не скатываясь в рабочую рутину, продолжать пропускать через себя образы и сюжеты, а потом уже осмысленно работать с ними. Ведь именно это и ценно.

Беседовал Askr Svarte

Данила Свартов

Народ калаши и идентичность

(проект движения «Идентаристы России»)

Калаши — автохтонный народ долины Читрал, Пакистан.

Калаши — народ на грани истребления. Истребляют народ калашей радикальные исламисты (Талибан, пуштуны и др.) и правительство Пакистана. Потому, что калаши издревле сохраняют свою языческую традицию, свою культуру, язык и идентичность. Калашей истребляют потому, что они не хотят принимать ислам. Принявший ислам более не может сохранять образ жизни, принятый в народе, и выпадает из него.

На сегодняшний день представителей калашей осталось ~ 3 000 человек.

История с притеснением народа калаши давно и широко известна. Когда-то их даже считали потомками войска Александра Великого, осевшими в местных горах, из-за их европеоидного фенотипа. Сейчас же известно, что дардский народ калашей относится к индо-афганским народам. Его изучают, преимущественно немецкие исследователи, с начала XX в.

Зимой этого года с нами на связь вышли, скажем так, калашские диссиденты, которые знают европейские языки и имеют образование, а также стремятся улучшить долю своего народа и более активно противостоять исламизации. Они обратились к нам с просьбой выступить в роли «think tank», для того чтобы помочь им сформулировать осевые тезисы для сохранения их идентичности. С их точки зрения, Россия — гораздо более свободная и безопасная страна для этого предприятия, в то время как в долине Читрал можно подвергнуться нападению исламистов прямо на улице, не говоря уже о более серьезной активности. В общем, наши визави поставили перед нами сложную и интересную задачу. И мы решили её выполнить. Данная история со всех сторон представляет собой очень интересный кейс по вопросам идентичности.

Для начала следовало понять, в чем вообще заключается интерес европейского идентаризма в данном конкретном случае. Здесь есть несколько мыслей:

1) Народ калаши издревле является скотоводческим автохтоном этих земель. Когда-то им принадлежала вся долина, и они имели влияние на соседей, с которыми регулярно воевали. Ислам в регионе оказался религией конкисты, и коренное население с его культурой, традицией, языком и обычаями оказалось в роли угнетаемого меньшинства и утратило всё свое бывшее величие и свободу. Стоит ли говорить, что эта ситуация до боли напоминает инородную инвазию в Европу? Пример народа калаши — это зеркало европейского будущего, если не будут предприняты необходимые меры для сохранения нашей идентичности и традиций.

2) Поддержание огня и рассыпание искр сопротивления в далеком стане врага. В то время как исламские террористы и даишевцы под видом

беженцев проникают в Европу и создают анклав, в рамках общей стратегии европейского сопротивления тактически вполне логично поддерживать диссидентов анти-исламистов в «традиционно» исламских регионах и создавать внутреннее напряжение в их стане.

Руководствуясь этими пунктами, мы и решили взяться за работу. И тут же столкнулись с объективными трудностями.

Во-первых, стереотипные агитки «Fight for your Identity!» абсолютно не подходили для ситуации народа калаша. Если бы речь шла о каком-то европейском народе или религиозной группе, то можно было бы апеллировать к понятным архетипам, лозунгам и стратегиями. Вплоть до «Сражайтесь за свободу или умрите достойно в бою». Но ситуация такова, что народ калаша в своей культуре и социальной структуре разительно отличается от европейских воинственных народов. Важнейшую роль в их обществе играет идея духовной чистоты перед Богами и обществом. Они старательно избегают всего нечистого. Например, в общем семантическом ряду «грязных и отвратительных для духов вещей» у них через запятую стоят «женская менструация, смерть и ислам». Из этого вытекает, что призыв «умереть с оружием в руках, но свободными» для них звучит как недвусмысленный призыв окунуться в «нечистоты» и потерять всю священную чистоту и саму свободу. Такой совет был бы поверхностным и сразу же отвергнут.

Второе, как следствие первого,— для формулировки адекватных тезисов в защиту идентичности необходимо было изучение их истории, традиции, культуры и социологии их общества. Здесь мы руководствовались императивами из работ А. Дугина («Четвертый Путь», «Ноомахия») о необходимости погружения в Логос народа и эмпатии к его культуре, преодоления европоцентричного взгляда. Для этого наш человек два месяца не вылезал из профильной литературы о регионе, дардских и нуристанских народах, религиях Гиндукуша и регулярно общался с нашими контактами в Читрале. В итоге, на основе общего анализа ситуации с этим народом, было решено сделать акцент на «мягкую силу» и низовое сопротивление/подполье. Другие, более открытые, а тем более вооруженные акции привели бы к простому и окончательному геноциду и исламизации народа. Нам на руку было то, что сегодня калаша существуют как «заповедник» для туристов, и они медленно, но верно развивают свою образовательную систему, формируется интеллектуальная прослойка, способная принять наши идеологические семена.

По итогу всех предприятий получился лаконичный текст с преамбулой и несколькими пунктами, на которые стоит обратить пристальное внимание и реализовывать проекты в их рамках. Текст был переведен на английский язык и снабжен небольшим брифом на немецком. Два месяца занял перевод английского текста на латинизированный вариант калашского языка. Получилась готовая для печати и распространения брошюра на четырех языках. Основная целевая аудитория текста — диаспоры калашей и соседних народов вне Пакистана и Афганистана, образованная прослойка калашей и

европейские активисты. Как и было сказано, данная история со всех сторон представляет собой очень интересный кейс по вопросам идентичности.

Но написать текст недостаточно, несмотря на то, что наши респонденты оценили его хорошо, последнее слово всегда остается за старейшинами родов, которые проживают в самой долине Читрал и, разумеется, не владеют никакими языками и связью с миром за пределами своих территорий. Здесь начинается вторая часть истории.

Так как для властей Пакистана наличие языческого анклава (в древности этот регион красноречиво называли Кафиристан — Страна неверных) представляет проблему и является болевой точкой для радикальных талибов и пуштунов, для пущей безопасности он со всех сторон окружен четырьмя военными базами, одна из которых принадлежит и занята американским военным контингентом. (Примечательно, что в регионе активно работает американский агент USAID. По оценке наших корреспондентов, они имитируют деятельность по сохранению культуры калашей, отмывая на этом сотни тысяч долларов, которые уходят в неизвестном направлении.)

Экономическую базу для калашей составляет туризм, несмотря на то, что наживается на этом преимущественно правительство. Но проникновение в регион даже для туристов и местных возможно только через армейские блокпосты, где происходит полный досмотр вещей и техники. Оказалось, что невозможно переслать и физически пронести брошюру с текстом или даже файл на флеш-карте. Любой оппозиционный антиисламский контакт или акт влечет за собой немедленный арест, пытки и тюремное заключение для пойманного человека и его семьи. Мобильной и интернет-связи в долине тоже нет.

В итоге наши читральские контакты нашли заинтересованного человека, владеющего и английским, и калашским языками, который прочитал нашу статью, выучил её и, приехав в Читрал, по памяти пересказал (!) всё её содержание местным старейшинам.

Старейшины калашей высоко оценили предложенные нами варианты и одобрили их в большинстве. Очень сложным, и мы это сами признаем, остался вопрос о туризме (см. подробнее брошюру), а также старейшины отвергли идею о возможном едином анти-исламском подполье на основе коалиции местных малых народов, так как древнее противостояние племен до сих пор мешает вести конструктивный диалог. Этот момент особенно показателен, так как у нас в Европе и России мы до сих пор сталкиваемся с похожей ситуацией.

Все эти события разворачивались зимой и ранней весной, и вот сейчас — когда основные задачи по выработке тезисов, их доставке в долину и верификации у старейшин и «диссидентов» решены успешно, то есть мы достигли заявленных целей, — мы стали готовы для публикации этой истории публично и для привлечения внимания к этой ситуации и кейсу в целом.

На наш субъективный взгляд, народу калашей необходимо повысить чувство собственной субъектности и осознать свое положение, чтобы

перестать выживать по инерции, но, даже сохраняя внешний фасад мирного народа-для-туристов, возвращать в своем теле оппозицию, реализовывать культурные и образовательные проекты и плодотворно сохранять и передавать свою идентичность потомкам.

К этому можно добавить объективный фактор, что существование этого народа во многом зависит от политики государства Пакистан и его существования в целом. Мы считаем наиболее благоприятным тот вариант, когда это исламистское государство, — которое обладает ядерным оружием, не контролирует свои границы, через которые свободно перемещаются исламские экстремистские группировки, и которое насквозь коррумпировано, — перестанет существовать, а его территории вновь войдут в состав Индии, которая гораздо более религиозно разнообразна и инклюзивна. К тому же будет освобождена и легендарная долина мудрецов Кашмир.

Если посмотреть шире, то культура и образ жизни калашей воплощают собой типичный случай горных скотоводческих народов и их традиций. Нам известно, что в регионах Памира, Афганистана, Пакистана, севера Индии, а также в регионах Кавказа и Закавказья все больше и больше людей, деревень и малых народностей проявляют интерес к своей подлинной древней идентичности, традициям и фольклору. Многие из предложенных нами пунктов могут быть с минимальными поправками адаптированы для индо-афганских и кавказских народов. Ситуация вынужденного подполья и стратегия «мягкой силы» так же, к сожалению, являются общим знаменателем и для них.

Мы и Вы

Несмотря на то, что между Европой и долиной Читрал в Пакистане лежат огромное географическое расстояние и сильные культурные различия, можно увидеть нечто общее и похожее в той ситуации, в которой оказались и народы Европы, и народ калашей.

Почти две тысячи лет назад в Европу пришла новая восточная религия — христианство, старший брат ислама. Она вела себя агрессивно, насаждая веру в своего Бога огнем и мечом, вырезая тех, кто оставался верен своим родным Богам и обычаям (неверных, «кафиров»). Христианство было и остается религией исключительности; иноверцы являлись недоллюдьми: грешниками, слепцами и язычниками. В то время как христианство устанавливало свою власть в Европе, младший отпрыск авраамизма — ислам — захватывал Восток и Азию, придя на земли Афганистана, Индии и современного Пакистана. То, с чем столкнулись местные народы дардов, нуристанцев и калашей, сопоставимо с нашим прошлым.

И сегодня Европа испытывает настоящую исламскую оккупацию, вторжение ещё одной авраамической религии ненависти к самобытным традициям и народам. Но то, с чем Европа столкнулась сегодня, для калашей уже давно является повседневной реальностью. Современное трагическое положение этого народа — это яркий и живой образ того, что ждет Европу и европейские традиции в ближайшем будущем.

Здесь, в Европе, мы сражаемся за веру в наших Богов, за наши народы и идентичность. А в далеких горах Гиндукуша и Каракорума последние калашы выживают под постоянной угрозой геноцида и вымирания. То, что грозит нам, — для них уже реальность сегодняшнего дня, и поэтому мы не можем понять до конца то, в каком состоянии находится дух их народа. Точно так же все наши рассказы об ужасах исламизма и терроризма для них звучат не так, как для нас, ибо они пережили и переживают куда большие потрясения и катастрофы. Европа большая, и у неё ещё есть скрытые резервы, а Читрал мал. Но народы этих земель не сдаются. И мы, европейцы, хотим поделиться некоторыми мыслями и соображениями о том, как можно сохранить свою идентичность и какие действия можно предпринять для достижения этой цели. Наконец, мы представим некоторые размышления о том, почему радикальный исламизм враждебен всем коренным народам и их традициям на Земле. (Хотя для языческих народов Пакистана такие размышления уступают их непосредственному опыту террора: им не надо ничего объяснять, они уже все испытали на себе.)

Мы надеемся, что наши слова найдут отклик у народа калашы и всех остальных, кто оказался в схожей ситуации в этом регионе и соседних странах (например, в долине Кашмира, откуда было изгнано гениальное учение Шиваизма); среди всех тех, кого исламисты вынудили бежать в горы, хоронить родных и отказываться от своих Богов и обычаев. Мы надеемся, что наши мысли принесут вам пользу. Хоть мы и разные, но над нами нависла одна угроза.

Многобожие

Кафиристан — Земля неверных — одно из ранних и известных названий горного региона Пакистана, где проживают многие народы с разными языками, культурами и религиями. Долина Читрал относится к Кафиристану.

В исламе кафир (كافر) означает «иноверца» или «неверного» — того, кто не следует истине Корана и исповедует другую религию, чаще всего — языческую. В исламе многобожие — один из самых тяжелых грехов. Многобожие в исламе называется ширк (شرك). Ширк — это почитание кого-

либо или чего-либо наравне с Аллахом (так же сильно, как Бога) или почитание многих Богов, а также предков, духов-владельцев гор, рек и ущелий.

Пафос ислама опирается на радикальное и непримиримое противостояние между исламистами и всеми, кто ещё не принял Аллаха как своего Бога. Ислам ставит очень простой выбор: отказ от своей религии или казнь.

Исторически сложилось, что регион Кафиристана населяли народы со своей уникальной и богатой религиозной культурой. Ислам начал их подавлять и обращать в свою веру силой, но это удавалось с трудом. Горный регион очень труднодоступен. Отсюда появляется общее название для этих земель — Страна неверных. Страна, которая по умолчанию населена недоллюдьми, врагами и рабами.

Название страны и населяющих её народов, а также давление исламистов приводят к формированию особой идентичности «кафиры» — это состояние народа, который находится в транзите от своей культуры к исламу. С одной стороны, они все ещё многобожники (неверные, ширк), с другой — их культура и язык уже испытали серьезное влияние ислама. Нуристанцы называли себя «кафирами», пока постепенно не перешли в ислам, чтобы избежать притеснений и угроз. В этой связи показательно вспомнить второе название страны Кафиристан — Нуристан (Nurestān) или Страна Света, такое название она получила после успешного завоевания мусульманами. Сейчас Нуристан — это провинция Афганистана, но не весь Кафиристан. Очень показательно, что кафиры могут стать «светлыми» только после завоевания мусульманами. Путь от «Страны Неверных» к «Стране Света» лежит через отказ от своей религии, обычаев и культуры.

Мы хотим особенно подчеркнуть этот момент. Приняв ислам (или любую авраамическую религию), невозможно полноценно сохранить свою собственную идентичность: культуру, язык, быт, обычаи и тем более религию. Исламизация = ползучая арабизация: священный текст Корана записан на арабском языке и должен изучаться только на нем; ключевые термины религии пришли из арабского и персидского языков; многие предписания шариата и сунны происходят из быта и обычаев арабского народа, а значит, они не универсальны; святые места ислама (Мекка, Медина, родина пророка) находятся на Арабском полуострове, то есть географически ислам неразрывно связан с арабским миром.

Любой народ, который принимает ислам, постепенно начинает приобретать арабские черты, слова, нормы поведения из шариата и аятов Корана. А свои, родные и древние обычаи либо забываются, либо их

восприятие меняется в иную, зачастую худшую сторону. Человек, который отныне живет по сунне и шариату, не может выполнять родные для его народа обычаи и ритуалы, а значит, он выпадает из тела народа, из рода своей семьи и становится чужим для своих Богов. Народ исторгает его из себя либо он сам уходит от своего народа, приобретая нетерпимость к своим прошлым родичам, а теперь — кафирам.

Таким образом, ислам всегда выступает против народных идентичностей и религий. Внутри ислама можно сохранить лишь фрагменты и части общего целого; только то, что не противоречит догмам этой жесткой религии.

Авраамические религии — это всегда потеря самих себя.

Тем не менее нам известна такая практика: языческие народы, которые оказываются под угрозой уничтожения и террора, начинают маскировать свою традицию под вид ислама, чтобы сгладить остроту противостояния и различий. Они мимикрируют и/или адаптируются чисто внешне. Тем временем внутри народа появляется более жесткая так называемая «тихая оппозиция» — группы тех, кто настроен жестко против ислама и всеми силами выступает за сохранение своей культуры, своего народа, своих традиций и своего образа жизни. Это те, кто выступает и сражается за свою свободу. Это — сопротивление. И с ними мы хотим поделиться следующими мыслями, оформленными в несколько пунктов.

Спасение идентичности

Религия

Религия является основой всего, из нее вытекают все обычаи, табу, правила и ритуалы. Сохранение религии — это сохранение самих себя. Религиозная практика крайне важна: обряды, очищения, жертвоприношения, похороны, ритуалы, молитвы. Все это необходимо сохранять и передавать детям. Боги никогда не умирают, но народы могут забыть про своих Богов и их алтари. Перестать приносить в жертву козлов, приносить им пищу и возносить молитвы. Так народ теряет свою святость, теряет свою душу и смысл своего существования.

Язык

Язык чрезвычайно важен. Язык или языки народа — это материя их мышления и сохранения религии и традиций. Язык — это связь человека с его семьей и народом, это язык молитвы и язык, на котором произносят имена Богов и духов.

Записи текстов

Один из вариантов для сохранения своего наследия — это максимальная запись всего, что только возможно.

Да, регион Читрала и Кафиристан в целом изучаются учеными уже почти сто лет, и они составили многие подробные описания быта, культуры и религии нуристанцев, дардов, калашей, кхо и других народностей. Но они — носители иного мышления, иной культуры и описывают то, что видят как наблюдатели. Их позиция — снаружи, поэтому им недоступны важные и тонкие нюансы и внутренние священные переживания самих калашей. Они приезжают на время, им не угрожают истреблением, поэтому они не все видят и не все понимают. Но вы — внутри, вам доступно все. Поэтому речь идет не о записях ученых, а о ваших собственных хрониках, священных текстах, историях и так далее. Это были бы насыщенные живым переживанием тексты, которые были бы понятным вашим потомкам лучше, чем сухие описания ученых.

Образование

Обучение молодежи основам своей культуры, языка, религии и обычаев — это то, что называется «мягкой силой» и очень хорошо сочетается с внутренней оппозицией (тихой оппозицией). Современное европейское или исламское образование не принесут ничего хорошего, это путь забвения своей религии и утраты идентичности. Не надо опьяняться Западом ни в коем случае.

Более того, современные стандарты образования напрямую противоречат быту и ритму жизни калашей. Из-за образования дети исключены из обрядовой жизни, религия и дух народа приходят в упадок. Поэтому очень важно развивать свою собственную систему образования, которая будет гибкой и удобной для молодежи (вообще, ставка на молодежь и детей — это самое важное), а также будет транслировать культуру калашей и образовывать народ в свете традиционных ценностей.

Культура

К культуре в самом широком смысле относится вообще все, и говоря об образовании, религии и языке, мы по факту говорили именно о ней. Но также следует уделить внимание и материальной культуре: ремеслам, вещам быта, стилям резьбы по дереву, вышивке на одежде и самим костюмам, архитектуре домов.

Важно описать всё разнообразие вещей в быту и в религии калашей в их связи с мифами, легендами, табу и святостью, которая их окружает. Не так, как это делают ученые, а изнутри и во всем разнообразии.

Полезно издавать свои газеты или листовки на родном языке, в которых рассказывать о Богах, ритуалах, культуре и новостях в обществе. Они должны быть понятными и приятными.

Опасности туризма

Приток ученых, туристов и их денег стал тем фактором, который приостановил притеснение народа калашей со стороны властей. Калашей стали «заповедником», с помощью которого власть зарабатывает деньги.

Это двоякая позиция. С одной стороны, туризм сегодня является гарантом существования калашей и финансовым источником; сложился туристический статус-кво. С другой стороны, туризм — это форма деградации народной культуры. Некогда священные танцы, ремесла и действия превращаются в спектакль и игру перед невежественной публикой за деньги. Священный смысл ритуальных действий утрачивается, остается только внешняя форма, нередко тоже искаженная. Полностью аналогичная ситуация произошла с некоторыми малыми языческими народами в России: от их традиции остались только туристические фестивали и театральные постановки, смысл которых уже никто не знает и не понимает. Идентичность утрачена.

Но туризм дает и потенциальный плюс для калашей: власти Пакистана зарабатывают на туризме, это приносит деньги. А значит, в руках у калашей есть рычаг давления на правительство — это деньги за туризм. Можно аккуратно, мягко шантажировать власть через ограничения на туризм или цены, чтобы они шли на уступки калашам и расширяли ваши права. Когда-то туризм в Читрал стал тем фактором, который приостановил исламское вторжение, а значит, это чего-то стоит.

В этой ситуации мы не можем дать какой-либо конкретики. Мы понимаем важность туризма как фактора выживания калашей, но хотим подчеркнуть, что он несет в себе много негативных сторон. Однозначного решения на сегодня не существует.

Укрепление самодостаточности

К этому пункту относится все, что можно делать для того, чтобы народ калашей как можно меньше зависел от мусульманского окружения и государства Пакистан. Как известно, земли мусульман для калашей являются нечистыми, грязными. Поэтому все экономические связи с «внешним

миром» ислама должны быть сведены к минимуму, насколько это возможно. Чем более независимыми будут калаша в вопросах экономики, воды, пищи и тому подобного, тем меньше рычагов будет у радикальных исламистов для давления на ваш народ. Ещё очень важно медленно, но верно добиваться расширения своих земель — долин, склонов гор, рек, ущелий. Территория = пастбища, вода, растения, деревья, пища и пространство для семей.

Также очень полезно привлекать внимание мировой общественности и правозащитных организаций, которые могут организовать гуманитарную помощь и привлечь внимание к нарушению прав и преступлениям против калашей со стороны исламистов.

Ещё две перспективы

Первая: возможно ли переселение народа калаша в другой, более терпимый регион? Например, в Индию (как некогда сделали жители долины Кашмир) или в труднодоступные горные регионы соседних областей? Это очень трудное и радикальное решение, но перед лицом угрозы окончательного истребления и утраты священного — это может быть единственным выходом.

Вторая: в народе есть «тихая оппозиция» исламу и движение в защиту собственной идентичности и свободы своего народа. Необходимо с помощью «мягкой силы» постепенно повышать голос в защиту самих себя. Вспомнить, что некогда Читрал был полностью землей калашей. Что некогда калаша и другие народы жили прекрасно и свободно без ислама. Необходимо налаживать контакты и связи с оппозицией исламу среди соседних и дальних народов Кафиристана, создавая единый фронт сопротивления. Это даст моральную поддержку, связи, информацию, приют беженцам и поддержку. Мы знаем, что некогда калаша были воинами и широко праздновали победы. Сегодня то время, когда есть смысл принять своего соседа не как врага, но как соратника и выступить вместе за свободу своих народов против ненавистнической религии мусульман.

Это тоже непростая перспектива, но её необходимо изучить и рассмотреть самым серьезным образом.

Да разольет Балумаин благодать над вашими родами!

Русскому читателю мы рекомендуем замечательную книгу Карла Йеттмара «Религия Гиндукуша», М.: ГРВЛ, 1986.

Воспитание в традиции и влияние современности

Результаты опроса мнений среди язычников

Преамбула

Обсуждение проблемы правильного воспитания детей в языческих семьях идет столь давно, сколько само современное язычество существует и осознает само себя. После нескольких частных дискуссий на эту тему с семейными людьми в язычестве, общей картины и четких стратегий воспитания детей таким образом, чтобы они в ходе взросления стали следующим звеном в цепи и продолжили жить в традиции, — не выявилось. Поэтому было принято решение провести социальный опрос по этой теме и сделать более широкую статистическую выборку.

Наша первоочередная задача заключалась в том, чтобы сделать «слепок» или «снимок» мнений о воспитании детей в соответствии с духом традиции таким, какой он есть среди самих язычников. Для этого в анкете было несколько открытых вопросов, куда каждый респондент мог вписать своё собственное мнение и варианты в свободной форме.

С нашей точки зрения, основной «нерв» проблематики заключается в том, что мир языческих традиций и современный мир — это две реальности, которые очень сильно различаются и которые крайне сложно примирить друг с другом. Тем не менее мы выстроили наш опрос таким образом, чтобы он был гораздо шире ведущей проблемы и охватывал сферу воспитания, его негативных и позитивных сторон в наши дни. Анализ и интерпретация результатов исходят из этих двух составляющих: негативная ситуация современности и взгляды язычников на воспитание.

Для релевантности результатов мы сосредоточили наш опрос на тех язычниках, которые уже имеют детей либо ожидают их появления в скором времени. Справедливости ради стоит отметить, что вариант ответа «Ожидаем рождения ребенка в скором времени» мог стать удобной ширмой для респондентов, которые пока только планируют заводить детей, но тем не менее интересуются поднятой в опросе проблемой.

Ниже мы приводим анализ полученных результатов.

Опрос проходил с 23 мая 2018 по 02 июля 2018 г.

В ходе опроса собрано 413 анкет с ответами. Из них были исключены анкеты, в которых в графе «Ваша традиция» были указаны «ислам», «христианство», «атеизм», «буддизм», «никакая» и т. п., так как они выходят за пределы нашей целевой группы. В итоге были обработаны 403 анкеты.

В тех вопросах, которые не были помечены как «обязательные», количество отвечавших бывает меньше.

Итоговые цифры указаны в процентах, в квадратных скобках после процентов уточняется номинальное количество ответов, например: «ответ А — 5% [10 человек]». Некоторые ответы снабжены диаграммами (количество ответов указано в левом верхнем углу), другие даны в виде сгруппированных списков свободных ответов от респондентов.

Опрос проводился анонимно и на некоммерческой основе. Все полученные результаты публикуются в свободном доступе для пользы и блага всех, кто интересуется проблемой воспитания детей в русле традиции. Разрешается использовать полученные данные для других аналогичных исследований, изучения корреляций и публикаций при условии сохранения целостности контекста и указания ссылок на оригинальное исследование и авторов.

Мы благодарим всех, кто принял участие в опросе и помогал его распространять среди языческих сообществ.

Nota bene: Ниже представлена сокращенная версия результатов опроса, ознакомиться с полной версией с диаграммами, полными списками вариантов ответа и интересными корреляциями можно по ссылке: http://askrsvarte.org/blog/vostipanie_v_tradicii/

Демографическая часть

Вопросы №1, №2, №4 и №5.

В опросе приняло участие 403 человека, из них:

- Люди в возрасте до 35 лет включительно (официальный верхний порог возрастной группы «молодежи» в России) — 65,7% [265];
- Люди старше 35 лет — 34,3% [138].

Среди опрошенных доминируют мужчины — 53,6%; 46,4% — женщины.

В вопросе о проживании отдельно выделены большие мегаполисы и областные столицы, так как в них наиболее отчетливо проявляются негативные тенденции модернизации и глобализации, наиболее ярко выражены негативные факторы в воспитании. Как промежуточная полоса между мегаполисом и селом выделены города-спутники и райцентры, комбинирующие разные стороны, плюсы и минусы с обеих сторон.

Доминирование мегаполисов и агломераций подтверждает, что до сих пор язычество приоритетно представлено в городах и все ещё остается «городским феноменом», как его определяют религиоведы:

- Мегаполисы — 52,4% [211];
- Города-спутники — 16,1% [65];
- Провинция и райцентр — 20,1% [81];
- Деревня, ПГТ — 11,4% [46].

Наконец, количество детей среди опрошенных:

- Один ребёнок — 33,1% [122];
- Два ребёнка — 25,7% [95];
- Три и более — 8,7% [32];
- Ожидают рождения в скором времени — 32,5% [120].

Такие цифры пока подтверждают тезис, что современные семьи преимущественно малодетные (с 1-2 детьми); многодетной сегодня считается семья с тремя и более детьми.

Представленные в опросе традиции

Вопрос №3.

Целевая группа нашего опроса — русскоговорящие язычники. В исследовании приняли участие представители разных языческих традиций, из них можно выделить два ярко доминирующих кластера — представители славяно-русского язычества и представители германо-скандинавского язычества.

Среди славяно-русских язычников встречаются следующие самонаименования: родноверие, славяно-русская традиция, славяно-русское язычество, русское язычество, «ранний вариант родноверия по Рыбакову», русская традиция, славяно-балтская традиция, славянский традиционализм.

Среди германо-скандинавских язычников встречаются следующие самонаименования: асатру, одинизм, forneskja, скандинаво-германская традиция, северная традиция, локианство, рёккатру, «германо-скандинавская и кельтская».

Помимо двух самых крупных групп также особо отметились: шаманизм [8], гаудия-вайшнавизм [1], вайшнавизм [1], тантризм [1], адвайта [1], зороастризм [1], греко-римская традиция [1],

Также были названы варианты: язычество, неоязычество, интегральный традиционализм, традиционализм, ведовство, агностицизм, анимизм, староверие, политеизм.

Ведущая проблема: право и долг

Вопросы №9 и №17, дополнительные вопросы №7 и №8.

Основная проблема, поставленная в заголовок исследования, — это воспитание в условиях современности. Эту тему мы разделили на два вопроса, которые сформировали два полюса; в результате между ними и расположилась вся проблематика языческого воспитания.

Первый вопрос: «Как Вы относитесь к свободе религиозного выбора вашего ребенка?»

В вопросе сделан акцент на концепцию религиозных прав и свобод (например, см. ст. 28 Конституции РФ), которая корнями уходит в Вестфальскую систему мира, закреплённую после католико-протестантских войн в Европе. Свобода религиозного выбора коренится в идеологии секулярного устройства общества и свободы индивида в частном порядке исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, но главное, что это «личное дело каждого». В таком мышлении религии и традиции представлены перед человеком как некие предметы либо вещи, которые, по сути, пока ещё равны между собой; каждый из этих предметов можно взять, изучить, сравнить и выбрать то, к чему душа ляжет, что будет более комфортно или более рационально — критерии тут индивидуальны. А Церковь (де-факто любая религия или традиция, в том числе и языческая) вообще не имеет никакого права на социальное и политическое доминирование и ведущую роль в обществе и локализуется в своей социальной нише. Это — сугубо современная социально-политическая идеология, результат развития европейского светского гуманизма и социальных теорий Просвещения. Считается, что в постсоветской России данные идеологемы существуют скорее по инерции, поверхностно и не укоренены глубоко в обществе. Тем не менее на вопрос о свободе религиозного выбора ответы распределились следующим образом:

- Ребёнок имеет право изучить и выбрать любую религию, какую он захочет, или стать атеистом — 70,5% [284];
- Ребёнок должен следовать родной традиции родителей и народа — 29,5% [119].

29,5% опрошенных заняли традиционалистскую позицию, согласно которой традиция есть связующая цепь поколений и народа. Ребенок должен следовать родной традиции своих предков, родителей и старших бабушек и дедушек (в идеале, так как в современном язычестве преемственность традиции через несколько поколений пока ещё редка), как это было издревле.

Этой теме посвящён второй вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы ваш ребёнок придерживался той же традиции, что и Вы, и развивался в ней?»

- Да, хочу — 64,3% [259];
- Это целиком зависит от его выбора — 35,7% [144].

Как видно, результаты ответов на зеркальные вопросы №9 и №17 показывают почти симметричную противоположность во мнениях (разница в 6,2% [25]). То есть несмотря на декларацию о том, что формально ребёнок имеет право на выбор, почти такой же процент опрошенных язычников твёрдо заявляют, что хотели бы видеть своего ребенка как единоверца и продолжателя дела традиции, иметь с ним общие религиозные взгляды.

Сложившаяся «вилка мнений» наглядно демонстрирует разрыв между идеальными представлениями «как хотелось бы и как надо» и необходимостью публично декларировать социальную норму — «то, чему учили в школе». Немецкий философ Эрнст Юнгер предлагал интерпретировать подобные результаты голосований (он приводил пример с выборами) как сознательную стратегию общества: публичная демонстрация лояльности в обмен на то, чтобы человека, его внутренний мир, окружение и образ жизни никто не трогал и никто в него не лез⁸⁷. Подобная позиция ухода в свои дела и безразличия к «вопросам власти» довольно близка и русскому менталитету. Но, как нам кажется, здесь ситуация более прозаическая: современные язычники до сих пор не могут полноценно понять качественное различие в том, как устроены традиционные общества и как разительно отличается от них общество эпохи Модерна. Поэтому современное язычество перманентно находится в режиме «кривых зеркал» и смешения идеалов, ценностей и норм⁸⁸.

В мире Традиции дети были включены в собственно саму традицию зачастую ещё до своего рождения. Выделялись благоприятные времена года для зачатия (например, Купальская ночь), соответствующими поверьями сопровождалась беременность, заклиналось рождение мальчика или перерождение в роду души почившего предка (через нареkanie именем ушедшего) и, наконец, сами роды. После рождения ребёнок также был сразу

⁸⁷ См.: Э. Юнгер «Уйти в лес».

⁸⁸ Подробнее см. статью Askar Svarte «Идентичность язычника в XXI веке».

же включен в цикл ритуалов очищения, представления в роду и предкам и окружён обережными суевериями, а с возрастом постепенно включался и во взрослые ритуалы, проходя возрастные посвящения мальчиков или девочек соответственно.

Иными словами, для традиционного общества понятие «рационального выбора традиции с чистого листа» отсутствовало как таковое, так как ещё до рождения человек уже был обрамлён и включен в поток священного и народной культуры, традиций своей семьи.

Как мы уже отметили, вся проблематика воспитания детей в традиционалистском духе среди язычников расположилась между двумя полюсами «права выбора» и «данности традиции» или «долга». Результаты ответов по другим вопросам почти всегда можно расположить ближе к тому или иному полюсу, что мы увидим далее.

Погружение в традицию с детства есть естественная реальность. Этой теме в нашем исследовании были посвящены два вопроса, основной и уточняющий.

Вопрос: «Как Вы считаете, нужно ли вводить ребёнка с самого детства в круг традиционных обычаев, поверий и ритуалов?»

- Да, ребёнок с рождения должен быть погружен в традицию — 52,1% [210];
- Да, но с определенного возраста — 33,5% [135];
- Нет, по достижении совершеннолетия ребёнок сам должен сделать свой выбор — 14,4% [58].

Как видно, сторонники «права выбора» в данном случае оказались в меньшинстве, в то время как больше половины респондентов заняли традиционалистскую позицию и ещё треть выступили за компромисс, указав, что вводить ребенка в традицию следует с определённого возраста. Для этого мы попросили респондентов уточнить желаемые возрастные рамки в вопросе: «На Ваш взгляд, с какого возраста стоит вводить ребёнка в традицию, объяснять ему мифологию, учить обычаям и принимать участие в праздниках?»

- С рождения — 48,6% [196];
- В детсадовско-дошкольный период — 28% [113];
- Начиная с 6-7 лет («со школы») — 17,4% [70];
- С совершеннолетия — 6% [24].

Как видно, здесь произошло перераспределение ответов, традиционалистский перевес сгладился с 52,1% до 48,6% за «традицию с

рождения». Процент модернистов снизился с твердых 14,4% в два раза (до 6%), зато значительно увеличилась доля «за компромисс» — в сумме ответы «с детского сада» и «со школы» дают 45,4%.

Как нам пояснили несколько респондентов в частной беседе, порой взять грудного ребенка в лес на большой кологодный праздник сопряжено с трудностями для родителей и ребёнка, а также с рисками для здоровья маленьких детей. То есть погружению ребёнка в традицию в формате участия с ним в больших праздниках на раннем этапе порой мешают санитарно-бытовые проблемы.

Начало активного приобщения детей к традиции «со школы» также связывается с тем, что со школьного возраста роль семьи как автора социализации постепенно уменьшается и заменяется школой, учителями и сверстниками. Приобщение к традиции в этом возрасте становится ещё одним связующим звеном между ребёнком и семьей и, в потенции, усиливает его идентичность как язычника на фоне сверстников. К тому же на школьные годы приходится период пубертата, времени пересмотра подростком ценностей и подчас демонстративного «свержения авторитетов». Как показывают исследования и анкеты религиоведов⁸⁹, многие язычники находят традицию и свой духовный путь как раз в период пубертата или на выходе из него, что делает это время в жизни подростка особенно важным для корректного ознакомления с традицией и сохранением позитивной связи с семьей.

Для более выпуклой и наглядной иллюстрации «права выбора» мы можем обратить свой взор на ситуацию народа калаши, проживающего на севере Пакистана⁹⁰. Вымирающий народ калаши — последние язычники в этом горном регионе, окруженными радикальными исламистами. Структура их языческой традиции и образа жизни устроена так, что как только кто-то из молодых людей принимает ислам, его тут же исключают из числа сородичей и он уходит жить в другое место. Так происходит потому, что нормы ислама несовместимы даже с нормами быта и хозяйства калашей, не говоря уже о традиции и Богах. Выбор иной религии здесь приводит к разрыву родовых связей и полному отчуждению, изгнанию. Для европейских реалий такой пример, безусловно, является гиперболой, но он подчеркивает, что не следует заигрывать с «правом выбора» в сфере традиции, так как это неизбежно влечет за собой последствия. Выбор без последствий есть крайняя форма разрушения общественного устройства и забвения традиции.

⁸⁹ См. альманахи «Colloquium Neptaplomeres» под ред. Р. Шиженского, НГПУ им. М. Пожарского, Н. Новгород.

⁹⁰ См. статью «Народ калаши и идентичность».

Город и деревня

Вопросы №14, №15, №16.

Один из часто упоминаемых вариантов воспитания детей в традиции — это закрытое воспитание в тесном кругу единоверцев. Зачастую речь идет о разного рода автономных поселениях в деревнях, туристических зонах типа Горного Алтая, Хакасии или на Дальнем Востоке, в экопоселениях и т. п. Аргументы «за»: близость к природе, аграрному образу жизни, труду, воспитание «в старом духе» или «в мужском духе», воспитание в тесном кругу единоверцев без соблазнов и влияний извне, из мира цивилизации. Аргументы «против»: неизбежность хотя бы минимального влияния цивилизации, контактов с туристами, повышенное внимание органов опеки к таким «диссидентам», трудности с медициной, трудности с образованием и социализацией детей в будущем.

Для исследования отношения к этой теме был выделен отдельный блок вопросов.

«Как Вы относитесь к идее, что полноценное воспитание ребёнка в традиции возможно только в кругу единоверцев и их детей (закрытое традиционное воспитание)?»

- Положительно — 11,2% [45];
- Скорее положительно — 40,2% [162];
- Скорее отрицательно — 36% [145];
- Отрицательно — 12,7% [51].

В этом вопросе мнения разделились почти поровну: скорее/положительно — 51,4% и скорее/отрицательно — 48,7%⁹¹

Так как закрытое воспитание априори подразумевает проживание вдали от городов, а также, потому что дискуссия «город против деревни» в язычестве довольно распространена, мы затронули и эту тему.

«Как Вы относитесь к тезису, что подлинное воспитание и укоренение ребёнка в традиции до конца невозможно в большом городе, но возможно в деревнях?»

- Положительно — 13,6% [55];
- Скорее положительно — 33,5% [135];
- Скорее отрицательно — 38,5% [155];
- Отрицательно — 14,4% [58].

⁹¹ Автоматическое математическое округление процентов до одного знака после запятой в сумме дает погрешность в 0,1%, или 0,4 человека, что является допустимой погрешностью.

Доля отрицательного отношения к возможности укоренения ребёнка в традиции только в деревне, по сравнению с вопросом о закрытом воспитании, возросла с 48,7% до 52,9%, доля позитивного отношения соответственно снизилась с 51,4% до 47,1%. При этом мы видим, что доли строго «положительного» и «отрицательного» отношений выросли примерно на 2% каждая. Так, когда речь идёт не о закрытом воспитании, а о воспитании в деревне, это вызывает положительную реакцию у 13,6% ответивших, против 11,2% соответственно.

Противоречивость мнений в языческой среде вновь проявляет себя в следующем вопросе, где мы предлагаем поразмыслить над перспективой переезда из города ближе к природе, если это будет способствовать воспитанию детей в традиционном русле:

«Готовы ли Вы для того, чтобы воспитать ребёнка ближе к традиции, переехать из города ближе к земле и природе (в пригород, в деревню)?»

- Да, готовы — 17% [68];
- Скорее готовы/рассматриваем такой вариант — 35,7% [143];
- Скорее не готовы — 16% [64];
- Нет, не готовы — 17% [68];
- Уже проживаем в сельской местности — 14,2% [57].

В сумме не готовы к переезду из города 33% язычников. Ещё 52,7% готовы к переезду либо всерьёз рассматривают такой вариант. Наконец, ещё 14,2% уже проживают в сельской местности. Итого, результаты *pro et contra* показывают диспропорцию 66,9% против 33%⁹². Близкие цифры были и в ответе на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы ваш ребёнок придерживался той же традиции, что и Вы, и развивался в ней?» — 64,3% «за» и 35,7% «против» соответственно. Можно говорить о немного колеблющейся корреляции между желанием, чтобы дети следовали традиции родителей и народа и готовностью жить в деревнях или в отдалении от мегаполисов, если это необходимо.

Возвращаясь к насущному вопросу о том, что язычество — городской феномен, по результатам опроса (и многочисленным попыткам, разной степени успешности, язычников совершить исход из городов) можно выдвинуть гипотезу о том, что современное городское язычество испытывает экзистенциальную усталость от урбанизма и городской квази-жизни. В современном язычестве есть устойчивая грёза о деревне и природе как

⁹² Погрешность округления 0,1%.

источнике подлинности и священных переживаний, что ниже подтвердят данные ответов на другие вопросы.

Не стоит упускать из виду и обратное желание некоторых язычников перебраться из глубинки в более крупный город, так как в городах им легче найти единоверцев и единомышленников; просто потому, что в городе больше численность населения и вероятность найти соратника выше. Здесь можно выдвинуть предположение-предложение для городских язычников идти навстречу единоверцам, которые уже имеют «плацдарм» в провинции и расширять горизонтальную сеть единомышленников и общин за пределами городов, в духе культурного традиционалистского почвенничества и народничества.

Касательно закрытого традиционного воспитания — этот вопрос так и остается дискуссионным и открытым.

Вопросы воспитания в традиции

Вопросы №6, №10, №11, №12 и №13.

«Какой стиль воспитания Вы, скорее всего, выберете для своего ребёнка?»

- Предоставление ребёнку возможности высказывать своё мнение, отношение, право выбора — 80,9% [326];
- Строгий контроль деятельности и поведения ребенка, требовательность — 16,9% [68];
- Отсутствие активного участия в процессе обучения и воспитания — 1,5% [6];
- Удовлетворение любых желаний и потребностей — 0,7% [3].

Подавляющее большинство язычников предпочитают гуманный стиль воспитания детей, направленный на развитие их самостоятельности.

Сугубо либеральный подход исповедуют в сумме 2,2% опрошенных. Остальные придерживаются строгого воспитания.

Наиболее интересен блок вопросов с №10 — №13, посвящённый позитивным и негативным факторам, влияющим на воспитание и укоренение детей в традиции.

Десятый вопрос: «На Ваш взгляд, какие факторы могут негативно повлиять на воспитание ребёнка в традиционном русле? Если нужно, выберите несколько».

Ответы распределились следующим образом:

- Современное светское образование — 32,5% [131];

- Курс ОПК в школе — 42,9% [173];
- Патриотическое воспитание и пропаганда — 33% [132];
- Влияние Интернета, игр, поп-культуры, социальных сетей и гаджетов — 59% [241];
- Влияние сверстников из светских атеистических семей — 29,3% [118];
- Влияние пропаганды мировых религий (христианство, ислам, буддизм) — 52,4% [211];
- Жизнь в мегаполисе, крупном городе — 37,5% [151].

В динамике опроса вариант «Влияние Интернета, игр, поп-культуры, социальных сетей и гаджетов» лидировал с самого начала и до завершения опроса. Из всех предложенных этот вариант выражает культуру Постмодерна и глобализации, неудивительно, что он сразу же был отмечен респондентами как наиболее негативный фактор в воспитании детей. Примечательно, что аналогичный набор «Интернет, игры, гаджеты» вызывает особое беспокойство и у светских педагогов в обыкновенных школах.

На втором месте закономерно расположились представители мировых религий, чья активная пропаганда, в том числе и в сфере образования (см. вариант с курсом ОПК в школе), вызывает справедливое беспокойство языческого сообщества.

Жизнь в мегаполисе как негативный фактор в общей сумме опрошенных назвали 37,5%. Современное светское образование, патриотическая пропаганда и влияние светских сверстников беспокоят примерно треть всех респондентов.

В дополнение к этому вопросу каждый желающий мог указать те негативные факторы, которые лично он считает важными. В этой части исследования пусть ответы говорят сами за себя.

Сводный список свободных ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие ещё факторы могут негативно повлиять на воспитание детей в традиции в современном мире?» выглядит следующим образом⁹³:

- Лень, невнимательность и невежество родителей [20];
- СМИ и ТВ [16];
- Религиозные родственники и старшее поколение, внутрисемейный религиозный конфликт [15];
- РПЦ [13];
- Школа и школьная среда, сверстники [11];
- Политика государства [6];

⁹³ Представлены только самые распространенные ответы, полный список ответов см. в расширенной брошюре.

- Излишний религиозный фанатизм родителей [5];
- Толерантность [4];
- Воспитание потребителей, культура потребления [3];
- Отсутствие нравственных устоев и личного примера [3];
- Алкоголизм [3];
- Поп-культура [2]

Перейдем от недостатков современности и негативных факторов к тем действиям и приёмам в воспитании, которые позволяют привить детям интерес и любовь к традиции и культуре. Ответы на вопрос №12, посвящённый этой теме, расположились следующим образом.

«На Ваш взгляд, какие факторы могут способствовать воспитанию и укоренению ребёнка в традиции? Если нужно, выберите несколько».

- Участие в фольклорных кружках, творческих клубах и самодеятельности — 52,1% [210];
- Изучение народной культуры, литературы, мифологий народов мира, ремёсел — 88,6% [357]
- Активное участие в проведении и организации традиционных праздников, ритуалов и практик — 56,3% [227];
- Сближение с природой: походы, экспедиции, поездки в деревню к старшим родственникам и т.п. — 89,6% [361];
- Введение курса «Основ традиционной культуры» (аналог ОПК, но без православия) — 29,3% [118];
- Создание общинами своих образовательных программ и учебников с опорой на традицию (как доп. Образование / факультатив к школе или альтернативное образование) — 42,2% [170].

Абсолютное лидерство занимают варианты «Сближение с природой, поездки в деревню...» и «Изучение народной культуры, мифологий...». Максимальное неприятие глобалистской западной культуры Постмодерна и одновременное ещё большее стремление к природе, старшему поколению (отголоски культа почитания предков) и изучение как родной культуры, так и мифологии в целом подтверждают ранее высказанную гипотезу о существовании имплицитной «грёзы о деревне и природе». При этом в номинальных цифрах за оба лидирующих варианта проголосовало больше людей, чем тех, кто проголосовал против «Интернета, игр и гаджетов», ergo данная тема важна даже для тех язычников, которые в других вопросах скорее готовы пойти на компромисс.

Более половины ответивших на вопрос связывают успешное укоренение детей в традиции с участием в фольклорных клубах, кружках, а также с участием в ритуально-обрядовой жизни, языческих праздниках и фестивалях.

При этом менее 50% респондентов заинтересовались темой создания своих собственных языческих образовательных программ (факультатив к школе, доп. образование). В то время как на Западе языческие объединения Асатру или Эллинизма уже давно стремятся создать такие школы или методики, организуют классы и выпускают литературу по традиции, адаптированную для детей.

Наконец, официальный курс — аналог «ОПК», но сугубо языческой традиционной направленности — и вовсе заинтересовал менее трети ответивших на вопрос. Можно предположить, что низкий интерес к теме связан с недоверием язычников к официальной образовательной системе и желанием избежать излишнего контакта с Государством, если эти же задачи можно решать без его участия.

В дополнение к этому вопросу каждый желающий мог указать те позитивные факторы, которые он считает важными со своей точки зрения. В этой части исследования пусть ответы говорят сами за себя.

Сводный список свободных ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие ещё факторы могут способствовать воспитанию детей в традиции в современном мире?» выглядит следующим образом⁹⁴:

- Живой пример повседневной религиозности, личный пример [65];
- Связь с семьей, климат в семье [17];
- Литература, сказки, книги, ресурсы [8];
- Интерес самого ребенка [8];
- Участие в реконструкторском движении [4];
- Пропаганда традиции [4].

Как можно заметить, вопрос о позитивных методах вызвал у респондентов повышенный интерес. Основной приоритет заслуженно отводится роли семьи и внутрисемейных отношений; если в семье живут единоверцы и своим примером сызмальства показывают детям путь, то это, согласно опросу, является самым сильным залогом укоренения ребенка в традиции. Вспомним, что среди негативных факторов так же в числе лидеров присутствуют внутрисемейные факторы — религиозно-поколенческий конфликт и незрелость, невнимательность родителей. Подтверждается педагогическая максима о том, что всё идёт из семьи.

⁹⁴ Представлены только самые распространенные ответы, полный список ответов см. в расширенной брошюре.

Язык традиции и язык современности

Вопрос №18.

Последний вопрос нашего исследования так же связан с основной проблематикой традиционного воспитания в условиях современности (как и вопросы №9 и №17), но забегаем немного вперёд, обращаясь к тому, какой результат воспитания детей в традиции хотят видеть их родители.

«На Ваш взгляд, Вы бы хотели, чтобы ваш ребёнок руководствовался в своих поступках и объяснял явления в этом мире с опорой на родную традицию или обращался к светским наукам? Если нужно, кратко укажите свой вариант».

Финальный вопрос вновь наглядно фиксирует, что современное язычество живёт как бы «в промежутке», в натяжении между строго модернистским подходом к традиции и собственно традиционалистским дискурсом.

Из списка «своих вариантов» были отброшены нерелевантные ответы не по теме вопроса. В итоге обработано 374 ответа на вопрос.

- Хотелось бы, чтобы ребёнок использовал язык традиции — 42,25% [158];
- Хотелось бы, чтобы ребёнок использовал научный, светский язык — 24,33% [91].

Так как этот вопрос предлагал «свой вариант ответа», то твердыми цифрами являются крайние полюса «за язык традиции» (42,25%) и «за светский язык» (24,33%), что в сумме составляет 66,58% опрошенных.

Среди оставшихся ответов (33,42%, треть опрошенных) оказалось возможным выделить доминирующие группы мнений:

- Сторонников того, что язык и мировоззрение традиции не противоречат светскому языку, что язык науки и мифа можно совмещать, что язык традиции дополняет научный — 18,45%;
- Сторонников позиции, что ребенок должен обладать как бы двумя языками и переключаться между ними в зависимости от ситуации и контекста, например: объяснять профанные явления языком науки, но когда речь заходит о сакральном переходить на язык традиции — 7,75%;
- Так как среди ответов попадались совсем сухие «и то и то» и «оба варианта», которые сложно однозначно определить в ту или иную позицию, то мы замечаем, что в опросе осталось 7,22%, которые можно с равным правом присовокупить к любому из двух компромиссных вариантов либо разделить поровну.

Финальные тезисы

- I. Современное язычество живет в ситуации неразрешённого и слабо осознаваемого наложения двух разных парадигм — Традиции и Модерна. Это наложение является источником конфликта в устремлениях язычников, когда про-традиционные инициативы и начинания блокируются социально-политическими и мировоззренческими установками Модерна, и наоборот, когда сторонники современного подхода настаивают на необходимости «модернизации» и адаптации традиции под условия времени.
- II. В цифрах доминирует про-традиционалистский дискурс и интуитивные устремления язычников в этом направлении, но и строго модернистский полюс язычников также отчетливо выражен. Между двумя полюсами существует значительная (не менее трети язычников) прослойка, выступающая за компромисс или синтез двух парадигм. Но в зависимости от ситуации язычники этой прослойки так же занимают позиции ближе к традиционалистам или прогрессистам. Консервативная повестка доминирует над либеральной.
- III. Мировоззренческая структура язычества отражается и на вопросах воспитания детей в русле традиции в условиях современности. Активное большинство молодежной возрастной группы продолжает оставаться малолетним. Тем не менее подавляющее большинство выступает за активное включение детей в традицию с рождения или с детства.
- IV. Язычество все ещё остается городским феноменом, но среди городских язычников есть интуитивная грёза об исходе из городов, о деревне и природе как источниках священного опыта и благоприятной среде для традиции и воспитания детей.
- V. Определяющее всё воспитание детей в традиции место язычники отводят семье и личному примеру родителей. Религиозно-поколенческий (бабушки-христиане, дети и внуки-язычники) конфликт назван одним из самых неприятных и нежелательных. Также отмечается наличие культа старшего поколения, многие указывают на важность визитов к «бабушке в деревню» и благоприятный климат в семье.
- VI. Одним из наиболее враждебных языческому воспитанию факторов названы современная глобалистская поп-культура, Интернет, социальные сети и гаджеты. Язычники отчетливо видят радикальное отличие традиционной культуры и ценностей от популярного

мейнстрима и культурного статус-кво. Шире — речь идёт о негативном влиянии окружающей среды и культуры в целом.

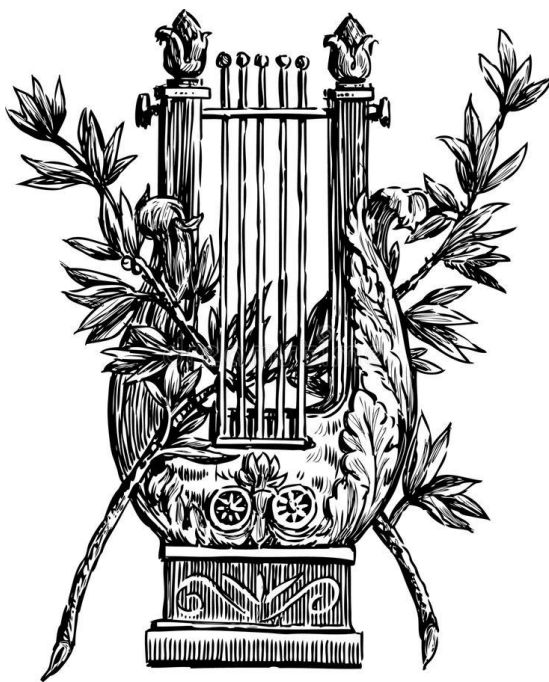
- VII. Язычники были бы не против, если бы Государство (СМИ, РПЦ, ОПК в школах как де-факто его составные части) не вмешивалось и не оказывало бы давления на жизнь язычников и то, как они воспитывают детей.
- VIII. Инициативы по созданию своего, традиционалистского языческого образования, учебников и курсов вызывают определенный интерес среди язычников; можно констатировать, что такой запрос существует.

Вот такой получился «слепок» мнений с языческой среды относительно вопроса о воспитании детей. Мы сделали из него те выводы, которые он нам сам подсказал. С некоторыми тезисами читатель может не согласиться, но цифры и ответы на конкретные вопросы говорят сами за себя. Во многом проблематика всё ещё нуждается в более детальном изучении, к чему приглашаются энтузиасты и специалисты. Мы лишь зафиксировали спектр мнений в первом приближении и сделали широкие обобщения, насколько нам позволила выборка в ± 400 респондентов.

Всё в наших руках. Вместе мы победим.

Исследование провел:
Нечкасов Евгений
(Askv Svarte)
2018 e.v.

ПОЭЗИЯ

Александр Беялов

В тишине уединенья...

Поэт, философ, переводчик с английского, родился в 1954 г. Изначально эта подборка стихов готовилась к публикации в альманахе «Волшебная Гора», но в связи с трагическими событиями альманах практически прекратил своё существование. Сегодня эти стихи 80 – 90-х годов наконец предстают перед читателем.

В тишине уединенья,
В тайном пламени свечи
Звуков высшее струенье,
Ясной заповедь ночи.

Пусть замрёт твоё дыхание.
Слушай звуков волшебство,
Их из дали прибыванье,
Их слияние в одно.

Звуки, звуки нарастают,
Торжествует бытиё.
Знаки горные витают.
В думах всё претворено.

Ветра дыхание, шелест листа.
В глубине сокрытой мерцает звезда
В тиши разверстой... тихой невестой...
Сердце, о чём ты? Это струна?
Это струна... из глубины, сердце струны,
Тихое пение там в отдалении.
В зелени сада, в доме волшебном
Есть существо, есть удивление.
Бог — дуновение.

Всё замечает бесконечная пурга:
Мосты, дороги и дома,
И друга уходящего следы.
Видны лишь белые курганы
И путник, исчезающий вдали.
Скорей из ледяных объятий стужи
К уюту, в теплую постель,
Во сне забыться и оттаять.
Но странный крик вдруг пробуждает...
Я вижу... в горнице просторной и пустой
Дитя... испуганно рыдает.
И где-то раздается вой
И ветер дверь с петель срывает.

Душа, ты призрачнее тени,
Поблекшей в пасмурном чаду,
Как в зеркале разлитом... отраженье,
Себя не видишь ты в аду.
А где-то рядом есть спасенье.
Незримый Друг, как сновиденье,
Как в прошлой жизни глубь воды,
В прозрачной, солнечной — круги...
Исчезли на песке следы,
И ток зеркальный жизнь уносит.
«Куда? – спросила тень. – Куда идти?»
Зеркальность не имеет глубины.

Образ надежды в тихом теченье
Тумана... открылся виденьем, исчез.
Кто-то желает в сокрытом — свеченье.
Кто-то не знает, и все же он есть.

Молнию, бездну, расселину носит
Грудь твоя в облаке или пурге.
Молнией стану, увидишь ли пропасть,
Где пропадают на высоте.

Приходит смерть, когда душа мельчает,
Когда забудет Высь или Простор,
Когда конечное и Жизнь венчает,
И Вечного нигде не видит взор.

Но дух живой великое лишь чает,
Что без границ — не выдержит затвор.
Уходит тело. Это означает,
Дух в даль иную крылья распростер.

Ворвался в душу буйный ветер горный
И Вечное в отчаянье вдохнул,
И высотой Жизнь душе вернул.

Мне видятся снега и всход упорный,
И радость шага-танца на краю.
Бескрайность, синь, и я внутри стою.

Много раз подходил к тому краю моста
И смотрел в глубину тихих токов.
И глядел так и сердце своё утешал,
Утешал, что проходят все сроки.

Несказанная тайна есть в глуби реки,
Взор, в неё погружаясь, светлеет.
Помню утро — меня осенили стихи,
Что из сердца исток её реет.

Словно птица вспорхнула; и даль, окрыляясь,
Всё наполнила звуком и пеньем,
Повлекла меня к краю, в бескрайность стремясь,
Где ветра безраздельные веют.

И казалось, я весь перезвон и простор,
Сердце — полное чаши небесной.
К золотому я другу в сияниях шёл,
Чтоб поведать мечты моей песни.

Золотое сверкает и льется вино,
И в провалах лазури бездонной
Золотая звезда, как жемчужное дно...
И слова в Бесконечность впадают.

То словно смерть, когда один во всей вселенной.
Бредешь в ночи без Смысла и Огня.
Все отдал я для мысли вдохновенной,
А мысль как пепел развеяла меня.

В ночи бездонной, словно в пропасть, мчатся вещи.
Как пусто всюду, чуждо для души.
Хочу надежды я услышать голос вещий,
Но мертвый звук приходит из тиши...

Вдруг... луч тончайший, золотой стреле подобный,
Пронзает одиночество мое.
Ликуя, падает душа... в провал бездонный.
С Безмерностью слилась она в одно.

Когда бесформенного чувства тело,
Расплывшись фотоискажением,
Подобно судороге в желании окаменелом,
Вдруг засияет мысли многогранным переливом;
И каждой грани луч проекцией сомнения погибнет,
Чтобы в ожившем теле
Ночь сонная очнулась волнами прилива,
Возникнет человек,
Из праха тленья
Восстав мгновением горенья,
Как вызов времени,
Чтоб всею этой болью
Прожечь в пространстве спёртом
Дверь к Воле и доверью.

Бездна ли то завывает,
Или поёт глубина,
Или в ночи вырастают
Два непокорных крыла.
Луч от звезды отделился.
Меч в вышине запылал.
Ветром проносится рыцарь.
Песнь устремляется вдаль.
Темень огонь остужает.
Меч рассекает лёд.
Конь тетиву натягает.
Неотвратим полёт.

Шум великий мысль пробуждает,
Тени сгущает, сердцу вещает.
Взгляду бесстрашие ветр обещает.
Вихрь обернется; ночь окружает;
Мрак беспощаден;
Танец пылает.

Кто... мы?
Что нужно нам... двоим,
Когда наш дух бездонный глубиною ранен?
Что чают эти две души?
О, песнь безмерной глубины! О чём же ты?
О гибели иль о рождении души?

Вспыхнул букет, и лицо озарилось.
Бабочкой легкой вспорхнула вуаль.
Вздрагнули тени, и сердце забилося.
Замерло сердце... запела в нём даль...

Песня стенала, стенала, стенала.
В стенах безмолвья стенала печаль.
Окна раскрылись, и свежести ливень
В брызгах восторга тебя целовал.

Ветер умчался, похитив дыхание.
Кто-то недвижно стоял у окна.
Ветер кружился, кружились лобзанья.
В сердце свечою струится струна.

Ночь взорвалась шампанским,
Вспенилась звездным заревом
И в аритмии лобзаний
Заполыхала танцем.

Мглою набухший воздух
Вспыхнул в сиреневых гроздьях.
Гроздья выжали зелье,
Зелье колдуньи и феи.

Льется в танцующем теле,
Переполаясь в потоп.
Тонет все, что не смеет.
Смеет только поток.

Томился я пролиться ливнем
На девы белокурой грудь,
Чья речь текла к пределам дивным,
Где дум жемчужные заливы,
И смех богов всех звуков суть.

Глаза... звезды любовь таили.
В них тень страшилась заглянуть.
В бездонность счастья струи лились,
Безумные лучи родились
В глуби, где только утонуть.

И ветра буйного порывом
С неукротимостью мечты
Помчал я рать на край обрыва,
Чтоб обладать или погибнуть,
Чтоб гибнуть в море красоты.

Грусть моя прозрачна, глубока,
Только схлынут шумных вод приливы.
Есть в глубинах радости река.
Челн плывёт, в нём я сижу с любимой.

Тает ночь... и юности заря
Светозарный открывает берег.
Подплывёт жемчужная ладья...
Мир утонет в золотую негу.

Поцелуй мой — пламенно-нежный.
Поцелуй мой — почти безнадежный.
Я таинственной страстью ведомый.
Я о чём-то тоскую бездонно.
Я в далёкой мечте пропадаю.
Я в сиянии грёз исчезаю.
Поцелуй мой — пламенно-нежный.
Поцелуй мой — почти безнадежный.

В твоих движениях-дуновеньях
Дрожит рассудок мой, как лист.
И целый мир пришел в круженье,
И шепчет ветер: «Оторвись».

Иду по улицам знакомым.
Здесь прошлое...
И снова мы вдвоем.
Здесь ветра дуновенье
И колыханье ветви
Воспоминания доносят
О невозвратно-трепетном былом.
Вот по аллее мы идём.
Касаюсь я твоей руки, волос...
В твоих движениях робких
Порыва затаённость.
Смотрю на тонкий величавый профиль.
Вот встречи взглядов миг.
В нём вся невысказанность говорит,
И душу... даль неизъяснимая тревожит...
Глубоких струн протяжный звук дрожит.
Божественно-неповторимый лик.
Он весь — призыв.
Он — единение и разделённость,
Пред ним всей жизни зыбь.

Я уйду в морской простор.
Мой парусник с волной в объёмах.
Свободы жадно пью настой.
Прощай желаний мир невнятных.

Прощай жизнь кое-как, жизнь в долг.
Я с ветром открываю дали.
Я навсегда был одинок.
Прощай мир лживых ожиданий.

Я с бурей славлю бытие.
Здесь жизнь и гибель – все прекрасно.
Здесь в небесах мечты крыло.
Прощай стенаний мир напрасный.

Выражаем благодарность С. Жигалкину за предоставленные стихи.

Askr Svarte

Нас гонит великий Urbus,
Хтонический демон соблазна,
И мы убегаем в ночь, туда,
Где мышление опасно.

Мы странники периферии,
Живем мы под маскою дней.
Мы знаем, что мы не слепые,
В ночи наши Боги видней.

Мы мчимся туда, где земля ещё дышит,
Туда, где покойники ходят и спят.
Там, где ветер кресты из железа колышет,
Мы добавляем мерный шелест лопат...

И вот дорогою пьяной и старой
Мы проникаем в сибирскую глушь,
В избушке из бревен усталой,
Сакральной мы делаем чушь!

Вином и огнем сердца разжигая,
В старую печь мы бросаем дрова.
Она, их так жадно сжирая,
Кормит бесов и духов огня.

В экстаике древней танцуя,
Бубен играет и тамбурин.
Со стен из ночи наблюдают
Юра Мамлеев и Головин.

А там, на кровати, чрез дымку,
Трупы и кости играют в шах.
Их мёртвозубой улыбке
Все отвечают – Ах!

И явного мира ломались скрижали,
И ночи не видно конца,

И безумцы с нагими мудями
За грань села посылают гонца...

И тот возвращался с ухмылкой,
Под маскою быв без лица —
Неся с собой черную Бездну,
Укутав в портянку Словца!

И криком раскрылись вакханки,
И травы пьянили глаза,
Все голые люди святились,
Священным приходом Конца!

И домик наш был непригляден,
И в зимней ночи тишина берегла,
И тех, кто Богами являлся,
Вновь принимала Земля...

Valdr

Τέμενος

Вы видели неба разрыв?
Когда кровь закипает в жилах
Разум от мыслей укрыв
Безумием в крошечных могилах...
Раздутая точка Нун
В созвездий зыбком свете
Кристаллом вековых льдин
Разрывает бездны в планете
За дрожью зрачков вулкан
Обрекает в путь на вершины
Расчленяя иллюзий обман
Сквозь обветшалых столетий пучины
Крик обречённых немой
Закипает в недрах рассудка
Танцем фатальных картин
Расстилагает вуаль промежутка
Секунда хватается за хвост
Минуту, а та другую
Узор этот очень прост
Обнажает реальность иную
И за пределом Бардо
Гудит охмелевший голос
Там уже нет ничего
Ты разверзнул сакральный Топос!

Посвящено Адмиралу (Е. В. Головину)

С собой

Мне бы лететь по ветру,
Раскинувши клетки крыл,
Не попадая в сети,
Чтоб ворон крылом укрыл.

Мне бы испытать без остатка
Чашу мудрости, что зовут — Тоска,
И вспоминать украдкой,
Как грела Твоя рука.

В вечных картинах, сюжетах
Мне бы читать нарратив,
Чтобы внимать без ответов
Твои грёзы, чей сокрыт мотив.

Мне бы забыть о памяти
И раскрыть для себя вокруг
Те Духа глухие бескрайности,
Что порождают испуг.

Мне бы истечь водами
Прямо к твоим берегам,
Стать безымянными тропами,
Что разрослись по твоим следам.

Мне бы услышать тебя сквозь пропасти,
Твоих уст медовых слова,
Что расчленяют плоскости
Этот мир — лишь игра твоя.

Мне бы покинуть лопасти,
Шагнув навстречу тебе.
Упасть в твои глубинные области
В устремлении и наготе...

Посвящено Е. В. Головину

Крив Томский

Вериги железобетонные на хиленьких душах охлоса,
Глазами умалишенными глядящего в бездну Космоса,
Молящего об избавлении, от плети тугой хозяина,
Чтоб с барских столов угощение в корыто им было свалено.

Потомки воителей Севера во чреве гниющем Империи,
На лживый блеск злата-сЕребра сменявшие шлемы Эйнхериев,
До свинарей опустились, свои пошатнувши основы,
Сменили цариц трофейных на дырку шлюхи портовой.

В параше копается брахман ища похмелиться под утро,
В хлеву отсыпается кшатрий, горланит с трибуны шудра.
И медленно, с наслаждением, любуясь закатом багровым,
Шашлык доедает вайшья из мяса священной коровы.

Безумие трупным ядом сочится неумолимо,
Ожили образы Ада с полотен Иеронима.

Как улей, лишившийся матки, в горниле Железного века,
Беснуясь, бьется в припадке гаснувший род человека.
И будто бы освобождение из этого душного плена,
Надежду даря к возрождению, блеснула серпом Марена.

Когда умрет последний идеал,
Когда уйдут забытые герои,
Мы все поймем, что этот мир пропал,
И мы в нем не сыграли главной роли.
Когда под звоном золотых монет
Навек умолкнет лязг бунтарской стали,
Мы вновь увидим утренний рассвет,
Не осознав, что волю потеряли.
С глаз не спадет густая пелена
Простого потребительского счастья,
Умчится миг, жизнь лопнет, как струна,
И всё пройдет без нашего участия.
Наш жалкий обывательский покой
Не удостоят памяти потомки,
История стремительной волной,
Проглотит нас, как корабля обломки.
Угаснет пламя воли навсегда,
В груди у покорившихся без бою,
И полетит во тьме Полынь-звезда,
Хвостом сметая судьбы за собою.

Голова

Оружья нет страшней, чем слова яд,
Нет хуже унижения, чем жалость!
Что в души гордым сотни раз впивалась,
Творя в душе вольнолюбивой ад!
Волк никогда не станет кроткою овцой,
Мудрец не сыщет благодати рая,
И с гордо поднятою буйной головой
Бунтарь на мрачный эшафот шагает...
Вот катится с помоста голова,
Глаза распахнуты, а зубы плотно сжаты,
И ужасом губители объаты,
Бормочут тихо бранные слова.
Смерть мастерским ударом палача
Срубила ту, что родила идею,
Но мысль пламенная, громом грохоча,
Мир не покинет за загробной дверью!
На кол насажена, как знамя, голова,
Уносит в небо ворон ясны очи,
А в тишине промозглой темной ночи
Заклятье шепчет старых древ листва:
«Волк никогда не станет кроткою овцой,
Мудрец не сыщет благодати рая,
А то, что распрощалось с головой,
Пускай стервятник в поле растерзает!»

Колыбельная Ангрбоды

Взвейся над полем дым!
К тучам вздымайся пожар!
Съеден будь волком злым
Солнца кровавый шар!
В шепоте древних рун
Речь о дурных вестях,
В звуках безумия струн
Пляска моя на костях!
Песня из порванных уст
Шилом каленым в ушах,
Кров ваш пусть будет пуст,
Снедь обратится в прах!
Горе падет на ваш род,
Волки пожрут стада,
Скиснет душистый мёд,
В яд обратится вода!
Ярче гори же пожар!
С тучами слейся дым!
Рухни кровавый шар
На главы вершинам седым!
Рёвом бездны морской
Пусть прогремит мой глас!
В сердце каленой стрелой
Гнев мой настигнет вас!

**Крив Томский
«Волотов Узел»**

Креслав Томский

Пустотою обернувшись у окна,
Зазвенела, закричала Тишина,
Белым саваном прикрыла грязь дорог,
Все пути, что вдаль уводят за порог.
За дорогами за теми тихий сон,
Песни ветра и реки замерзшей стон.
Колыбельная покинутых лесов,
Схоронивших до весны своих Отцов.

13.10.2016

Мы убегаем в тьму безлунной ночи,
В безмолвие заброшенных побед.
Гони, гони, брат, что есть мочи
Туда, где виден будет нам рассвет.

Они не знают этих наших песен,
Не ведают былин седых лесов,
Им шепот трав, увы, не интересен
И речи позабытых праотцов.

Гони скорей и ничего не бойся,
Нас сумрак чащи примет, как родных,
Вдохни простор, безумством успокойся
Живой средь мертвых, мертвый средь живых.

24.03.2017

Крутится колесо от времени до круговерти,
Дышится человеку от рождения и до смерти,
Тропами да дорогами все плутать вынется,
Ямами да порогами все бродить кинется

Путником непрошеным на порог явится:
Здравствуй, хозяин, да хозяйка-красавица!
Не человек к вам явился то гостевать,
Но путь, по которому всем хаживать...

09.06.2017

Путь тишины — безумие надежды
Среди руин ушедший красоты.
Отброшен разум, сброшены одежды,
Священной пляской сожжены мосты.
Средь мерзости разумных рассуждений
Хмельным восторгом обрести покой.
Стать звуком бубна, шепотом растений,
Небытием и времени рекой.

02.05.2018

Креслав Томский
«Волотов Узел»

Чеслав Вятч

Велесов овраг

Где река протекала древняя —
Лишь овраг теперь, след безвременья.
Где дубрава стояла священная —
Дуб стоит один, память древности.
Там, где капище было древнее —
Камня два, память о былом.
Где обряды правили пращурь
Да богов родных предки славили —
Тын церковный потомки поставили.
Где зари восход человек встречал,
Где луну в ночи, в думах созерцал,
Солнца где закат встречен был не раз —
В праздности погряз потреблядства раб.
Где волхвы рекли мудрые слова —
Бродят големы, как стекло глаза.
Где была земля, словно мать родна,
Стала мачехой злою во кресте.
Где земля была чести, верности —
Ярмарка стоит и торгуют всем.
Где была земля плодovитою,
Где был род силён, крепок и могуч —
Жизнь опутана мглою мрачных туч.
Но воспрянет дух в утренней заре
И пройдёт как встарь в утренней росе
Средь высоких трав к дубу старому,
К Велеса брегам, мудрости ручью.
Погрузим себя в воды родника
Восстановим вновь связь с истоками,
Вновь родным богам слава прогремит,
Пиром с тризной пращуров почтут.
Воспылают вновь до небес костры,
И огонь сердец разгорится вмиг.
Станут вновь честны и вольны собой,

Смradный морок душ
Сгинет прочь долой.
Слава пращурам и земле родной!

Чеслав Вятч

КНИЖНОЕ РЕВЬЮ

Коллин Клири: радикальный традиционализм и открытость Бытию

(Предисловие к К. Клири «Взывая к Богам», изд. «Тотенбург», 2017 г.)

О самом себе Коллин Клири сообщает лаконично: «Доктор философии, независимый исследователь из Айдахо. Один их основателей альманаха “TYR: Миф-Культура-Традиция”; мастер Гильдии Рун, автор книг “Взывая к Богам” и “Что есть Руна?”».

Не стоит принимать его скромность за академическую сухость — перед нами один из интереснейших современных авторов, рассматривающий германо-скандинавскую традицию — Одиниизм, как её нарекает сам Клири, и как называем её мы, — не как праздный эзотеризм для скучающего современного городского жителя, но как метафизическое и философское выражение культуры Запада. Особый колорит портрету автора добавляет то, что он манифестирует свою европейскую идентичность и наследство континентальной философии из запретных земель, лежащих за Геркулесовыми столбами.

В лице Клири мы встречаемся с радикальным традиционализмом, с помощью которого он определяет метафизическое состояние эпохи и разворачивает глубокое интеллектуальное прочтение германо-скандинавской традиции. Досократики, Платон, Жорж Дюмезиль, Майстер Экхарт, Георгий Гурджиев, Юлиус Эвола, Мартин Хайдеггер, Стефан Флауэрс, Освальд Шпенглер и Ален Даниелу — вот лишь краткий перечень интеллектуальных величин, которых Клири привлекает на свою сторону в путешествии по нетореной тропе традиции. Путешествию, пути и дорогам покровительствует ас Один — краеугольная фигура одинической мифологии и культа. Здесь Коллин Клири совершает нетривиальный жест: он определяет Одина — Бога, за которым давно и прочно закрепились определения Бога Войны, Бога Побед, повешенных жертв и воинского неистовства, — как *философа*. Философское прочтение Одиниизма идет вразрез с обычаем смотреть на древних германцев и скандинавов как на воинственные народы *par excellence*. Интерпретируя одинические мифы как стремление Всеотца к мудрости (σοφία), Клири прокладывает путь от традиции и мифа к современной философии, делая Одиниизм высокоинтеллектуальным проявлением германо-скандинавской традиции, не заикнувшимся на одном лишь историко-археологическом наследии и реконструкции.

Прозрения в глубины Одиниизма и философский путь подводят нашего автора к постановке нетривиальных и оригинальных (в смысле «изначальных») вопросов в традиции. Например, кому же приносил себя в

жертву Один на Иггдрасиле? Клири идет глубже всем известного ответа «самому себе», стремясь раскрыть или проникнуть вглубь самой фигуры Одина, найти глубинное и более архаичное (в смысле «изначальное» и «правящее») измерение его Самости.

Отношения человека и Бога Коллин Клири определяет в согласии с устоявшейся в западном языческом традиционализме формулой «не служить Богу, а стать им», в классической формулировке Эдреда Торссона (Стефана Флауэрсца): «The Odian does not worship his god — he becomes his god».

Эта же формула Торссона является определением Одинизма (либо Асатру, как предпочитает именовать традицию другой североамериканский мэтр Стивен МакНаллен) как традиции, которая воплощает Путьлевой Руки по преимуществу. С нашей точки зрения, такая формулировка обязана своим происхождением тому факту, что современные идеологи североамериканского возрождения германо-скандинавской традиции отталкивались от иудео-христианского образа поклонения, почитания и послушания личностному Богу авраамизма, что было принято за фундаментальную формулу отношений на Пути Правой Руки. Считаем справедливым заметить, что язычество любой традиции (и Одинизм/Асатру тут не исключение) утверждает родство человека и Богов по сущности и, в отличие от авраамизма, не утверждает непреодолимого онтологического разрыва между Богами и людьми.

Другой аспект этой формулы связан с личностным образом Бога, его атрибутами и качествами, с его определениями. Нам знаком и понятен образ аса Тора как защитника людей, врага турсов и йотунов, хозяина Мьёлльнира; нам так же понятен и по-своему близок в восприятии образ Одина как Бога воинов, предводителя эйнхериев, седобородого странника под синим плащом и так далее. Существующие образы, с одной стороны, являются нашим подспорьем, с другой — они накладывают ограничения (насколько возможно применять этот термин к Богам) на Богов, очерчивая сферу их манифестаций. Отсюда предложение взглянуть на Одина как на философа выглядит волонатаристским, но оно вполне в хайдеггерианском духе. И если мы видим в Одине фигуру философа, то призыв стать Богом есть призыв стать философом и философствовать.

Но Клири идет дальше восприятия Богов как сущностей с качествами, обращаясь к апофатической мистике Майстера Экхарта. Своё учение рейнский гений черпает из трудов неоплатоников, тем самым имплицитно продолжая линию [языческой] эллинской мудрости. Для Экхарта есть различие между Богом (Gott) и его Божественностью (Gottheit), которая выступает как апофатическое сверхбытийное основание. Так, любой Бог как

бы «разделяется не разделяясь» на две части: Бога с качествами, к которому обращены молитвы и чаяния, и Бога без качеств, который пребывает внутри каждого человека, о чем учит уже ученик Эххарта Иоганн Таулер. Человек может постигать Бога-с-качествами, а точнее — преклоняться перед ним, но он может совершить трансгрессивный аскетический или экстатический рывок к глубинному Божественному измерению самого Бога. Здесь Клири оставляет на своих страницах одно из самых энигматических наставлений западной метафизики: *преодолеть «Бога», чтобы достичь Бога*.

Нельзя обойти вниманием интерес Клири к идеям величайшего философа XX в. Мартина Хайдеггера. Масштаб и глубина идей Хайдеггера нередко выступают преградой для их включения в традиционалистские исследования. Вслед за «шварцвальдским шаманом» Клири уделяет пристальное и чуткое внимание языку, семантике и герменевтике слов и имён в Единизме. Погружаясь в язык, Клири извлекает глубинные и потаенные связи и смыслы тех слов и имен, которые, казалось бы, уже стали обыденными в сухой академической схоластике. Хайдеггер говорил, что язык есть дом Бытия. Живая открытость к языку Клири приводит его к фундаментальному вопрошанию об открытости человека к Бытию, в просвете которого в мир входит сакральное. По Хайдеггеру, языком обладает только человек, более того, человек и есть язык, разговор, речь (Rede). И он же обладает экзистенцией, проживанием Бытия вот здесь (Dasein). В хайдеггерианском традиционализме и Единизме Коллина Клири разворачивается одна из самых экзистенциально насыщенных картин человеческого существа и Бытия, качественно отличная от известных неоязыческих или светских воззрений наших дней.

Книги Клири содержат множество интересных вопросов и находок для современных германо-скандинавских традиционалистов. Далеко не всегда Клири дает на них прямые или полные ответы, оставляя видение общей картины вдумчивому читателю — исследователю его троп. Следует доверительно сонастроиться с автором и уловить его посыл, чтобы нащупать путь к ответам или раскрыть себя озарениям, которые всегда приходят в ум извне. Определенно можно сказать только то, что Клири — это тот автор, книги которого следует читать с карандашом.

Askar Svarte

Коллин Клири: философия, обращенная к мифу

(Предисловие к К. Клири «Что такое руна?», изд. «Тотенбург», 2018 г.)

Перед нами вторая книга американского язычника-традиционалиста Коллина Клири «Что такое руна?», которая является продолжением и развитием идей его первого труда «Взывая к Богам». Издание трудов Клири издательством «Тотенбург» на русском языке может считаться важным событием в среде язычников – интеллектуалов и традиционалистов. Разумеется, если оно будет воспринято с должной глубиной понимания и претворения знания в жизнь, в практику. Но для понимания места философии Клири в контексте германо-скандинавского язычества надо понять и тот контекст, в котором она появляется, и то, как она соотносится с феноменом Асатру в целом.

На вопрос о том, когда в Европе начинается возрождение германо-скандинавской традиции, есть несколько ответов: одни считают, что в традиция ушла в народ и теологическое подполье, не прерываясь вовсе; другие называют эпоху романтизма как время, когда интерес к «народной вере» стал подниматься в произведениях литературы и культуры; третьи акцентируют внимание на XIX в., когда появляются первые народнические (volkisch) организации и тайные общества, сочетающие масонерию, теософизм и эзотеризм с элементами германской мифологии, фольклора и мистики. Другие называют период от самого конца 1890-х годов через Веймарскую республику⁹⁵ и до поражения Третьего Рейха как время самого явного и окончательного возвращения германо-скандинавской традиции на сцену истории.

Де-факто все точки зрения составляют один общий историал, различая лишь акценты и формы проявления традиции в разных условиях. И, разумеется, далеко не все в возрождении германо-скандинавского наследия было гладким и бесспорным, о чем пишет и сам Коллин Клири. Тем не менее после Второй мировой войны появляется множество групп последователей германского язычества, не только в Германии, но и за её пределами. Во второй половине XX в. возникают и крепнут общины в Скандинавии, включая одну из самых известных – Ásatrúarfélagið (Содружество Асатру) в Исландии, созданную Свейнбьёрном Бейтейнссоном (Sveinbjörn Beinteinsson). Самоназвание Asatru (Верующий в Асов) становится одним из самых распространенных в Западной полушарии и Европе в целом. Под этим

⁹⁵ См.: Армин Молер «Консервативная Революция в Германии 1918 – 1932гг.» (Тотенбург, 2017).

именем появляются группы последователей традиции в США, где после 1970-х годов отмечается серьезный количественный и качественный рост движений. Одним из активных участников и ярких авторов становления северо-американского и про-европейского Асатру является и Эдред Торссонс, которому и посвящен труд «Что такое руна?» и членом «Рунной гильдии» которого является Клири.

Деятели германо-скандинавского языческого возрождения опираются на множество методов и источников в своем труде, из которых мы можем выделить несколько самых основных направлений. Первое, которое наиболее свойственное XIX — первой половине XX в., заключается в опоре на западный эзотеризм в широком смысле, как смесь пара-масонства, теософизма, ариософии, спиритуализма и разнообразных политических доктрин от «левых» до «правых». В этом направлении главенствующее место занимают визионерство и мистицизм в ущерб реальному историческому наследию и, собственно, фактам самой традиции, текстов и этнографии. Попытку внести ясность в этом направлении Клири предпринимает в эссе о Карле Марии Виллигуте⁹⁶.

Второе направление выбирает другую крайность — последовательное и исключительное следование за данными археологии, истории и реконструкции. В этом подходе наблюдается строгость соответствия того, что предлагают современные неоязычники-асатруа, с тем, как это [гипотететически] было в древности. Данный подход, к сожалению, почти полностью исключает мистическое переживание и свободу традиции проявлять себя за пределами известных историко-археологических форм и артефактов, главенствует метод верификации «ты настолько язычник, насколько твои взгляды и образ подтверждены историческими науками и данным фольклора». Это путь мёртвой схоластики и догматики.

Помимо этих двух полюсов серьёзный вес имеют политические и лингвистические школы интерпретации языческого наследия Европы. Тем не менее в реальности в каждом авторе и той или иной организации находят своё отражение несколько подходов, которые сочетаются в разных пропорциях, дополняя и компенсируя друг друга. В таком состоянии и пребывает современное западное Асатру.

Но одно направление, точнее, опора на ещё один важнейший интеллектуальный феномен человеческой истории, до недавнего времени практически отсутствовало — речь идет о философии.

⁹⁶ К. М. Виллигут – придворный мистик Гиммлера, один из предтеч псевдо-языческого New Age. См.: Коллин Клири «Взывая к Богам», (Тотенбург, 2017).

Здесь уместно вспомнить Алена де Бенуа, раннюю и позднюю позиции которого также исследует Клири в первом томе, который говорит о том, что язычество в наши дни скорее нуждается не в театральной реконструкции или попытке убежать в прошлое, но в фундаментальном философском обосновании языческого мышления и человеческого бытия. Де Бенуа говорит о целом направлении интеллектуального и философского язычества⁹⁷.

До этого момента язычники обращались к философии фрагментарно и безраздумно, тут и там цитируя мыслителей, которым дух традиции был в лучшем случае просто чужд либо философия которых была насквозь современна и антитрадиционна. Критическое понимание философии и её истории отсутствовало до момента появления философии традиционализма Ю. Эвола, М. Элиаде, Ф. Шуона и др. К ним же и апеллирует де Бенуа как к первым, кто понял сущность современности с философских позиций и сформировал им контр-тезис⁹⁸.

Именно к этому философскому направлению, пока ещё пребывающему в меньшинстве (в силу объективных интеллектуальных критериев), принадлежит мысль Коллина Клири, в чьих трудах гораздо чаще можно встретить ссылки на Гераклита, Платона, Эвола, Гегеля, Ницше и Хайдеггера, чем пересказы скандинавских саг. Философский подход к германо-скандинавскому языческому традиционализму ставит онтологические и метафизические вопросы отношения человека с Богами, его открытости их и собственному бытию, что совершенно ускользает от внимания как оккультистов, так и реконструкторов.

И тем не менее этот подход не отрывается от самой традиции и доступного нам наследия. Так, в предложенной читателю книге Коллин Клири, с одной стороны, ещё сильнее углубляется в богатейшую философию Мартина Хайдеггера — философа, в чьих мыслях всё чаще призывают искать решение и спасение ведущие традиционалисты и консервативные интеллектуалы Европы (одновременно совершая её адаптацию и через-неё-интерпретацию германо-скандинавского мифа; значений рун; поэзии и творчества; происхождения древних каменных памятников; творения первых людей Одином-Вилле-Вё и положения человеческого мира в системе девяти миров германо-скандинавского Космоса). В свете онто-лингвистического подхода уже знакомые и, казалось бы, насквозь просвеченные феномены раскрывают свои неожиданные и даже проблематичные грани. Это подводит Клири — а вместе с ним и других мыслителей, а также и всех нас как

⁹⁷ См.: Алэн де Бенуа «Как быть язычником», (Русская правда).

⁹⁸ См.: Алэн де Бенуа «Традиция и консервативная мысль», (Тотенбург, 2017).

германо-скандинавских язычников и традиционалистов⁹⁹ — к очень непростому вопросу о сущности человеческой свободы, судьбы и пути всего Асатру в целом, так как прежние ответы обнаруживают свою ограниченность или нерелевантность.

В данной работе Клири не смог обойти тему политики, дав своё видение проблемы межрасовых и межэтнических отношений в США и Западном мире в целом. Здесь мы бы хотели сделать несколько кратких замечаний к этой главе, которые русскоязычному читателю могут быть не всегда очевидны.

Коллин Клири называет Мартина Хайдеггера одним из тех философов, которые повлияли на него наиболее сильно, но по иронии он, как и Хайдеггер, в политологии оказался не столь же силен, как в фундаментальных вопросах философии.

В западной языческой культуре, не только касательно Асатру, существует два крупных направления, связанных с ответом на вопрос «кого можно считать адептом традиции?», иначе говоря, с вопросом об этнорелигиозной идентичности.

Сторонники универсализма (universalists) утверждают, что для того, чтобы стать асатруа, достаточно просто это декларировать. Расовые и этнические корни человека не играют роли, любой независимо от каких-либо критериев (включая гендерные и сексуальные) может и должен быть принят как асатруа и иметь право поклоняться Богам и интерпретировать их на свой вкус. Позиция универсалистов отражает послевоенные лево-либеральные и космополитические настроения западного общества; эта позиция довольно громкая и очень близка западному политическому мейнстриму.

Вторая позиция известна как folkish, что в русском языке переводится как «народничество» или позиция этноцентризма. Согласно «фолкише», адептом Асатру может быть только человек, принадлежащий к германо-скандинавским (включая англосаксов) народам. Иногда этот критерий расширяется до «представитель белых» или просто «европеец». Риторика «народников» отражает давно известную этнографам и антропологам теснейшую связь «этнос + традиция», т. е. традиция является порождением-и-выражением духа и культуры народа, как и наоборот, сам народ есть порождение своих Богов. Здесь проявляется определение себя через другого и невозможно выявить первенство.

⁹⁹ См. Askar Svarte «Приближение и окружение», (Svarte Publishing, 2017).

Позицию *folkish*, которую декларирует Клири, разделяем и мы. Но *folkish* — термин-«зонтик», при переводе которого на русский язык и реалии, появляется путаница. На наш взгляд, автор для выражения своей позиции использует крайне неудачный термин «белый национализм».

Во-первых, Клири американец и рассуждает о близких и понятных ему американских реалиях на американском же политическом языке, правая среда и культура которого отличаются от европейских и тем более русских.

Во-вторых, путаница из «того, что Клири хотел сказать» и «того, как он это сказал». Рассуждая о будущем белых, Коллин Клири смешивает понятия «раса», «нация» и «народ», политические значения которых различны и даже взаимно исключают друг друга. Раса как более высокий таксон, включающий представителей фенотипически белых народов Европы. Нация как политический конструкт Модерна, который имеет множество противоречивых определений (французский, германский или примордиальный подходы к определению нации). Народ как культура и *Dasein*, которые не имеют с парадигмой Модерна позитивных точек пересечения. Все эти термины у Клири смешаны и подчас выступают как синонимы друг друга, порождая сентенции в духе «народ Европы», когда речь явно идет об абстрактной «белой расе», или сам оксюморон «белый национализм», тогда как «национализм» по определению привязан к *nation-state*, а не человеческим популяциям «белых» или «черных». Иными словами, читателю следует быть крайне внимательным к словам и их значениям, дабы не уйти по ложной лесной тропинке смыслов¹⁰⁰.

От себя лично добавлю, что, на мой взгляд, одной из самых интересных глав является «Дары Одина и его братьев», так как она проливает свет на человеческое происхождение и, что важнее, — структуры человека и способы его восторженного и открытого изумлению (экстазу) бытия. Эта одна из сквозных и осевых линий творчества Клири, где он точнейшим образом схватывает второй и тайный нерв всего Германского Логоса и сложнейшей фигуры Бога Одина.

Ведь Один — это Бог сказителей.

Быть человеком — это быть сказывающим.

Askr Svarte

¹⁰⁰ Подробно этот вопрос мы рассмотрели в нашем труде «*Polemos: Языческий традиционализм*», том II, (Велигор, 2016).

Юлиус Эвола: неудобный барон

Юлиус Эвола (Julius Evola, 19 мая 1898 г.— 11 июня 1974 г., Рим) — выдающийся итальянский мыслитель и одна из ключевых фигур философии традиционализма. Несмотря на то, что барон Эвола наследует Рене Генону, многие все же его считают первым по важности традиционалистом. Основная особенность эволианского традиционализма — ориентация на кшатрийский дух и действие, приложение вечных идеалов мира Традиции к практике спасения Европы.

Неудобный барон

Традиционализм барона радикален по отношению к внешнему миру Модерна, апофеоз которого пришелся на первую половину XX в. Известно, что название программного труда Ю. Эволы «Восстание против современного мира» является продолжением и отсылкой к труду Р. Генона «Кризис современного мира». Строгое следование духу традиционализма делает барона неудобным автором для тех, кто выдает себя за консерватора и приверженца традиций лишь на словах. Таковы книги «Метафизика пола», «Йога могущества» и «Герметическая традиция», которые не оставляют камня на камне от «домостроевских» и елейных представлений о Традиции. Критика бароном явлений современности является лекарством для заблудившихся в идеологических и мировоззренческих нагромождениях Просвещения, гегельянства и социального комфорта молодых людей (либо головной болью тех, кто видит в нем, как в зеркале, свои пороки).

Эвола и политика

Будучи современником Второй мировой войны, Эвола включается в активность в фашистской Италии, но преследует вполне конкретные цели: привнести аристократический дух надвременных идеалов в слишком модернистскую Италию и режим Муссолини. Он встречает отпор партийных функционеров, но ему оказывает мягкое покровительство сам Дуче.

В своей активности Эвола ищет контакты с нацистским режимом, преследуя те же цели — привнести аристократический и антимодернистский дух в идеологию союзников по Оси. После пробных встреч и лекций, по личной резолюции Г. Гиммлера, Эволе было запрещено выступать перед СС из-за расхождения в идеологии.

Барон Эвола отрицал биолого-физиологический подход к расе, который исповедовали в Германии, и противопоставлял этому идею «расы Духа». Раса Духа в учении Эволы фактически является синонимом традиционного

понятия «сословие» или «каста», и раса Духа выше и важнее, чем биологические различия. Человек может быть носителем кшатрийского духа («раса воинов») или брахманического духа жрецов. Но большинство являются собой представителей третьего (буржуазного) и четвертого (чандалы) низших сословий.

Позднее Ю. Эвола издает книгу «Фашизм: критика справа», в которой суммирует все критические претензии и несостоятельность фашистского и нацистского проектов, тем самым окончательно порывая с этими идеологиями, к которым он де-факто никогда не принадлежал, но стремился только перенаправить их в правильное русло.

Подробнее о политическом опыте Юлиуса Эволы советуем прочитать в книге Х. Т. Хансена «Политические устремления Юлиуса Эволы».

Эвола и религия

Известна ранняя работа Эволы «Языческий империализм», в которой он формулирует будущие основные положения своей философии. Позднее он признает эту работу неудачной и запрещает её переиздавать, но в последующих своих трудах подробно развивает те или иные мысли, которые были озвучены в этой ранней книге.

Эволе также принадлежит критическая статья о заблуждениях неоязычества, которое он упрекает в попытках сформулировать свою доктрину на инверсии христианской теологии и по мотивам обличающих язычество церковных текстов. Также он упрекает современных ему неоязычников в том, что они чрезмерно ориентированы на почитание Природы, что ведет к имманентизму и материализму. Фактически, Эвола справедливо критикует явление зарождающегося в XX в. New Age. Но те язычники, которые поняли его посыл и усвоили традиционалистский метод, сформировали направление языческого традиционализма, актуальное в Европе и России.

Барон не питал симпатий к христианству, как и Генон, считая его выхолощенным от инициатического измерения. Сильные симпатии вызывал буддизм, в котором Эвола видел воплощение кшатрийского восстания, а также йога и тантризм. Особой страстью пропитана книга «Герметическая философия», посвященная алхимической и герметической традициям в Европе.

При все этом барон не причислял себя ни к какой конкретной традиции, став первым воплощением особого типажа «традиционалиста без традиции».

Последние работы

После поражения стран Оси во Второй мировой войне и победы «красной чумы» в Европе Эвола начинает осмыслять, каким может быть духовный и политический путь традиционалиста и любого сторонника аристократических ценностей и идеалов в стремительно деградирующем мире. В послевоенное время он издает работу «Ориентации», призванную вдохновить и направить правую молодежь Италии. Нередко его называют одним из идеологов «свинцовых 70-х».

Эвола не испытывает оптимизма относительно будущего Европы и Традиции и формулирует новое положение и своего рода «завещание» будущим поколениям в условном триптихе книг «Лук и булава», «Люди и руины», «Оседлать тигра». Книги посвящены тому, какие стратегии и практики сохранения своей духовной и политической идентичности являются приемлемыми и возможными в будущем мире ещё большего разложения, технологизации и падения человека. Во многом эти труды являются и переосмыслением ранних стремлений и веры в возможность изменить мир в довоенный и военный период, и суммой его воззрений в целом. Эти книги рекомендуется читать в завершение знакомства с философией Эволы, дабы узреть и понять весь путь его мысли. Без знакомства с предшествующим контекстом значительная часть изложенных идей останется непонятой или, что ещё хуже, понятой превратно и введет в заблуждение неокрепшие умы.

Наиболее полное собрание текстов Юлиуса Эволы доступно по ссылке: <http://www.fatuma.net/text/evola>

Askr Svarte

Ален де Бенуа: как быть язычником

Ален де Бенуа (Alain de Benoist) — современный французский философ, историк, политик и теоретик движения Новых Правых (Nouvelle Droite).

Основатель знаменитого движения GRECE (Группа изучения европейской цивилизации), редактор культового журнала *Éléments* (в России издавался евразийцами в 1990-е — начале 2000-х годов).

Перу де Бенуа принадлежит множество книг, которые оказали широкое влияние на правую молодежь в Европе, открыв путь преодоления тупиковых ветвей «классической» правой теории XVIII – XX в-в., с опорой на политический традиционализм и пере-открытие мыслителей Консервативной Революции. В центре внимания де Бенуа — утверждение этноплюрализма против концепций «котла наций» или мультикультурализма.

К сожалению, на русском языке доступно не так много хороших переводов, но ряд изданий следует упомянуть.

«Как можно быть язычником» — одна из первых и самых известных в России, да и в Европе, работ Алена де Бенуа. В ней он ставит вопрос о формировании высокоинтеллектуального языческого дискурса и показывает историческую ретроспективу «пути передачи» языческого мировоззрения в мировой литературе и философии. Де Бенуа не интересуется буквальная реконструкция язычества в виде «плясок вокруг деревьев», но понимание структурных и экзистенциальных (в контексте Хайдеггера) оснований языческого взгляда на мир, а также с осмысления ситуации Модерна и принятия философии традиционализма как метода, — и возрождение аутентичных европейских традиций он предлагает начинать именно с этого. В России книга издавалась дважды с невежественными комментариями издательства «Русская правда».

«Вперед, к прекращению роста!» — небольшой эколого-философский трактат издания «Института Общегуманитарных Исследований». Книга посвящена идее Антироста. Де Бенуа как последовательный новый правый и традиционалист выступает против капитализма и идеологии неконтролируемого потребления, роста экономических показателей производства и эксплуатации ресурсов планеты. Используя статистику и цифры, он вскрывает нигилистическую сущность чистого царства количества ради количества, роста ради роста, не обусловленного какой-либо целью. Де Бенуа открыто симпатизирует идеям примитивизма и ограничения урбанизации и технологизации общества (но не так радикально, как, например, Каарло Линкола). Корнем проблем (и это проходит красной

линией через многие его труды) он видит концепцию линейного времени иудео-христианства и его особую этику, чуждую индоевропейскому этосу.

«Против либерализма — к четвертой политической теории» — в этой работе Ален де Бенуа разворачивает критику либерализма как порождения буржуазного духа, идеи прогресса и глобализации. В книге заложены пролегомены и само название «четвертой политической теории», идею которой принял и стал активно развивать в самобытном направлении А. Дугин.

Здесь же упомянем отдельное издание брошюры «По ту сторону прав человека», одноименной главы из «Против либерализма».

Наконец, недавно в издательстве «Тотенбург» вышел сборник статей и эссе де Бенуа «Традиция и консервативная мысль», посвященный таким темам, как: Жан Бодрийяр — один из философов постмодернизма; фигуре Э. Юнгера и П. Дриё в контексте Новых Правых; Кнуту Гамсуну и Гомеру; Армину Молеру (его книга о Консервативной Революции в Германии также вышла в изд. «Тотенбург»); полемике Хайдеггера, Юнгера о Ницше и нигилизме и, наконец, Юлиусу Эволе как радикальному метафизику и политику.

Askr Svarte

Мартин Хайдеггер: шварцвальдский шаман

Мартин Хайдеггер — величайший немецкий и, по ряду мнений, единственный подлинный философ Запада в XX в.

Крайне сложно дать простую аннотацию или тезисное описание философии Хайдеггера, которая представляет из себя, пожалуй, сложнейшее и глубочайшее прозрение в сущность западного мышления, философии и бытия. Бытие (Sein/Seyn) — это ключевое и многозначное понятие в трудах шварцвальдского профессора. Хайдеггер ставит жирную точку в конце европейской философии уже после того, как она окончательно закончилась на Ницше. После Хайдеггера философии нет вообще, только распад структур Логоса и брожение обломков. Но Мартин Хайдеггер не просто ставит точку, он осмысляет все, что было сказано и воплощено в западной истории и философии, а главное — почему было помыслено именно это, именно так и привело именно к такому упадку и забвению бытия? Масштаб мысли Хайдеггера охватывает весь историал западной метафизики от досократиков, которые первыми начали философствовать, и до Ницше, который осознал, описал и завершил их посыл.

В XX в. Хайдеггер совершает онтологический поворот, который оказывается поворотом к языку и вопросу об истине бытия. Хайдеггерианский метод работы с языком неподражаем и необычен, он возвращает нас к временам, когда философские термины только-только становились концептами, одни семантические поля охватывались, а другие ошибочно отсекались и ограничивали будущие ведущие слова философии.

Наконец, Хайдеггер не ограничивается глубинным описанием того, что было, но воплощает в себе тот тип «единичного» мыслителя, который он сам описывал: стоящего между Первым Началом западного мышления и Другим Началом, которое единичные философы и поэты должны подготовить к свершению и Событию (Ereignis). Здесь стоит предупредить читателя от рефлекторных аналогий относительного Первого Начала и Другого Начала философии — их не следует мыслить линейно или циклично, как смерть-и-рождение и постоянное вечное вращение и «возвращение». Другое Начало — радикально Иное относительно всего того, что было. Здесь Хайдеггер не похож ни на кого и ни на что из известных нам традиционных или научных картин циклов времени и смены вех. Учение о Другом Начале являет собой высший полет мысли в самом сердце Бездны.

Бытие и время

«Бытие и время» — ранний и самый известный труд Мартина Хайдеггера, который является пробой постановки проблемы его философии. Издание этой книги в 1927 г. в одночасье вывело Хайдеггера на философский Олимп Европы, но сам он позже и в дневниках не раз признавался, что эта работа была слишком сырой и отягощенной феноменологическим подходом Гуссерля, учителя Мартина.

На русском языке хорошего перевода «Бытия и времени» нет. И с этим надо смириться. Есть перевод Бибихина, который содержит неточности и большое количество идей самого Бибихина, а не Хайдеггера, поэтому читать вторичное переложение сложного хайдеггерианского языка и мысли не следует. Следует выучить немецкий язык и прочитать «*Sein und Zeit*» в оригинале.

Двойное положение

Так как Хайдеггер окончательно констатировал конец западного мышления — это стало и концом парадигмы Модерна, апофеоз которой пришелся на Вторую мировую войну. Как следствие, мы можем увидеть, что Хайдеггер стоит в основании развилки последующего пост-военного и пост-западного, пост-современного мышления.

Первое направление — это то, которое усвоило Хайдеггера неправильно и взяло курс на Постмодерн. Хайдеггер — один из прекурсоров постмодернистской философии. Перевод его книги «Бытие и время» на французский стал тем основанием, на котором воздвиг свою экзистенциальную философию левый мыслитель Жан-Поль Сартр. Сартр настолько не понял Хайдеггера и увел свою мысль не туда, что немецкий философ позже был вынужден выступить с защитой своих тезисов от неверного толкования в «Письме о гуманизме».

Тем не менее, начиная с Сартра, в поствоенной Франции властителями дум и мод становятся интеллектуалы левого толка. Вопросы онтологии, истины, экзистенции и языка будут интересовать таких гениев постмодернизма и постструктурализма, как М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари и Ж. Бодрийяр. Все они так или иначе опираются на Хайдеггера и Ницше, предлагая свой вариант «Другого Начала» и абсолютно горизонтальной, имманентной и виртуальной философской топики [деконструированной, без вертикального Логоса].

Второе направление — это консервативное и традиционалистское прочтение Хайдеггера, который при жизни был близок кругам

Консервативной Революции и имплицитно воплощал консервативный образ жизни в провинции — об этом смотри его очерк «Философский ландшафт».

Но глубина и оригинальность мысли Мартина Хайдеггера не позволяют просто вписать его в один ряд с теми или иными консерваторами или традиционалистами, которые в силу самого значения слов опираются на образцы прошлого или Традиции. Такой подход будет лукавством и упрощением смыслов, чего нельзя допустить. Для наглядности контраста попробуем привести пример.

Представим себе обычного современного молодого человека, почти обывателя, с обычным кругом интересов в рамках его ежедневного жизненного мира. Максимально обычного человека. И вот каким-то чудом или невозможным стечением обстоятельств этому молодому человеку попадают в руки книги Эрнста Юнгера, Юлиуса Эвола и сборник священных текстов европейских традиций. И он усваивает традиционализм как философию своей жизни, с ним происходит преобразование всего его естества и экзистенции. Ещё вчера он был никем, обычным безликим «некто» (*das Man* у Хайдеггера), но сегодня он уже носитель идей и идеалов, он религиозен, его мышление работает, он переживает свою жизнь как бытие-в-сердце-ада Модерна и Постмодерна. Фактически, он наконец-то стал ближе к Человеку и понятию того, что такое Жизнь вообще. До этого момента он вовсе не жил, а спал уютным сном забвения в неосознанности.

Так вот, если традиционализм делает из обывателя Человека, то философия Хайдеггера для консерватора и традиционалиста работает так же радикально, как традиционализм ошеломляет обывателя. Корректное усвоение посыла Хайдеггера выбивает твердую опору политического консерватизма и традиционализма из-под ног человека. Не возвращает назад к глупому состоянию обывателя, но бросает вызов и посыл к совсем другому, отличному от привычных нам схем и «вилок» выбора. В этом заключается огромная сложность усвоения хайдеггерианской философии. Относительно консерватизма и традиционализма есть возможность навести некие мосты и нащупать связи между этими идеологиями и Хайдеггером, но до некоего предела. Известно, что в книге «Оседлать тигра» Ю. Эвола критикует Хайдеггера за экзистенциализм, но здесь барон совершает ошибку и скорее критикует Сартра за спиной Хайдеггера. Тем не менее при недавнем анализе новых изданий черновиков Хайдеггера под названием «Черные тетради» итальянские исследователи нашли у него непрямую, но характерную цитату из Эвола, о чем сообщает Джованни Сесса в статье «Хайдеггер — читатель Эвола».

Поэзия

Хайдеггер считал, что только два типа людей способны к подлинному вопрошанию и опрашиванию Бытия и человеческой экзистенции — это философы и поэты. Среди поэтов он особенно выделял Гёльдерлина, Рильке и Тракля, которым посвятил свою работу «Язык поэзии». Позднее он хотел добавить к триптиху фигуру Паля Целана, но этим планам не суждено было воплотиться. Особого внимания заслуживает анализ стихотворения Стефана Георге «Слово» (Das Wort).

По мнению Хайдеггера, философы и поэты поднимаются на одну высоту мысли, но на разных пиках, вершинах. Согласно одной из энигматических записей в его дневниках, «переход с одной вершины на другую совершается не через спуск в долину и подъем, а через скачок с пика на пик».

Настроения

Одним из ключевых понятий в философии Хайдеггера является Dasein, что переводится как «вот-бытие» применительно к человеку. Одним из экзистенциалов Dasein является Stimmung — Настроение.

Хайдеггер утверждает, что сегодня Dasein пребывает в состоянии глубокой скуки, настолько глубокой, что она уже не осознается как таковая. Если античная философия начиналась с удивления, то сегодня она закончилась тотальной скукой, тяжелым долгим временем, в котором ничего не происходит.

Подробно виды скуки он разбирает в книге «Основные понятия метафизики», уделяя внимания модусам бытия человека, животного и камня.

Другим важным настроем является Ужас (Angst). Ужас от осознания конечности своего бытия, от смертности человека (Sein-zum-Tode).

Вхождение человеком в настрой Dasein способно привести его к правильному аутентичному проживанию и мышлению.

Хайдеггер и нацизм

Тема является излюбленным и одновременно избитым жупелом лево-либеральной интеллигенции, которая осознает про-консервативный настрой философии Хайдеггера и пытается раздуть «скандал» с целью «забыть и исключить» философа из истории мысли, дабы сохранить постмодернистский статус кво.

Итак, Хайдеггер — современник Третьего рейха и член партии. В 1933 году Хайдеггер становится ректором Фрайбургского университета и желает кардинально реформировать кафедру философии и всю философскую науку

при поддержке режима. Но он занимает кафедру менее года, постепенно дистанцируясь от НСДАП и их идеологии. Для Хайдеггера она слишком отягощена почившей метафизикой, и его интересы в философии было невозможно свести до пропагандистских агиток.

Тем не менее после войны Хайдеггер отказывается от публичного покаяния, как того требовали оккупационные власти и левая диктатура. Никогда до своей смерти он не признавал себя виновным в том, что был временным попутчиком партии на заре 1930-х годов. К сожалению, такова судьба почти всех консервативных революционеров и всего движения — остаться испачканными тенью национал-социализма, которая падает на них, как клеймо, в мире победившей посредственности.

После всего сказанного у читателя назреет вопрос: так что же почитать из Хайдеггера?

Во-первых, настоятельно рекомендуется прочитать подготовительную литературу:

- Учебник по истории западной философии (не Рассел), желательно континентального автора или пост-советский;
- Книгу А. Дугина «Мартин Хайдеггер. Последний Бог» — лучшее на сегодняшний день введение в проблематику;
- Книгу А. Дугина «Метаполитика и эсхатология Бытия» — небесспорная попытка вывести из философии Хайдеггера политическую теорию будущего;
- Книгу Askar Svarte «Приближение и окружение» — синтез германско-скандинавского традиционализма и хайдеггерианства;
- Статью О. Цендровского «Понятие бытия (Sein) в философии М. Хайдеггера и её методологические особенности»;
- Статью М. Хайдеггера «Конец философии и задача мышления» — уловите посыл когда он рассказывает про «просвет» и «алетейю».

Настоятельно НЕ рекомендуем читать никакие труды Н. В. Мотрошиловой из-за низжайшего качества и стиля текстов.

Рекомендуем читать предисловия переводчика Шурбелева, под его редакцией и с его комментариями вышли очень неплохие переводы.

Из самого автора:

- «Что зовется метафизикой?»;
- «Основные понятия метафизики»;
- «Время и бытие» — поздний сборник и второй том «Бытия и времени»;

• Семинарский двухтомник «Гераклит» — один от Мартина Хайдеггера, другой совместно с Ойгеном Финком — отличные книги для ознакомления с методом лингвистической герменевтики Хайдеггера и погружением в философию;

• «Язык поэзии»;

• «Черные тетради II» — том черновиков, внутренняя лаборатория мысли автора, уже для углубленного чтения;

• «Sein und Zeit» на немецком.

Askr Svarte

Эвмесвиль: в конце истории?

Эвмесвиль в романе Юнгера — это средиземноморский город-государство, получивший своё название от имени Эвмена из Кардии¹⁰¹, полководца Александра Великого, который после смерти последнего пытался сохранить единство империи Александра, но при этом потерпел поражение и был казнён. Если мы обратимся к топографии и биографическим деталям, то Юнгера к написанию этого романа побудила состоявшаяся в 1969 г. поездка в Агадир; два других путешествия туда Юнгер специально предпринял в 1974 и 1975 гг., чтобы получить новую порцию вдохновения. Территория Эвмесвиля на севере граничит с морем, на юге проходит по пустыне, степям и девственному лесу. В них обитают, как ходят слухи в Эвмесвиле, существа совершенно нового типа: мутанты, появившиеся после одного из великих «огненных ударов» предшествовавшей эпохи. Сам город расположен на море, и над ним возвышается находящаяся в некотором отдалении «цитадель», «касба». Она является резиденцией «Кондора», диктатора, который уже давно положил конец негодному правительству городских «трибунов» и теперь осуществляет устойчивую власть. О народе особо нечего сказать; но он живёт в правовых отношениях и в благополучии. Кондор — это не «деспот», господствующий путём произвола и желающий терроризировать и унижать людей; он — «тиран», обеспечивающий покой и порядок. Это положение описывает один человек по имени Мартин Венатор. Ему, прозванному Мануэлем, скоро исполнится 30 лет. Венатор по профессии историк и занимает должность ассистента в университете, но по совету своего наставника работает также ночным стюардом в баре касбы, чтобы получить возможность познакомиться со сферами власти. Венатор оправдывает свое имя — «охотник, исследователь, дозорный», поскольку он является усердным собирателем мнений о характере эпохи и неутомимым слушателем в баре, который посещают власть имущие Эвмесвиля и их ближайшие советники. И одновременно он осторожный исследователь за «луминаром», за которым можно подробно и наглядно пропустить перед глазами мировую историю. Венатор ощущает себя, конечно, не как обычный современный (и поэтому находящийся в плену у своей эпохи) историк; он считает себя «метаисториком», оставляющим «историческое пространство», к которому еще принадлежат другие, и интересуется только великими

¹⁰¹ Эвмен из Кирены (ок. 362 – 316 гг. до н. э.) — полководец и личный секретарь Александра Македонского (здесь и далее примечания переводчика).

образцами истории — благодаря этому он воспринимает и судит современность с высокой башни.

Это позиция старого Юнгера, которую занимает Венатор. Он не хочет более «дымить за явлениями», как и автор «Сердца любителя приключений» в 1930 г., также не чувствует себя более теоретиком мобилизации, но как отстранённый наблюдатель, воздерживающийся от того, чтобы встать на сторону какой-либо идеологии и особенно прибегнуть к какому-либо действию (что особо отметили, когда книга вышла в 1977 г., в год всплеска активности РАФ). Это размежевание происходит по содержанию и стилистически: власть Кондора никто не оспаривает; положение стабильно; Венатор служит как ночной стюард и работает наряду с этим за луминаром; иногда он принимает участие в военизированных экскурсиях; регулярно приводит свою ученицу Ингрид на час к себе на квартиру. Произведение, не имеющее ни подзаголовка, ни определения жанра, в значительной степени состоит из дневниковых описаний и размышлений с сильной тенденцией к анекдотическому и афористическому. Поэтому критики после его выхода в свет говорили о «порождении старческого ума» и находили недостаток в определённом противоречии между относительно небольшим возрастом главного героя и рассказчика Венатора и зрелым и наполненным житейской мудростью стилем повествования. Также критически отмечалось, что в случае «Эвмесвиля» речь идёт скорее об эссе в форме рассказа, нежели о романе. Жанр романа, конечно, издавна является гибким и уже со времён Гёте знает неустойчивую последовательность эпизодов и преобладание наполненных размышлениями пассажей. Впрочем, Юнгер осознавал проблемы; в «Эвмесвиле» дважды затрагивается и получает оправдание «техника отступлений».

В романе «Эвмесвиль» рассказывается о ещё более отдалённом будущем, чем в утопическом романе «Гелиополь». Не только великие «огненные удары» и последовавшее первое мировое государство остались далеко позади; вся эпоха христианского летоисчисления и даже Гелиополь принадлежат к далекому прошлому. По сравнению с гелиопольским периодом, познавательные возможности и технический инструментарий ещё несколько усовершенствовались; существует нечто вроде «метатехники», которая делает возможной комфортную жизнь для популяций (намеренно выбранное слово), что ей располагают. Также, как указывалось, утопия и эксперимент мирового государства остались позади, и известно, что оно тоже не обладает безграничным сроком существования, но однажды «достигает кульминации и за одну ночь разваливается». Этому соответствует, что главный герой «Эвмесвиля», в отличие от героя «Гелиополиса», не отсылает

к миру, который был бы ещё способен к технологическому и политическому улучшению; он ощущает себя находящимся в ярко выраженной «поздней эпохе», когда какое-либо дальнейшее развитие кажется невозможным. Поэтому понятно, что «Эвмесвилю» дали такие определения, как «постисторический роман» (Лутц Нитхаммер) и «роман о постистории» и «постистория» (Мартин Майер и Петер Козловски), а также «комментарий и философия постистории» в одном флаконе (Мартин Майер).

Фактически в ту пору более чем восьмидесятилетний Юнгер за несколько лет до того, как вышли соответствующие книги французских теоретиков, нарисовал образ общества, по современным представлениям производящего впечатление постмодернистского и постисторического, и при этом, конечно, с негативным акцентом.

Правда, Эвмесвиль получил своё название от имени достойного похвалы преемника Александра Эвмена, и всё же он, как ядовито замечает Венатор, «еще одна ссылка на его феллахоидную надменность». Благодаря неоднократно употребляемому им умаляющему эпитету «феллахоидный», что напоминает определение «феллашество», данное Освальдом Шпенглером умирающим культурам или посткультурным состояниям, становится ясно, что Эвмесвиль, даже хотя он располагает метатехническим оборудованием, давно оставил за собой эпоху, жизненную в политическом и продуктивную в культурном отношении. Это «феллахоидное состояние» Венатор однажды описывает следующим образом: «Великие идеи, за которые истреблялись миллионы людей, оказались изношенными. Различия в значительной степени исчезли; обрезанные и необрезанные, белые, желтые и негры, богатые и бедные более не воспринимаются в их качестве столь серьезно. На улицы они выходят самое большое, если касса не в порядке, или на карнавал. В общем и целом здесь можно сделать все, что хочешь».

А значит, царят широкий плюрализм и значительная терпимость, чему способствует распад субстанции и неоднократно упомянутый крах формирующих и мотивирующих ценностей и идей или «богов». Венатор весьма далёк от того, чтобы позитивно оценивать этот плюрализм и эту терпимость; для него они выступают признаками «угасания», которое более ни к чему не ведёт и которое также необратимо. Эвмесвиль кажется ему «стерильным» и «выжженным нигилизмом» прибежищем людей без созидających историю идей; «эволюция исчерпала себя», и о превращении человека в какого бы то ни было «сверхчеловека» нечего и мечтать, скорее имеет место противоположное: в баре резиденции один из советников правителя сообщает, что во время своего разведывательного выезда — «не очень далеко» от Эвмесвиля — он попал на «великую свалку», на которой

«негниючники»¹⁰² ютились в «выкопанных пещерах», выкапывали корни и подстерегали маленьких зверей, в лучшем случае использовали подходящие камни и детали машин в качестве ударного оружия и, казалось, «едва жили, а скорее упоительно смеркались». Здесь, на «великой свалке», заканчивается модерн и «наследником последнего человека» оказывается не «сверхчеловек», не «дикарь», но «призрак».

Едва ли можно представить более сильное разочарование и более значительное дистанцирование Юнгера от ранних представлений о развитии модерна. И никакого более пугающего зрелища его конца. Наряду с островами и цитаделями высоких технологий и благосостояния имеются обширные области, где жизнь кажется находящейся только на нулевой ступени. Современное общество оказывается «обществом исчезновения», как показал социолог Стефан Бройер в своей книге «Самоуничтожение технической цивилизации». Это было уже известно, с тех пор как в 1913 г. Людвиг Клагес¹⁰³ на первом Дне свободной немецкой молодёжи в Верхней Саксонии перечислил, что уже «исчезло» из числа растительных и животных видов, а также «природных народов» как следствие современной «ярости истребления». И об этом можно было прочесть в проницательной работе Фридриха Георга Юнгера «Совершенство техники». Однако речь Клагеса давно забыта, и книгу Фридриха Георга Юнгера едва ли читали. У Эрнста Юнгера к знанию этой ранней экологической литературы добавляются впечатления от поездок, постоянно проходивших в области, где были зримы опустение и обезлюдение. Отсюда Юнгер делает вывод, что современный мир характеризуется «запустением», а «великая свалка» символизирует окончательную ступень современной цивилизации. В обоих случаях Юнгер опередил своё время; но несколько лет спустя после выхода «Эвмесвиля» эти представления обнаруживаются также и у других авторов.

Главный герой и рассказчик «Эвмесвиля» между тем — непоколебимый мечтатель метафизического толка. Он не тратит много времени на экологические и политические размышления, как противостоять «феллахизации» мира и человека. Из раздумий над историческим процессом, который несмотря на отважные взлёты и многочисленные попытки обновления привёл только к «угасанию» Эвмесвиля и к растительной жизни на «великой свалке», у него возникает подозрение, что в творении «с самого начала должно было чего-то не хватать», что слово «происхождение»

¹⁰² Негниючники — род грибов.

¹⁰³ Людвиг Клагес (1872–1956) — немецкий философ и психолог, сторонник идей Шопенгауэра и Ницше, критик христианства. Его философия была чрезвычайно популярна в Третьем рейхе.

(Ursprung) в самом деле указывает на прыжок или «трещину в универсуме» и что из этого проистекает «незавершённость» мира, которая не «поддаётся исправлению» даже через реализацию планов по улучшению мира, напоминающих утопию. Правда, завершённость должна иметься в прошлом и настоящем: иначе не объяснить беспокойство исторического человека, его неустойчивую работу при помощи несовершенных средств в мире прошлого. Также имеются ископаемые, свидетельствующие и извещающие о способности к гармонично завершённому формообразованию:

«Когда я кладу на ладонь какое-нибудь ископаемое, например трилобита — здесь в каменоломнях у подножия касбы можно отыскать превосходно сохранившиеся экземпляры, — меня очаровывает впечатление математической гармонии. Цель и красота, свежие, как в самом начале, ещё неразрывно объединены в выгравированной рукою мастера медали. <...> Сколько миллионов лет назад это существо могло обитать в море, которое больше не существует? Я держу в руке его оттиск, печать непреходящей красоты. Эта печать тоже когда-нибудь выветрится или сгорит в грядущих всемирных пожарах. Штамповочное же клише, которое придало ей форму, остаётся скрытым в законе и действует согласно ему, неуязвимое для смерти и огня».

От текущего периода мировой истории главный герой и рассказчик «Эвмесвиля» не ожидает, конечно, никакого решительного и по-настоящему служащего толчком нового начала: «эволюция исчерпала себя», «история мертва» и именно во всём мире. Несмотря на это, положение не совсем удручающе. В дополнение к только что процитированным выводам сказано: «С другой стороны, не могло умереть то, что наполняет историю содержанием и приводит её в движение. Оно должно было переместиться из поля зрения в резерв — на ночную сторону. Мы обитаем на полной ископаемых почве, которая неожиданно может извергнуть огонь». Поэтому Венатор надеется на «вторжение абсолюта во время», и перед его взором предстаёт корабль Наглфар, появление которого в северогерманской мифологии возвещает конец света,двигающийся уже в «вычислимой позиции». Это вызывает ужас, но, по мнению Венатора, является, пожалуй, единственным путём, могущим привести к возобновлению «присутствия» «богов» или ценностей, которые кажутся необходимыми для того, чтобы исторический процесс был наполнен смыслом. Это означает: констатированное братьями Юнгерами, как прежде и Максом Вебером, «расколдование мира», которое не позволит появиться никакому технологическому раю, населённому одухотворённым сверхчеловеком, но угрожает привести к исчезновению человеческой жизни на одной большой

свалке, не может быть исправлено и сделано обратимым посредством исторических усилий. Новые ценности, идеи или «боги» должны быть установлены в производящем, пожалуй, впечатление катастрофы акте обновления или нового творения. То, что Земля «периодически» очищается, считает как автор Юнгер, так и главный герой и рассказчик «Эвмесвиля».

Как же ведёт себя Венатор в этой ситуации полного обесценивания, которая одновременно оказывается ситуацией ожидания? В терминологии «Эвмесвиля» его позиция обозначается как «метаисторик» и «анарх». То, что этим подразумевается, изложено в почти нескончаемом ряде сколь сбивающих с толку, столь и разграничивающих высказываний. Кое-что производит впечатление не только с трудом поддающегося определению, но и противоречивого, однако, поскольку рассказчик очень хорошо осознаёт эти обстоятельства, это не следует рассматривать как необдуманное последствия, но как выражение неизбежной в это время двусмысленности. Следующее обобщение не может быть распространено на все разветвления и переплетения; его следует оставить в числе ориентирующих указаний. Так как эпоха лишена созидающих историю идей или ценностей, у неё нет никакой эволюционно значимой действительности; «действительность» в метаисторическом аспекте только «симулируется». Это позволяет и оправдывает, то, что Венатор рассматривает жизнь как игру: с любопытством исследователя, но без того чтобы ангажировать себя какой-либо из изношенных или замусоленных идей (включая формы государственного устройства) и без того чтобы принимать чью-либо сторону. Его девиз гласит: нейтралитет. Правда, он не «равнодушный человек», он понимает и чувствует то, что движет людьми и причиняет им боль, однако безусловно он хочет быть «свободным от участия»: во-первых, поскольку поддержка одной из устаревших идей более не приносит выгоды; во-вторых, так как он не желает принести в жертву каким-либо «убеждениям» свой стремящийся к свободе от ценностей взор. В этом отношении качества метаисторика и Анарха совпадают. То, что юнгеровский «Анарх» в «Эвмесвиле» скандальным образом оказывается «попутчиком диктатуры» и противостоит своему времени как «образованный буржуа и солдат» «специфическим буржуазно-элитарным образом», подчёркивает Лутц Нитхаммер в ядовитой главе, посвящённой Юнгеру, своей книги «Постистория».

Во многих отношениях фигура Анарха напоминает фигуру Лесного странника из эссе Юнгера «Путешествие в лес». Разница, однако, заключается в том, что Лесной странник «выдавливается из общества», в то время как Анарх «выдавливает общество из себя»; главный герой «Эвмесвиля» подготавливает бегство в лес только на случай угрожающего

жизни бунта. И никоим образом Анарх не хочет, чтобы его считали «дезертиром», но по аналогии с персонажем драмы Густава Закка — «отражателем», «тигром сопротивления», уклоняющимся от требований и притязаний общества, чтобы рискнуть на, как гласит программное выражение у Закка, «одинокое и чистое» существование, которое общество не сможет испортить или осквернить. Анарх ищет свободы и счастья в себе, а не в коллективе; к «познай самого себя» он добавляет «сам себя сделай счастливым». Его духовных отцов или «святых» зовут Антоний¹⁰⁴, Франциск¹⁰⁵ и Макс Штирнер¹⁰⁶, на работу которого «Единственный и его собственность» (1845 г.) Юнгер постоянно указывал как на важный отправной пункт — эта книга обстоятельно обсуждается к концу «Эвмесвиля». О значении трёх названных фигур в завершение сказано: «Антоний познал власть одинокого, Франциск — бедного, а Штирнер — единственного (то есть целиком обращенного к самому себе)», и это, по мнению Венатора / Юнгера — обладает всеобщим основополагающим значением, так как в конце концов, «каждый одинок, беден и единственен на белом свете». Заявляя о своей симпатии к Штирнеру и к его идее Единственного, Юнгер окончательно прощается с выдвигаемой Ницше фигурой сверхчеловека, которая для писателя на его пути через модерн становится более сомнительной. В нескольких производящих впечатление набросков образцах предлагается сравнение между сверхчеловеком и единственным: «Сверхчеловек понимает мир как волю к власти; <...> Даже искусство является волей власти. Сверхчеловек принимает участие в соревнованиях, в то время как единственный довольствуется зрелищем».

Это в достаточной мере описывает настроение, владеющее метаисториком и Анархом. Он чистый наблюдатель, который попрощался с миром деяний и рассматривает историю как неподдающуюся исправлению историю несчастий, но обнаруживает в природе признаки совершенства и желает приблизиться к нему не только «рациональным», но также и «нуминозным» путём — чувствуя, лицезрея, удивляясь и, наконец, молясь.

Нигилистически «выгоревшее» и «феллахоидное» состояние той поздней эпохи представляет, как очень хорошо замечает главный герой и

¹⁰⁴ Марк Антоний (83–30 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Сторонник Цезаря. После поражения в борьбе за власть с Октавианом Августом покончил жизнь самоубийством.

¹⁰⁵ Франциск Ассизский (1182–1226 гг.) — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, приверженец сурового аскетизма.

¹⁰⁶ Макс Штирнер (1806–1856 гг.) — немецкий философ-младогегельянец. В основном сочинении «Единственный и его собственность» пропагандировал идеи эгоцентризма.

рассказчик «Эвмесвиля», наилучшие, пожалуй, обязательные предпосылки и настраивает его на примирительное отношение к своей эпохе и окружению. Анарх — это не анархист, который ненавидит общество и хочет воевать с ним. В столь же малой степени он социальный критик или сатирик, работающий на разрушение. Его позицией и формой высказываний по отношению к обществу является ирония. Эта ирония наполняет всё произведение и является причиной того, что «Эвмесвиль» оказывается в значительной степени ироническим романом — в нём больше иронии, чем, например, в поздних романах Томаса Манна, которым гораздо более присущ юмор, а не ирония. Это привело в полемике с «Эвмесвилем» — в последний раз в книге Нитхаммера «Постистория» — к ошибочному восприятию и неверным выводам, поскольку ирония понимается как средство выражения «господ», хотя роман крайне наглядно позволяет почувствовать и ясно сказать, что ирония представляет собой «классическое оружие» или форму мышления и выражения «подчинённых слоёв». Вопреки историческому процессу, который делает всех подчинёнными, ирония позволяет терпеть боль и не так сильно и громко горевать. Однако печаль, как неоднократно подчёркивается и ощущается во всём произведении, оказывается «основным настроением» или «мукой» метаисторика: печаль по причине несовершенства мира, боль, когда он обдумывает «судьбу улучшателя мира». В его работе «придавать прошлому жизнь» его держит лишь надежда, «что Бог сделает нам искусственное дыхание», и это означает: то, что кажется достойным сохранения историческому сознанию или культурной памяти, смогло бы сыграть роль при утверждении новых ценностей и целей. Итак, печаль, смягчаемая и скрываемая иронией, является «основным настроением» в завершении юнгеровских раздумий о модерне. В остальном его в возрастающей степени мучит сознание того, что он пленник «лабиринта» и никак не найдёт выход. Это также является темой рассказа «Проблема Алладина» — его 88-летний автор представил как своё последнее литературное произведение; но всё же этот последний рассказ закончился по-другому.

Из книги: Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biografie. Siedler, München 2007.

Р. 635–643.

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева

Авторы и переводчики

Askr Svarte (Евгений Нечкасов) — философ, публицист, одинист-традиционалист, автор книг «Polemos», «Чарующая Бездна», «Приближение и окружение»; редактор и издатель альманаха.

Натэлла Сперанская — философ, публицист, переводчик, автор книг «Путь к Новой Метафизике» и «Дионис преследуемый».

V.L.S.L.V. (волхв Велеслав) — автор десятков книг и лекций о русском Родноверии и Шуйном Пути в нем.

Евгений В. Головин — сердце «Южинского кружка», знаток алхимии, традиционализма и литературы; переводчик, философ, поэт. Некоторые свидетельства об эпифании Диониса в фигуре Е. В. Головина.

Сергей Жигалкин — философ, переводчик М. Хайдеггера, ученик и издатель книг Е. В. Головина, автор книги «Метафизика вечного возвращения».

Ален де Бенуа — французский мыслитель, автор книги «Как быть язычником». основатель и идеолог GRECE.

Эрнст Юнгер — выдающийся немецкий мыслитель и писатель, ветеран двух Мировых войн, брат Ф.Г. Юнгера.

Мартин Хайдеггер — величайший немецкий философ XX в., разработал учение о Бытии и, в поздних работах, о Последнем Боге.

Коллин Клири — современный американский мыслитель, писатель, язычник-традиционалист и хайдеггерианец, автор книг «Взывая к Богам» и «Что такое руна?».

Юлиус Эвола — итальянский мыслитель, один из столпов языческого традиционализма, автор книг «Люди и руины», «Оседлать тигра» и др.

Влассис Рассиас — идеолог современного греческого традиционализма, писатель, общественный деятель, глава «Высшего Совета Этнических Эллинов» (YSEE).

Готфрид Бенн — выдающийся немецкий писатель и поэт XX в., лауреат премии Георга Бюхнера, вел врачебную практику.

Яцек Добровольский — польский религиовед, культуролог, переводчик, писатель и поэт.

Андерс Нильссон — глава европейской ветви Asatru Folk Assembly, Швеция.

Андрей Игнатьев — русский переводчик с санскрита и европейских языков, эссеист и писатель, знаток тантризма, издатель переводов тантрических текстов.

Чеслав Вятч — автор статей, заметок и стихов о традиционализме; родновер-традиционалист.

Креслав Томский — язычник-традиционалист, писатель и поэт; община «Волотов Узел», г. Томск.

Крив Томский — язычник-традиционалист, поэт; община «Волотов Узел», г. Томск.

Valdr — язычник-традиционалист, одинист, мистик, поэт; г. Москва.

Александр Беялов — поэт, философ, переводчик с английского.

Данила Свартов — иллюстратор книг «Svarte Publishing».

Кирилл Евсеев — студент философского факультета Института философии человека. Приверженец русского взгляда.

Анонсы изданий

Осень-зима 2018-2019 гг. е. v.

Svarte Publishing

- Альманах «Warha #5»;
- Валентин Долгочуб «Язычники атомного века»;
- Англоязычная брошюра «Pagan Traditionalism & Identity».

vk.com/svartepublish

Издательство «Тотенбург»

- Людвиг Клагес «Космогония Эроса»;
- Сборник «Корни Европы»;
- Сборник «Европейская идентичность. 30 лет семинара Туле».

vk.com/totenburg

Требуите в магазинах вашего города!

Места притяжения (где приобрести альманахи и книги)

Новосибирск

- Книжный магазин «Капитал», ул. Максима Горького, 78.
www.kapital-knigi.ru
- Эзотерический магазин «Коловрат», Красный проспект, 17, ком. 1004.
vk.com/club123900354
- Книжная лавка в баре «Открой Рот», ул. Ленина, 8.
- Тату-салон AZ-ART
vk.com/azartattoo

Москва

- Книжный магазин «Циолковский», Пятницкий переулок, 8.
www.primuzee.ru
- Книжная ярмарка в СК «Олимпийский», 2-й этаж, место 326.
- Философский клуб «Триптих», Дегтярный переулок, 15, корп. 2.
- Магазин «EDGE», Варшавское шоссе, 39, офис 203.
www.edge-shop.com
- Тату-студия ASGARD TATTOO, Чешихинский проезд, 4.
www.asgard-tattoo.ru

Санкт-Петербург

- Тату-студия MAIN, 6-я Советская улица, д. 8.
vk.com/tattoo_main
- Мастерская Sordes Art
www.abhicharamagichelp.ru/shop
- Книжная ярмарка в ДК им. Крупской, 1-й этаж, галерея, место 9.
- Parsifal: культурно-просветительский центр, ул. Константина Заслонова, 21/23.
- Магазин «Фаренгейт 451», ул. Маяковского, 25.

Челябинск

- Данила Свартов, тату-студия 13 Hardcore.
vk.com/deathshalldance

Томск

- Игорь Семенов, община «Волотов узел».
vk.com/volotovuzel

По вопросам поставок книг в ваши магазины и по вопросам приобретения книг для распространения в вашем городе, а также авторам — пишите на почту svartepublish@gmail.com

www.askrsvarte.org/publish